1962

ИППОЛИТЪ ТЭНЪ

БИБЛІОТЕКА
С. П. БОРОДИНА
№ 1354

НАПОЛЕОНЪ

«МУСАГЕТЪ»
1912.

БИБЛІОТЕКА
С. П. БОРОДИНА
№

БОРОДИНА

К 3
ЗАПАСНЫЙ ФОНД

Ипполитъ [illegible]

Наполеонъ Бонапартъ

(Н. Тайнъ. [illegible])

[illegible]

К
Л62 3/151
ЗАПАСНЫЙ ФОНД
БИБЛИОТЕКА С.П. БОРОДИНА
ПРОВЕРЕНО 1937

Ипполитъ Тэнъ.

Наполеонъ Бонапартъ.

(H. Taine. Les origines de la France contemporaine.
Le régime moderne, tome I, livre I).

Съ воспроизведеніемъ портрета генерала Бонапарта, писаннаго Гереномъ въ 1798 г.

ПЕРЕВОДЪ О. К. СИНЦОВОЙ.

Издательство «МУСАГЕТЪ».
Москва. MCMXII.

1951 г.

1955

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ
Без штампа репрессирован
Бородина С.Л.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ
27190-96

ЧАСТЬ I.

Чтобы объяснить себѣ возникновеніе какого-нибудь зданія необходимо выяснить всѣ обстоятельства, при которыхъ оно возникало, то есть всѣ затрудненія, случайности, условія времени, средства, имѣвшіяся въ распоряженіи, родъ и качество матеріала, необходимость этого зданія; но еще больше вниманія должно быть обращено на вкусы и дарованіе архитектора, въ особенности, если онъ же и владѣлецъ зданія, если онъ строитъ его для того, чтобы поселиться въ немъ самому, и если, водворившись, онъ заботливо устраиваетъ его сообразно со своимъ образомъ жизни, со своими нуждами и занятіями.

Таково общественное зданіе, воздвигнутое Наполеономъ Бонапартомъ; архитекторъ, владѣлецъ и главный обитатель, съ 1799 и до 1814, онъ создалъ нынѣшнюю Францію; никогда еще коллективное творчество не носило на себѣ такого глубокаго отпечатка индивидуальнаго характера, и для полнаго уразумѣнія этого творчества, необходимо прежде всего разсмотрѣть этотъ характеръ [1]).

---

[1]) Главнымъ источникомъ послужила, разумѣется, Переписка Императора Наполеона I, въ тридцати двухъ томахъ. Къ сожалѣнію, эта переписка издана не полностью, а именно, начиная съ VI тома она сильно и преднамѣренно урѣзана: «Вообще,—говорятъ издатели (XVI, стр. 4),—нами руководила та очень простая мысль, что мы призваны опубликовать только то, что Императоръ самъ предалъ бы гласности, если бы, переживъ свой вѣкъ и предупредивъ приговоръ временъ, онъ пожелалъ бы обнаружить передъ потомствомъ свою личность и свою систему». Ученый, добросовѣстнѣе другихъ изучавшій эту переписку въ ея почти первоначальномъ видѣ, по всѣмъ архивамъ Франціи, утверждаетъ, что въ ней насчитывается болѣе 70,000 писемъ, изъ которыхъ 23,000 были опубликованы въ упомянутомъ изданіи, 20,000 изъяты какъ повторенія, а около 30,000, изъ чувства приличія и по соображенію политическаго характера. Такъ, напримѣръ, изъ писемъ Наполеона къ Биго де Прэамнё по церковнымъ вопросамъ опубликована только половина; многія изъ непомѣщенныхъ тамъ писемъ, характерныхъ и представляющихъ большой интересъ, включены въ L'Église romaine et le Premier Empire, par M. d'Haussonville.— Ученый, о которомъ я только что говорилъ, считаетъ, что число важныхъ, еще неизданныхъ, писемъ Наполеона доходитъ до 2,000.

I.

Не знающій мѣры ни въ чемъ и до конца своеобразный, онъ стоитъ не только выше обычнаго уровня, но и внѣ всякихъ условныхъ рамокъ; по своему темпераменту, своимъ инстинктамъ, способностямъ, страстямъ, воображенію и по своему нравственному складу, онъ кажется человѣкомъ, отлитымъ въ какую-то особую форму, созданнымъ не изъ такого матеріала, какъ всѣ его сограждане и современники. Онъ, прежде всего, не французъ и не дитя XVIII вѣка, это человѣкъ другой народности и другого времени [1]). Съ перваго взгляда въ немъ сказывался чужестранецъ, итальянецъ [2]) и затѣмъ еще что-то иное, постороннее, недопускавшее никакихъ сопоставленій и сближеній.

Итальянцемъ онъ былъ и по мѣсту рожденія, и по крови, прежде всего со стороны отцовской родни, которая вышла изъ Тосканы, и родословную которой можно прослѣдить съ XII вѣка, сначала во Флоренціи, потомъ въ Санъ-Миніато и, наконецъ, въ Сарцанѣ, маленькомъ уединенномъ городкѣ Генуэзской области, гдѣ родъ Бонапартовъ незамѣтно прозябаетъ въ провинціальной глуши, пополняя собою безконечную вереницу нотаріусовъ и городскихъ синдиковъ [3]). «Благодаря моему происхожденію,—

---

[1]) Mémorial de Sainte-Hélène, par le comte de Las Cases (29 мая 1816).—«На Корсикѣ, во время одной верховой прогулки, Паоли разъяс-«нялъ ему значеніе нѣкоторыхъ позицій, гдѣ было оказано наи-«большее сопротивленіе и гдѣ восторжествовала свобода. На замѣчанія «своего юнаго спутника и на обнаруженныя имъ характерныя особенности, «Паоли воскликнулъ: «О, Наполеонъ! въ тебѣ нѣтъ ничего совре-«меннаго, ты весь принадлежишь временамъ Плутарха».—Antomarchi, Mémoires, 25 октября, 1819. Тотъ же разсказъ о Наполеонѣ съ небольшимъ варьянтомъ: «О, Наполеонъ!—сказалъ мнѣ Паоли,—ты не нашего «вѣка; твои чувства принадлежатъ временамъ Плутарха. Мужайся! Ты «взлетишь высоко!»

[2]) De Ségur, Histoire et Mémoires, I, 150 (Разсказъ Понтекулана, члена военнаго комитета, въ іюнѣ 1795 года): «Буасси д'Англа сказалъ «ему, что наканунѣ онъ видѣлъ маленькаго итальянца, блѣднаго «хрупкаго, болѣзненнаго, но поражающаго смѣлостью своихъ взглядовъ и «энергичной увѣренностью рѣчи.»—На другой день послѣ визита Бонапарта Понтекулану: «Натянутая манера держаться, порождаемая болѣзнен-«ной гордостью, жалкая внѣшность, длинное лицо, съ ввалившимися ще-«ками бронзоваго оттѣнка... Онъ прибылъ изъ арміи и говоритъ о ней, «какъ знатокъ».

[3]) Coston, Biographie des premières années de Napoléon Bonaparte, 2 vol. (1840), passim. — Yung, Bonaparte et son temps, I, 300, 302. (Pièces généalogiques).—Le roi Joseph, Mémoires, I, 109, 111. (О развѣтвленіяхъ и выдающихся людяхъ рода Бонапартовъ)—Miot de Melito, Mémoires, II, 30. (Документы, имѣющіе отношеніе къ семьѣ Бонапарта, собранные авторомъ на мѣстѣ, въ 1801).

говоритъ самъ Наполеонъ [1]), — итальянцы всегда смотрѣли на «меня, какъ на своего соотечественника... Когда былъ поднятъ «вопросъ о бракѣ сестрѣ моей Паулины съ княземъ Боргезе, «то въ Римѣ и въ Тосканѣ раздался одинъ общій голосъ, какъ «въ самой этой семьѣ, такъ и среди ея сторонниковъ: «Пре«красно, говорили всѣ, это между своими, это одна «изъ нашихъ семей».

Впослѣдствіи, когда папа не рѣшался короновать Наполеона, «итальянская партія въ конклавѣ одержала верхъ надъ австрійской, «присоединивъ къ мотивамъ политическаго характера слѣдующее «соображеніе національнаго самолюбія: Во всякомъ случаѣ, «мы ставимъ во главѣ варваровъ итальянскій «родъ. Это будетъ нашей местью галламъ». Слова знаменательныя, которыя освѣщаютъ намъ тайники итальянской души, этой старшей дочери современной цивилизаціи, упоенной своими правами старшинства, упорной въ своей враждѣ къ транзальпійцамъ, достойной преемницы римской заносчивости, античнаго патріотизма и ненавистничества [2]).

Изъ Сарцаны, одинъ изъ Бонапартовъ переселяется въ Корсику и съ 1529 г. прочно основывается тамъ. Въ слѣдующемъ году была взята Флоренція, усмирена и покорена окончательно; съ того самаго дня, въ Тосканѣ при Александрѣ Медичи, потомъ при Косьмѣ I и его преемникахъ, какъ и во всей Италіи подъ испанскимъ владычествомъ, прекращается былая городская независимость; междоусобныя войны, грандіозныя политическія авантюры, удачныя узурпаціи, господство эфемерныхъ княжествъ, основанное на силѣ и обманѣ, — все это смѣняется постояннымъ гнетомъ монархической дисциплины, внѣшнимъ порядкомъ, словомъ, такъ или иначе—общественнымъ успокоеніемъ. И вотъ, въ ту самую минуту, когда энергія, честолюбіе, всѣ сильные и свободные жизненные соки средневѣковья начинаютъ изсякать въ главномъ стволѣ гибнущаго дерева, а потомъ и совершенно

---

[1]) Mémorial, 6 mai 1816.—Miot de Melito, II, 30 (О Бонапартахъ въ Санъ-Миніато): «Послѣднимъ отпрыскомъ этого рода былъ каноникъ, «проживавшій еще въ томъ же Санъ-Миніато; Бонапартъ навѣщалъ его, «когда въ IV году пріѣзжалъ во Флоренцію».

[2]) Correspondance de l'empereur Napoleon I-er. (Письмо Бонапарта, отъ 29 сентября 1797, по поводу Италіи): «Народъ, искони «враждебный французамъ, по характеру, изъ предубѣжденія, по многовѣ«ковой привычкѣ».

исчезаютъ [1]),—маленькая, оторванная отъ него вѣтвь пускаетъ корни на островкѣ, тоже итальянскомъ, но почти не утратившемъ своей первобытной дикости, среди учрежденій, нравовъ и страстей самыхъ первыхъ временъ средневѣковья [2]), въ суровой соціальной атмосферѣ, способствовавшей сохраненію всей ея прирожденной мужественности и силы.

Здѣсь эти первобытныя силы укрѣпляются въ ней неоднократными прививками дикихъ породъ острова — черезъ браки. Въ этомъ отношеніи по женской линіи, со стороны матери и бабки, Наполеонъ былъ чистокровнѣйшимъ туземцемъ. Его бабка, изъ фамиліи Пьетра Санта, была родомъ изъ Сартэны [3]), кантона по преимуществу Корсиканскаго, гдѣ кровавая родовая месть до самаго 1800 г., поддерживая режимъ XI вѣка, гдѣ постоянная рѣзня враждующихъ семей прерывалась только временными перемиріями, гдѣ во многихъ поселкахъ выходить можно было только вооруженными отрядами, гдѣ дома приходилось окружать, точно крѣпости, зубчатой стѣной.

Мать его, Летиція Рамолино, отъ которой онъ, по характеру и силѣ воли, унаслѣдовалъ гораздо больше, чѣмъ отъ отца [4]), была существомъ первобытнымъ, совершенно нетронутымъ циви-

---

[1]) Miot de Melito, I, 126 (1796): «Уже два съ половиною вѣка прошло «съ тѣхъ поръ, какъ Флоренція утратила свою былую энергію, которою «этотъ благородный городъ отличался въ бурныя времена республики. Во «всѣхъ классахъ населенія царила безпечность... Почти всюду я встрѣчалъ «людей, убаюканныхъ прелестью ихъ счастливаго климата, погруженныхъ «исключительно въ мелочи своей однообразной жизни и спокойно прозя- «бавшихъ подъ своимъ благодѣтельнымъ небомъ».—(О Миланѣ, въ 1796 сравн. у Стендаля, вступленіе къ его Chartreuse de Parme).

[2]) Miot de Melito, I, 131: «Я только что покинулъ одинъ изъ самыхъ «цивилизованныхъ городовъ Италіи, и не безъ чувства глубокаго волненія «увидѣлъ себя внезапно перенесеннымъ въ страну (Корсику), которая «своей дикой природой, своими неприступными горами, жителями, одѣтыми «безъ различія въ толстое коричневое сукно, представляла такой рѣзкій «контрастъ роскошнымъ, смѣющимся полямъ Тосканы, ея общему благо- «состоянію и тому, скажу, почти изяществу, съ которымъ одѣвались сча- «стливые обитатели той благословенной земли».

[3]) Miot de Melito, II, 30: «Изъ малозначущей семьи городка Сартены». II, 143. (О кантонѣ Сартены и вендеттахъ въ 1796.)—Coston, I, 4: «Семья Летиціи была итальянскаго происхожденія и вела свой родъ отъ графовъ Котальто».

[4]) Отецъ его, Карлъ Бонапартъ, человѣкъ слабый и даже легкомысленный, «слишкомъ отдававшійся удовольствіямъ, чтобы заниматься своими дѣтьми» и сколько-нибудь сносно вести свои дѣла, довольно начитанный, а въ общемъ, плохой глава семьи,—умеръ тридцати девяти лѣтъ отъ роду отъ болѣзни желудка; и, кажется, одну только эту особенность онъ оставилъ въ наслѣдство своему сыну Наполеону.—Въ противоположность отцу, мать его, серьезная и властная женщина, истинная глава семьи, какъ говоритъ Наполеонъ, «наказывала и награждала съ оди-

лизаціей,—простая душа, точно вырубленная изъ одного куска, чуждая всякой утонченности, изящества и лоска свѣтской жизни, безъ всякаго образованія, безъ всякихъ запросовъ даже обыденнаго благосостоянія, мелочно расчетливая, какъ крестьянка; но зато энергичная, какъ вождь партіи, сильная душой и тѣломъ, закаленная въ опасностяхъ и искусившаяся въ самой отчаянной рѣшимости, словомъ деревенская «Корнелія», зачавшая и выносившая своего сына среди всѣхъ ужасовъ войны и пораженій, въ самый разгаръ французскаго нашествія, подъ вѣчной угрозой неожиданныхъ нападеній и разстрѣловъ, во мракѣ ночи носясь безъ памяти на конѣ среди дикихъ горъ и ущелій, подъ безостановочный громъ и трескъ ружейныхъ выстрѣловъ [1]). «Потери, лишенія, усталость,—говоритъ Наполеонъ,—она переносила «все, пренебрегала всѣмъ; это была настоящая мужская голова «на тѣлѣ женщины».—Выношенный въ такихъ условіяхъ и рожденный, онъ съ перваго и до послѣдняго дня чувствовалъ себя сыномъ своего народа и своей страны.

«Все тамъ было лучше,—говоритъ онъ на островѣ Св. Елены [2]),—«даже запахъ самой земли. И онъ узналъ бы его съ закрытыми «глазами, и не могъ найти его болѣе нигдѣ. Онъ мысленно пе«реживаетъ тамъ свои первые годы, видитъ свою юность, когда, «взбираясь по утесамъ, онъ повисалъ надъ бездонными про-

---

«наковымъ спокойствіе: намъ неизмѣнно зачитывалось и доброе, и злое».—Ставши матерью Государя, «она продолжала быть слишкомъ разсчетли«вой; доходило до смѣшного. Это было избыткомъ предусмотрительности «съ ея стороны; она знавала нужду, и эти ужасныя минуты слишкомъ «глубоко запечатлѣлись въ ея памяти... Паоли пробовалъ дѣйствовать на «нее убѣжденіемъ, прежде чѣмъ употребить силу... Она отвѣчала, какъ «настоящая героиня и такъ, какъ отвѣтила бы Корнелія... 12 или 15 тыс. «крестьянъ бросились съ горъ на Аяччіо, нашъ домъ былъ сожженъ и «разграбленъ, погибли всѣ наши виноградники и всѣ стада... Впрочемъ, «эта женщина, у которой только съ руками можно было вырвать какой«нибудь жалкій экю, готова была все отдать, чтобы подготовить мое воз«вращеніе съ острова Эльбы, а послѣ Ватерлоо она мнѣ предложила все, «что у нея было, чтобы только поправить мои дѣла». (Mémorial, 29 мая 1816 и Mémoires d'Antomarchi, 18 ноября 1819.—Объ образѣ мыслей и привычкахъ матери Императора прочтите у Stanislave Girardin, Journal et Mémoires I. IV).—Duchesse d'Abrantès, Mémoires, II, 318, 369. «Скупа до неприличія, кромѣ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаевъ... «Никакого понятія о простѣйшихъ свѣтскихъ обычаяхъ... Никакихъ по«знаній въ литературѣ, не только нашей, но и въ своей отечественной».—Stendhal, Vie de Napoléon. «Только этимъ чисто итальянскимъ харак«теромъ Летиціи и могутъ быть объяснены свойства ея сына».

[1]) Вооруженное завоеваніе французами совершилось въ періодъ отъ 30 іюля 1768 г. и до 22 мая 1769; семья Бонапарта приноситъ изъявленіе своей покорности 23 мая 1769 г., а Наполеонъ родится 15 августа.

[2]) Antomarchi, Mémoires, 4 октября 1819.—Mémorial, 29 мая 1861.

«пастями, пробираясь къ отдаленнѣйшимъ вершинамъ, пересѣкая «глубокія долины и дикія ущелья, и пользовался всѣмъ радушіемъ «широкаго гостепріимства...», всюду принятый, какъ соотечественникъ, какъ братъ, «и никогда ни одна случайность или «грубое слово не заставили его усумниться въ обоснованности «его довѣрія». Въ Боконьяно [1]), куда укрылась его мать, носившая его въ то время подъ сердцемъ, «гдѣ ненависть и месть «восходили до седьмого колѣна, гдѣ приданое молодой дѣвушки «оцѣнивалось по числу двоюродныхъ братьевъ въ ея роднѣ, мое «появленіе привѣтствовалось и праздновалось, и всякій радъ былъ «бы пожертвовать собою ради меня». Послѣ того какъ онъ сталъ поневолѣ французомъ, будучи переселенъ во Францію и даже воспитанъ на королевскій счетъ во французской школѣ, онъ все такъ же упорно продолжалъ держаться своего островного патріотизма и громко превозносилъ борца за освобожденіе, Паоли, противъ котораго открыто высказалась его родня. «Паоли,—гово«рилъ онъ за столомъ [2]),—былъ великій человѣкъ, онъ любилъ «свою страну; и я никогда не прощу моему отцу, что, будучи его «адъютантомъ, онъ содѣйствовалъ присоединенію Корсики къ Франціи; онъ долженъ былъ раздѣлить съ нимъ его судьбу».

Всю свою юность онъ въ душѣ остается врагомъ французовъ всегда угрюмымъ, желчнымъ «равнодушнымъ къ людямъ и мало «любимымъ, точно во власти какого-то мучительнаго чувства», какъ побѣжденный, затаившій постоянную вражду и вынужденный повиноваться. Въ Бріеннѣ онъ не бываетъ ни у кого изъ товарищей, избѣгаетъ игръ, въ свободное время затворяется въ библіотекѣ; душу свою онъ открываетъ только Бурьенну, да и то въ порывахъ самой непримиримой ненависти: «Я насолю твоимъ «французамъ, сколько хватитъ силъ». «Этотъ корсиканецъ по «характеру и національности своей,—пишетъ о немъ его препо-

---

[1]) Miot de Melito, II, 33: «Въ день моего пріѣзда въ Боконьяно родо«вая месть стоила жизни двоимъ. Лѣтъ около восьми тому назадъ, одинъ «изъ жителей одного кантона убилъ своего сосѣда, отца двоихъ дѣтей... «Достигнувъ шестнадцати или семнадцати-лѣтняго возраста, мальчики по«кинули свой домъ и стали выслѣживать убійцу, который держался на«сторожѣ и не смѣлъ отойти отъ деревни... Они его находятъ за картами «подъ деревомъ, стрѣляютъ, убиваютъ его, а кромѣ того, случайно и еще «одного человѣка, который мирно спалъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Род«ные обѣихъ сторонъ нашли поступокъ правильнымъ и вполнѣ закон«нымъ». Тамъ же, I, 143: «Когда я изъ Бастіа перебрался въ Аяччіо, вид«нѣйшія мѣстныя фамиліи, Перальди и Вивальди, обмѣнялись ружейными »выстрѣлами, оспоривая другъ у друга честь помѣстить меня у себя».

[2]) Bourrienne, M é m o i r e s, I, 18, 19.

«даватель исторіи въ Военной Школѣ [1]),—пойдетъ далеко, если «обстоятельства сложатся благопріятно».

По выходѣ изъ школы и зачисленіи въ гарнизонъ Валенса и Оксонны, онъ остается попрежнему чуждымъ и недоброжелательнымъ; въ немъ пробуждается прежняя злоба, онъ порывается излить ее на бумагѣ въ письмѣ къ Паоли [2]): «Я родился,—говоритъ «онъ,—въ такое время, когда отечество погибало. Тридцать ты«сячъ французовъ, изрыгнутыхъ на наши берега, заливавшихъ «потоками крови престолъ свободы, — таково было отвратитель«ное зрѣлище, поразившее мои взоры. Крики умирающихъ, стоны «угнетенныхъ, слезы отчаянія, — вотъ что окружало мою колы«бель отъ самаго моего рожденія... Я хочу заклеймить без«честьемъ тѣхъ, кто измѣнилъ общему дѣлу..., тѣ низкія души, «которыя могъ совратить подлый расчетъ».

Немного спустя онъ пишетъ письмо къ Буттафуоко, депутату Учредительнаго Собранія и главному дѣятелю французской аннексіи,—настоящее изверженіе сплошной и сосредоточенной ненависти, которую онъ вначалѣ пытается сдержать формой холоднаго сарказма, но очень скоро она у него прорывается цѣлымъ потокомъ расплавленной лавы и бьетъ ключемъ самыхъ пламенныхъ оскорбленій.

Съ пятнадцатилѣтняго возраста, сначала въ школѣ, потомъ въ полку [3]), онъ всею силою своего воображенія уносится въ прошлое своего острова; многіе годы онъ только и живетъ мыслью о немъ; онъ подноситъ Паоли свою книгу; не имѣя возможности напечатать ее всю, онъ ограничивается сжатымъ извлеченіемъ, которое и посвящаетъ аббату Рейналю; тяжелымъ слогомъ, но со всѣмъ трепетомъ и теплотою настоящаго чувства, онъ приводитъ въ немъ лѣтопись своего маленькаго народа, рядъ возстаній и освобожденій, геройскія и кровавыя дѣянія, засады, измѣны, трагедіи общественной и домашней жизни, повѣсти любви, мщеній и убійствъ; словомъ, полное повтореніе исторіи клановъ горной Шотландіи. И слогъ его еще больше, чѣмъ его симпатіи,

---

[1]) De Ségur, Histoire et Mémoires, I, 74.

[2]) Yung, I, 195. (Письмо Бонапарта къ Паоли, 12 іюня 1789).—I, 250. (Письмо Бонапарта къ Буттафуоко, 23 января 1790).

[3]) Yung, I, 107. (Письмо Наполеона къ своему отцу, 12 сентября 1784).—I, 163. (Письмо Наполеона къ аббату Рейналю, іюль 1786).—I, 197. (Письмо Наполеона къ Паоли, 12 іюня 1789). Три письма, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Корсики, посвящаются аббату Рейналю въ письмѣ отъ 24 іюня 1790; они помѣщены у Yung, I, 434.

изобличаютъ въ немъ чужестранца. Разумѣется, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ своихъ юношескихъ произведеніяхъ, онъ подражаетъ, сколько можетъ, популярнымъ писателямъ своего времени, Руссо и въ особенности Рейналю; онъ по ученически повторяетъ ихъ тирады, ихъ сентиментальныя восклицанія, ихъ гуманитарный паѳосъ. Но это заимствованное одѣяніе стѣсняетъ его, оно не приходится по мѣркѣ его личности, оно слишкомъ хорошо скроено и ладно сшито, да еще изъ слишкомъ тонкой ткани; оно требуетъ слишкомъ большой размѣренности въ походкѣ и сдержанности въ движеніяхъ, у него же оно на каждомъ шагу заминается и безобразно топорщится; онъ его не умѣетъ носить и оно трещитъ на немъ по всѣмъ швамъ. Ему не только никогда не удавалось, да такъ и не удалось, усвоить французскую орѳографію, но и самый духъ языка былъ ему чуждъ, равно какъ и подлинный смыслъ и точное значеніе оборотовъ, словопроизводство, связь, подчиненіе и сочетаніе между собою предложеній, правильное примѣненіе образныхъ выраженій [1]); онъ идетъ напроломъ сквозь цѣлый ворохъ итальянизмовъ, варваризмовъ [2]), безсвязностей и несообразностей всякаго

---

[1]) Прочтите въ особенности его разсужденіе: О тѣхъ истинахъ и чувствахъ, которыя болѣе всего должно внушать людямъ для ихъ благополучія. (Тема, предложенная Ліонской академіей въ 1790): «Quelques hommes hardis, impulsés par le génie... «La perfection naît du raisonnement, comme le fruit de l'arbre... Les yeux de la «raison garantissent l'homme du précipice des passions... C'était principalement «par le spectacle du fort de la vertu que les Lacédémoniens «sentaient... Pour conduire les hommes au bonheur, faut il donc qu'ils «soient heureux en moyens... Mes titres (à la propriété) se renouvellent «avec ma transpiration, circulent avec mon sang, sont écrits sur mes nerfs, «dans mon coeur... Vous direz au riche: tes richesses font ton malheur, rentre «dans la latitude de tes sens... Qu'à votre voix les ennemis de «la nature se taisent et avalent de rage leurs langues de serpent!.. L'infortuné a «fui la société des hommes; le drap noir a remplacé la tapisserie de la «gaîté... Voilà, messieurs, sous le rapport animal, les sentiments qu'il faut inculquer aux hommes pour le bonheur».

[2]) Yung, I, 252. (Письмо къ Буттафуоко): «Tout dégouttant du sang de «ses frères, souillé par des crimes de toute espèce, il se présente avec confiance «sous une veste de général, unique récompense de ses forfaits». I, 192. (Письмо къ корсиканскому губернатору 2 апрѣля 1789 г.): «Cela fait de cultivation, qui nous ruine», и т. д. Безконечное количество грубѣйшихъ ошибокъ во французскомъ языкѣ можно найти въ разныхъ рукописныхъ письмахъ, скопированныхъ Юнгомъ. Miot de Melito, I, 84. (Іюль 1796): «Его рѣчь была въ то время отрывистой и очень неправильной». M-me de Rémusat, I, 104: «На какомъ бы языкѣ онъ ни говорилъ, всегда «казалось, что онъ имъ недостаточно владѣетъ; казалось, что ему всегда «приходилось его насиловать, чтобы выразить свою мысль». Неизданныя замѣтки графа Шанталя члена Государственнаго Совѣта, потомъ министра внутреннихъ дѣлъ, во времена консульства: «Въ то время Бона-

рода, и спотыкается, прежде всего, конечно, изъ-за своей неловкости и неопытности, но также и отъ избытка энергіи и пыла: мысль его, отрывистая, вулканическая, отягченная страстностью, указываетъ на то, какъ глубокъ и кипучъ ея родникъ. Еще въ школѣ преподаватель словесности говорилъ о немъ, что «въ не-«правильномъ и своеобразномъ величіи этого многословія ему «чудится раскаленный въ вулканѣ гранитъ» [1]). Принявъ во вниманіе всю эту оригинальность мысли и воспріимчивости, эту неприспособленность къ окружающему его міру и полное несходство съ товарищами, можно заранѣе съ увѣренностью сказать, что весь міръ ходячихъ идей, такъ властно захватившихъ въ то время большинство, пройдетъ мимо, не коснувшись его.

Казалось, что изъ двухъ главныхъ и противорѣчивыхъ идей, которыя въ немъ сталкивались, каждая владѣла имъ по преимуществу; на самомъ же дѣлѣ, онъ не былъ подвластенъ ни одной изъ нихъ. Пансіонеръ короля, на счетъ котораго онъ воспитывается сначала въ Бріеннѣ, потомъ въ Парижской Военной Школѣ, (а сестра его—въ Сенъ-Сирѣ), пользуясь цѣлыхъ двадцать лѣтъ, вмѣстѣ со всею семьею, его благодѣяніями, обращаясь къ нему въ то же время съ самыми слезными либо благодарственными посланіями отъ имени своей матери, онъ никогда, однако, не смотрѣлъ на короля, какъ на прирожденнаго своего главу; у него даже мысли не зарождалось стать въ его ряды и обнажить за него свою шпагу; дворянинъ по рожденію, согласно изысканіямъ Гозье, воспитанникъ аристократической кадетской школы, онъ чуждъ, однако, всякихъ дворянскихъ и монархическихъ традицій [2]). Безъ всякихъ средствъ, снѣдаемый честолюбіемъ,

---

«партъ не стѣснялся своей плохой освѣдомленности въ деталяхъ упра-«вленія; онъ безпрестанно задавалъ вопросы, спрашивалъ о смыслѣ и «значеніи словъ самыхъ употребительныхъ. Такъ какъ ему не всегда уда-«валось разслышать какъ слѣдуетъ слова, произнесенныя впервые, то онъ «такъ и продолжалъ ихъ употреблять, какъ они дошли до его слуха. «Такимъ образомъ, онъ постоянно говорилъ section вмѣсто session, «armistice вмѣсто amnistie, îles Philippiques вмѣсто îles Philip-«pines, point fulminant вмѣсто point culminant, rentes voyagères «вмѣсто rentes viagères и т. д.

[1]) De Ségur, I, 174.

[2]) Сравните Mémoires du marèchal Marmont, I, 15, чтобы ознакомиться съ чувствами, воодушевлявшими въ то время дворянскую молодежь. «Въ «1792 году особа короля вызвала во мнѣ чувство, которое трудно под-«дается опредѣленію, и слѣды котораго даже съ остатками былой горяч-«ности сказались и двадцать два года спустя: чувство преданности почти «религіознаго характера, врожденно-благоговѣйное отношеніе, какъ къ «существу высшаго порядка. Слово король имѣло тогда магическій смыслъ «и значеніе, незыблемое въ чистыхъ и безъискусственныхъ сердцахъ...

поклонникъ Руссо, покровительствуемый Рейналемъ, компиляторъ философскихъ сентенцій и общихъ мѣстъ, этотъ человѣкъ если и говоритъ языкомъ своего времени, то самъ ему не вѣритъ; модныя фразы служатъ только приличной академической мантіей для его мысли, или же красной шапкой клуба; демократическія мечтанія его не ослѣпляютъ, къ осуществленной революціи онъ чувствуетъ одно отвращеніе, какъ и къ господству черни. Въ апрѣлѣ 1792 г. въ Парижѣ, въ самый разгаръ борьбы между монархистами и революціонерами, онъ занятъ подысканіемъ «какой-нибудь выгодной спекуляціи» [1]), собирается снимать дома и пересдавать ихъ съ барышемъ. 20 іюня онъ, въ качествѣ простого зрителя, присутствуетъ при нападеніи на Тюльери и, увидѣвъ въ окнѣ короля, нацѣпившаго красную шапку, говоритъ довольно громко: «Che coglione!—что за ду«ракъ!» И продолжаетъ: «Какъ можно было впустить эту сволочь! «Дали бы хорошій залпъ, смели бы сотенъ пять — шесть, у «остальныхъ бы только пятки засверкали!» 10 августа, подъ звуки набата, въ немъ зарождается одинаково презрительное отношеніе какъ къ королю, такъ и къ народу; онъ бѣжитъ къ своему пріятелю, на площадь Карусели, и оттуда, опять-таки «какъ посторонній зритель, любуется всѣми событіями дня» [2]). Потомъ, когда дворецъ взятъ, онъ обходитъ Тюльери, забѣгаетъ во всѣ ближайшія кафе и наблюдаетъ. И только: никакого желанія принять самому участіе, ни малѣйшаго внутренняго порыва, ни якобинецъ, ни роялистъ. Даже на лицѣ у него написано такое спокойствіе, что «на него обращаются тысячи «недовѣрчивыхъ и непріязненныхъ взоровъ, какъ на чуждаго и «подозрительнаго». Точно такъ же, послѣ 31 мая и 2 іюня, его Ужинъ въ Бокэрѣ доказываетъ, что въ возстаніи департаментовъ онъ осуждаетъ главнымъ образомъ ихъ безсиліе. И дѣйствительно: у повстанцевъ—разбитая армія, ни одной устой-

---

«Эта религія королевской власти была еще жива въ народныхъ массахъ, а «еще больше въ средѣ тѣхъ родовитыхъ людей, которые, далеко отстояли отъ власти и жили больше подъ впечатлѣніемъ ея блеска, «чѣмъ ея несовершенствъ... Эта любовь переходила въ своего рода «культъ».

[1]) Bourrienne, Mémoires, I, 27.—Ségur, I, 445. Въ 1795 въ Парижѣ, не занимая никакой военной должности, Бонапартъ пускается въ нѣсколько коммерческихъ предпріятій, затѣваетъ, между прочимъ, и книжное дѣло, изъ котораго ничего не вышло. (По свидѣтельству Себастьяни и многихъ другихъ).

[2]) Mémorial, 3 авг., 1816.

чивой позиціи, кавалеріи никакой, артиллерія, набранная изъ новобранцевъ, Марсель брошенъ на произволъ судьбы, переполненъ враждебными санкюлотами, затѣмъ вскорѣ осажденъ, взятъ и разграбленъ; успѣхъ возстанія болѣе чѣмъ не обезпеченъ: «Предоставьте бѣднымъ провинціямъ, населенію Виварэ, «Севенны, Корсики биться до послѣдней крайности; но вы сами «попробуйте проиграть хоть одно сраженіе—и все ваше благо-«состояніе, плодъ тысячелѣтнихъ трудовъ, разсчетовъ и страданій, «станетъ добычею солдатъ» [1]). Вотъ чѣмъ, поистинѣ, можно было бы вразумить жирондистовъ! Ни одно изъ соціальныхъ или политическихъ убѣжденій, такъ властно владѣвшихъ тогда умами, надъ нимъ не имѣло власти. До 9-го термидора онъ былъ какъ будто «республиканцемъ - монтаньяромъ». И дѣйствительно, онъ нѣсколько мѣсяцевъ проводитъ въ Провансѣ, какъ «любимецъ и ближайшій совѣтникъ Робеспьера младшаго», «почитатель» Робеспьера старшаго [2]), вступаетъ въ связь съ Шарлотой Робеспьеръ въ Ниццѣ. Но послѣ 9-го термидора онъ сразу бурно порываетъ эти компрометтирующія отношенія: «Я считалъ «его безупречнымъ,—говоритъ онъ о Робеспьерѣ младшемъ въ «письмѣ, написанномъ на показъ,—но будь онъ даже моимъ «отцомъ, я бы собственноручно закололъ его, если бы онъ покушался на самовластіе». Вернувшись въ Парижъ и постучавшись у разныхъ дверей, онъ останавливаетъ свой выборъ на Баррасѣ, самомъ первостепенномъ негодяѣ, томъ самомъ Баррасѣ, который былъ главной причиной паденія и смерти своихъ двухъ первыхъ покровителей [3]). Среди смѣняющихся проявленій фанатизма и столкновеній партій, онъ остается неизмѣнно холоденъ, замкнутъ и безразличенъ ко всякимъ положеніямъ и занятъ только своей собственной судьбой.

---

[1]) Bourrienne, I, 171. (Оригинальный текстъ Ужина въ Бокерѣ).

[2]) Yung, II, 430, 531. (Слова Шарлотты Робеспьеръ.—Въ память этой связи она получила отъ Бонапарта, когда тотъ сталъ консуломъ, пенсію въ 3600 франковъ).—Тамъ же. (Письмо Тилли, уполномоченнаго въ Геную, къ Бюшо, комиссару международныхъ сношеній).—См. въ Mémorial'ѣ очень благопріятный отзывъ Наполеона о Робеспьерѣ.

[3]) Yung, II, 455. (Письмо Бонапарта къ Тилли, 7 августа 1794 г.).—Тамъ же, III, 120 (Mémoires de Lucien): «Баррасъ беретъ на себя забо-«ты о приданномъ Жозефины, которымъ будетъ главное командованіе «надъ итальянской арміей». — Тамъ же, II, 477. (Распредѣленіе высшихъ военныхъ должностей, замѣтки Шерера о Бонапартѣ). «Онъ обладаетъ «дѣйствительными познаніями въ области артиллеріи, но зато и нѣко-«торымъ излишкомъ честолюбія и интригъ направленныхъ на то, чтобы «продвинутся впередъ».

12 вандемьера, вечеромъ, при выходѣ изъ театра Фэйдо, онъ увидѣлъ приготовленія секціонеровъ [1]): «Слушай, —говоритъ онъ «Жюно,—если бы секціи поставили меня у себя во главѣ, ручаюсь, «что черезъ два часа я ввелъ бы ихъ въ Тюльери, и выгналъ бы «вонъ этихъ несчастныхъ членовъ конвента!» А пять часовъ спустя, въ отвѣтъ на предложеніе Барраса и членовъ конвента, онъ беретъ «три минуты» на размышленіе и вмѣсто того, чтобы «взрывать на воздухъ представителей», разстрѣливаетъ парижанъ, какъ истый кондотьеръ, который не отдается весь, душой и тѣломъ, а только временно предлагаетъ свои услуги первому, кто дастъ больше, съ такимъ разсчетомъ, чтобы, при случаѣ, можно было отступиться, а если представится возможность, такъ взять и то и другое.

И онъ, дѣйствительно, становится кондотьеромъ, я хочу сказать, главой шайки и все болѣе независимымъ. Подъ видомъ кажущейся покорности, подъ предлогомъ общественнаго блага, онъ обработываетъ свои собственныя дѣла, ничего не пропуская мимо, пользуясь тѣмъ, что своя рука владыка [2]); онъ остается имъ и въ періодъ итальянской кампаніи, до и послѣ 18 фруктидора, но кондотьеромъ высшаго полета, помышляющимъ уже о высочайшихъ вершинахъ, поставившимъ конечной цѣлью себѣ либо тронъ, либо эшафотъ [3]); стремясь [4]) къ господству надъ Франціей, «а черезъ нее и надъ Европой, всегда погруженный въ свои пла-

---

[1]) De Ségur, I, 162. — La Fayette, Mémoires, II, 215. — Mémorial. (Замѣтка со словъ Наполеона). Онъ приводитъ доводы за и противъ и прибавляетъ, говоря о себѣ самомъ: «Эти чувства, двадцатипятилѣтній «возрастъ, вѣра въ свои силы и въ свою судьбу заставили его рѣшить«ся».—Bourrienne I, 51: «Вполнѣ достовѣрно, что онъ постоянно терзался «воспоминаніями объ этомъ днѣ; онъ часто говорилъ мнѣ, что охотно «отдалъ бы годы своей жизни, чтобы изгладить эту страницу своей «исторіи».

[2]) Mémorial, I, 6 сентября 1815: «Только послѣ Лоди мнѣ пришло «въ голову, что я, въ концѣ-концовъ, смогу, пожалуй, стать виднымъ «дѣятелемъ на нашей политической аренѣ. Тогда-то вспыхнула первая «искра моего высокаго честолюбія». О его цѣляхъ и пріемахъ въ этой итальянской кампаніи см. Sybel, Histoire de l' Europe pendant la révolution française (trad. Dosquet), т. IV, livres II et III, особенно стр. 182, 199, 334, 335, 406, 420, 475, 489.

[3]) Yung, III, 213. (Письмо де Сюси, 4 августа 1797 г.).

[4]) Yung, III, 214. «Если бы во Франціи былъ король, и этимъ коро«лемъ былъ бы не онъ, то онъ хотѣлъ бы быть его творцомъ, такъ «чтобы всѣ его права были на остріѣ его шпаги, и онъ никогда не раз«ставался бы съ этой шпагой, чтобы всадить ее ему въ грудь, если бы «тотъ на одно мгновеніе вышелъ изъ повиновенія».—Miot de Melito, I, 154. (Слова Бонапарта къ Монтебелло въ присутствіи Mio и Мельци, въ іюнѣ 1797). Тамъ же, I, 184, (Слова Бонапарта къ Mio, 18 ноября 1797, въ Туринѣ).

Изданія «ОРФЕЙ».

МЕЙСТЕРЪ ЭКХАРТЪ. Проповѣди и разсужденія. Переводъ М. В. Сабашниковой. Обложка и фронтисписъ работы М. В. Сабашниковой. М. 1912. Ц. 3 р.

РЕЙСБРУКЪ УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Одѣяніе духовнаго брака. Вступительная статья Мориса Мэтерлинка. Переводъ Михаила Сизова. Москва. 1910 г. Цѣна 2 р.

ЯКОВЪ БЕМЕ. Аигога или Утренняя Заря въ Восхожденіи. Переводъ Алексѣя Петровскаго. (Печатается)

ЭММАНУИЛЪ СВЕДЕНБОРГЪ. Увеселеніе премудрости о любви супружественной. Переводъ автора неизвѣстнаго. Издалъ по рукописи В. Пашуканисъ. Роскошное изданіе, типа старыхъ in quarto, въ количествѣ 200 нумерованныхъ экземпляровъ. Цѣна 15 рублей. (Печатается).

ЦВѢТОЧКИ СВ. ФРАНЦИСКА АССИЗСКАГО. Переводъ съ итальянскаго Александра Печковскаго. Вступительная статья Сергѣя Дурылина. (Готовится).

ГЕРАКЛИТЪ ЕФЕССКІЙ. Фрагменты. Переводъ съ греческаго Владиміра Нилендера. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Гимны Орфея. Переводъ Владиміра Нилендера. (Готовится).

Лира Новалиса. Въ переложеніи Вячеслава Иванова. (Готовится).

«ЛОГОСЪ».

Международный Ежегодникъ по философіи культуры. Русское изданіе: Выходитъ три раза въ годъ при постоянномъ участіи: С. Гессена, Э. Метнера, Ѳ. Степпуна и Б. Яковенко и при ближайшемъ участіи: В. Введенскаго, В. Вернадскаго, И. Гревса, Ѳ. Зѣлинскаго, Б. Кистяковскаго, А. Лаппо-Данилевскаго, Н. Лосскаго, Э. Радлова, П. Струве, С. Франка, А. А. Чупрова.

«ЛОГОСЪ». 1910 г. Книга первая. Москва. Цѣна 2 р. Статьи: Г. Риккерта, Э. Бутру, Р. Кронера, С. Гессена, К. Фосслера, Ѳ. Степпуна, Б. Яковенко. Библіографія. Замѣтки.

«ЛОГОСЪ». 1910 г. Книга вторая. Москва. Цѣна 2 р. Статьи: В. Виндельбанда, К. Іоэля, Б. Кроче, Г. Зиммеля, С. Франка, Э. Трёльча, І. Кона, Л. Циглера, Б. Кистяковскаго, Андрея Бѣлаго, Б. Яковенко. Библіографія. Замѣтки.

«ЛОГОСЪ» 1911-1912 г. Книга первая. Москва Цѣна 2 р. Статьи: Э. Гуссерля, Б. Яковенко, В. Сеземана, П. Струве, Г. Зиммеля, Вяч. Иванова, Н. Лосскаго, Н. Алексѣева. Библіографія. Замѣтки.

«ЛОГОСЪ». 1911-1912 г. Книга вторая и третья. Цѣна 2 р. 50 к. Статьи: Г. Зиммеля, Б. Яковенко, Б. Варисско, Ѳ. Степпуна, Г. Риккерта, І. Кона, Г. Ланца, М. Рубинштейна. Библіографія. Замѣтки.

«ТРУДЫ и ДНИ».

Двухмѣсячникъ издательства „Мусагетъ“.

Подъ редакціей Андрея Бѣлаго и Эмилія Метнера, при ближайшемъ участіи Александра Блока и Вячеслава Иванова, и при сотрудничествѣ: Валерія Брюсова, Б. Н. Бугаева, Вольфинга, С. І. Гессена, Н. П. Киселева, В. О. Нилендера, А. С. Петровскаго, Г. А. Рачинскаго, М. В. Сабашниковой, Бориса Садовскаго, Сергѣя Соловьева, Ѳ. А. Степпуна, А. Топоркова, Г. Г. Шпетта, Эллиса, Б. В. Яковенко и др.

ТРУДЫ И ДНИ. № 1. Январь-Февраль 1912 г.

ТРУДЫ и ДНИ. № 2. Мартъ-Апрѣль 1912 г.

ТРУДЫ и ДНИ. № 3. Май-Іюнь 1912 г.

Открыта подписка на 1912 годъ.

Подписная цѣна на годъ 3 р. съ доставкой и пересылкой.

Цѣна отдѣльнаго номера—60 коп.

Подписка принимается въ конторѣ издательства „Мусагетъ“.

Москва, Пречистенскій бульваръ, д. 31, кв. 9, тел. 179-50

а также въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Книжные магазины при пріемѣ подписки удерживаютъ 10%.

Книгоиздательство „Альціона“.

Москва, Пречистенскій бульваръ, д. 31, кв. 9.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. Театръ. (Печатается).

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ и РЕНЕ ГИЛЬ. Научная поэзія. (Печатается).

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Лугъ зеленый. Книга статей. (Лугъ зеленый.—Символизмъ.—Символизмъ и современное русское искусство.—Настоящее и будущее русской литературы.—Гоголь.—Чеховъ.—Мережковскій.—Сологубъ.—Брюсовъ. — Бальмонтъ.—Апокалипсисъ въ русской поэзіи). Москва. 1910 г. Ц. 1 р.

З. Н. ГИППІУСЪ. Разсказы. (Лунные муравьи.—Онъ бѣлый.—Женское.—Былъ и такой.—Увѣренная.—Дверь.—Застѣнный.—Нѣтъ возврата.—Земля и Богъ.—Приказчикъ.—Подслушанныя слова.—Они похожи). Москва. 1912 г. Ц. 1 р.

СЕРГѢЙ КЛЫЧКОВЪ. Пѣсни. Печаль-Радость, Лада, Бова. Москва, 1910 г. Ц. 75 к.

М. КУЗМИНЪ. Новый Ролла. Поэма. Иллюстраціи Н. Сапунова. (Готовится.)

БОРИСЪ САДОВСКОЙ. Узоръ чугунный. Разсказы. (Черты изъ жизни моей.—Двѣ главы изъ неизданныхъ записокъ.—Петербургская ворожея.—Праздничный день поручика Матрадурова.—Погибшій пловецъ.—Сынъ Бѣлокаменной Москвы.—Изъ бумагъ князя Г.). Москва, 1910 г. Ц. 1 р.

ЮРІЙ СИДОРОВЪ. Стихотворенія. Вступительныя статьи А. Бѣлаго, Б. Садовскаго, С. Соловьева. Рисунокъ О. П. Михайловой. Украшенія А. А. Арапова. Москва, 1910 г. Ц. 1 р.

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ. Стихотворенія. Изданіе шестое, дополненное. (Печатается).

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА. Лада. Пѣсенникъ. Обложка работы А. Арапова и С. Коненкова. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 к.

М. ШАГИНЯНЪ. О блаженствѣ имущаго. (Поэзія З. Н. Гиппіусъ). Москва. 1912 г. Цѣна 40 к.

ЭЛЛИСЪ. Марія. Поэма. (Печатается).

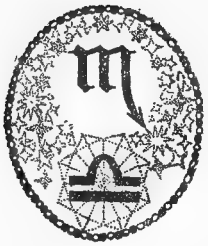
ЛИСТКИ ИЗЪ УТРАЧЕННАГО АЛЬБОМА Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное изданіе рукописи. Стихотворенія А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Н. Д. Иванчина-Писарева, кн. П. И. Шаликова, А. Башилова, безъ подписи сочинителя; карандашный рисунокъ А. С. Пушкина. (Печатается.)

А. С. ПУШКИНЪ. Сужденія о всемірной литературѣ, собранныя систематически подъ редакціей и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. (Готовится.)

БАРБЭ Д'ОРЕВИЛЬИ. Дэндизмъ и Джорджъ Брёммель. Вступительная статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго. Москва. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛЬ ВЕРЛЭНЪ. Записки вдовца. Вступительная статья Валерія Брюсова. Переводъ С. Я. Рубановича. Портретъ Верлэна работы Н. Гончаровой. Рисунки Валлотона, П. Верлэна, Казальса, Коля и др. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

ІОАННЪ СЕКУНДЪ. Поцѣлуи. Переводъ съ латинскаго въ стихахъ Сергѣя Соловьева. (Готовится.)



Книгоиздательство „Скорпіонъ“.

Москва, Театральная площ., д. Метрополь, кв. 23.

Ю. БАЛТРУШАЙТИСЪ. Земныя Ступени. Первая книга стиховъ. М. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. БАЛТРУШАЙТИСЪ. Горная тропа. Вторая книга стиховъ. М. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ. Въ безбрежности. Тишина). М. 1908 г. Изданіе третье. Ц. 2 р.

Томъ II. (Горящія Зданія.) Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце.) Изданіе третье. М. 1908. г. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ V. (Литургія Красоты.) Изданіе второе. М. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VI. (Фейныя сказки. Злыя Чары.) Изданіе второе. М. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VII. (Жаръ-Птица.) Фронтисписъ К. Сомова. М. 1907 г. Ц. 2 р.

Томъ VIII. (Зеленый Вертоградъ.) Изданіе второе. М. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IX. (Птицы въ воздухѣ.) Изданіе второе. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ X. (Хоровод Временъ.) М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

К. БАЛЬМОНТЪ. Змѣиные цвѣты. М. 1910 г. Ц. 3 р.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Пути и Перепутья. Собр. стиховъ 1892—1909 гг.

Томъ I. Стихи 1892—1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia.) Вторая тысяча. М. 1907 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902—1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos.) Вторая тысяча. М. 1908 г. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы). Вторая тысяча. М. 1909. Ц. 2 р.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Зеркало тѣней. Стихи 1909—1912 г. Обложка Д. Митрохина. М. 1912 г. Ц. 2 р.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Земная Ось. Разсказы, драматическія сцены. 2-е, дополненное изд. Иллюстрація Альберто Мартини. М. 1910 г. Ц. 2 р. 20 к.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. М. 1909 г. Ц. 2 р. 50 к.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Далекіе и Близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. М. 1911 г. Ц. 2 р.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. 2-е изд. М. 1910 г. Ц. 40 к.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 2 р.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Сѣверная симфонія. (1-я героическая.) Въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку Обри Бердслея. М. 1904 г. Ц. 75 к.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обл. А. Ѳедотова. М. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛЬ ВЕРЛЭНЪ. Собраніе стиховъ въ переводѣ Валерія Брюсова. Съ біографическимъ очеркомъ и 6 портретами. М. 1911 г. Ц. 2 р.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909 г. Ц. 80 к.

КНУТЪ ГАМСУНЪ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго, С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909 г. Ц. 50 к.

Н. ГУМИЛЕВЪ. Жемчуга. Стихи. Обложка Д. Кардовскаго. М. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. Cor Ardens. Стихи. Томъ I. М. 1911 г. Ц. 2 р. 40 к.—Томъ II. М. 1912 г. Ц. 2 р.—За оба тома вмѣстѣ, ц. 3 р. 50 к.

М. КУЗМИНЪ. Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

М. КУЗМИНЪ. Осеннія озера. Вторая книга стиховъ. М. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

М. КУЗМИНЪ. Первая книга разсказовъ. М. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

М. КУЗМИНЪ. Вторая книга разсказовъ. М. 1910 г. Ц. 1 р. 80 к.

М. КУЗМИНЪ. Куранты любви. Поэма. 30 стр. текста + 70 стр. нотъ. Съ 8 рис. худ. С. Судейкина и Н. Ѳеофилактова. М. 1910 г. Ц. 3 р.

ИВ. КОНЕВСКОЙ. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р.

ШАРЛЬ ВАНЪ-ЛЕРБЕРГЪ. Панъ. Они почуяли. М-lle Коси-Сѣно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Ѳеофилактова. М. 1908 г. Ц. 1 р.

МОРИСЪ МЭТЕРЛИНКЪ. Стихи. Пелеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905 г. Ц. 1 р.

ЭДГАРЪ ПО. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта, въ 5 томахъ. Томъ I. изд. 3-е. М. 1911 г. Ц. 2 р. 20 к.—Томъ II, изд. 2-е. М. 1912 г. Ц. 1 р. 30 к.—Томъ III. М. 1911 г. Ц. 2 р.—Томъ IV. М. 1912 г. Ц. 2 р.—Томъ V. М. 1912 г. Ц. 2 р.

ПИСЬМА ПУШКИНА И КЪ ПУШКИНУ. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. М. 1907 г. Ц. 80 к.

ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ. Тюремная баллада. Переводъ К. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904 г. Ц. 50 к.

СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ. Альманахъ 1911—12 г. Стихи, разсказы, драмы: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, М. Кузмина, З. Гиппіусъ, Н. Гумилева, Б. Садовскаго, М. Волошина и др. Обложка К. Сомова. М. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

«ны, упорно, ничѣмъ не отвлекаясь, какихъ-нибудь три часа въ «сутки отдавая сну», смѣясь надъ идеями и народами, надъ религіями и правительствами, онъ игралъ съ неподражаемымъ умѣньемъ и безцеремонностью людьми, вѣрный себѣ въ выборѣ средствъ и цѣли, изумительный и неистощимый виртуозъ въ умѣньи подкупать, обольщать, соблазнять, запугивать и очаровывать, обаятельный, но еще болѣе страшный, точно какое-то великолѣпное и дикое животное, ворвавшееся въ стадо домашней скотины, мирно жующей свою жвачку. Опредѣленіе это отнюдь не преувеличено; оно принадлежитъ его современнику-очевидцу и даже другу, искусному дипломату, приблизительно той же эпохи [1]): «Знаете ли, душевно любя нашего дорогого генерала, «втихомолку называю его однако тигренкомъ, что даетъ «очень вѣрное представленіе о его внѣшности, подвижности и «порывистости, о его настойчивости и храбрости, словомъ обо «всемъ, что ему свойственно и что оправдываетъ это опредѣленіе».

Къ этой же эпохѣ, когда офиціальное обожаніе и предвзятый условный образъ еще не вполнѣ вошли въ силу, относятся и два его портрета съ натуры: одинъ живописный, принадлежащій кисти безпристрастнаго художника Герена, другой моральный, оставленный намъ выдающейся женщиной той эпохи, г-жей де-Сталь, въ которой вся европейская культура сочеталась со свѣтской проницательностью и чутьемъ. Оба портрета такъ безукоризненно совпадаютъ, что каждый изъ нихъ кажется толкованіемъ и дополненіемъ другого. «Въ первый разъ я увидѣла его», говоритъ г-жа де-Сталь [2]), «послѣ его возвращенія во Францію «по заключеніи Кампоформійскаго мира. Едва я успѣла опра«виться отъ перваго смущенія и восторга, какъ на смѣну ему «явилось вполнѣ опредѣленное чувство страха». И однако «въ то «время онъ еще не имѣлъ прочнаго положенія, считали даже, что «надъ нимъ висятъ угрозой какія-то смутныя подозрѣнія Дирек«торіи»; къ нему относились скорѣй съ симпатіей и пристрастно, «такъ что страхъ, который онъ внушалъ, вызывался исключи-

38350

---

[1]) D'Haussonville, L'Eglise romaine et le Premier Empire, I, 405. (Слова Како, секретаря французскаго посольства въ Римѣ, подписавшаго Толентинскій договоръ вначалѣ переговоровъ о конкордатѣ). Како говоритъ, что онъ сталъ употреблять это слово «послѣ сценъ въ «Толентино и Ливорно, послѣ страховъ, пережитыхъ Манфредини, угрозъ «по адресу Матеи и другихъ рѣзкихъ выходокъ».

[2]) M-me de Staël, Considérations sur la révolution française, 3-e partie, ch. XXVI, 4-e partie, ch. XVIII

«тельно страннымъ дѣйствіемъ его личности почти на всѣхъ, кто «съ нимъ сталкивался. Мнѣ приходилось встрѣчаться съ людьми, «достойными всякаго почтенія, какъ и съ самыми жестокими «злодѣями, но въ томъ впечатлѣніи, какое производилъ на «меня Бонапартъ, не было ничего напоминающаго ни тѣхъ, «ни другихъ. Встрѣчаясь съ нимъ въ Парижѣ при самыхъ «разнообразныхъ обстоятельствахъ, я скоро пришла къ за«ключенію, что его личность не поддается тѣмъ «опредѣленіямъ, къ которымъ мы привыкли; его нельзя «было назвать ни добрымъ, ни злымъ, ни мягкимъ, ни жестокимъ, «въ томъ смыслѣ, въ какомъ это примѣнимо къ извѣстной намъ «категоріи лицъ. Такой человѣкъ, единственный въ своемъ «родѣ, не могъ ни испытывать самъ, ни возбуждать въ другихъ «обыкновеннаго чувства симпатіи; онъ былъ чѣмъ-то или «большимъ, или меньшимъ, чѣмъ человѣкъ; его ма«неры, его умъ и рѣчь носили на себѣ отпечатокъ чего-то «чужеземнаго... Встрѣчаясь съ Бонапартомъ чаще, я не только не «освоилась съ нимъ, но съ каждымъ днемъ робѣла и смущалась все «больше. Я смутно чувствовала, что его не можетъ затронуть «никакое сердечное движеніе. На человѣческое существо «онъ смотритъ какъ на фактъ или вещь, а не какъ «на нѣчто подобное себѣ. Онъ такъ же далекъ отъ любви, «какъ и отъ ненависти: онъ не признаетъ никого, кро«мѣ самого себя; все остальное существующее—для него только «числа. Сила его воли заключается въ непреклонномъ разсчетѣ «его эгоизма; онъ — искусный игрокъ, а человѣческій родъ— «противная партія, которой онъ готовится объявить шахъ и «матъ... Каждый разъ въ его разговорѣ меня поражало ясно вы«раженное чувство превосходства; оно не имѣло ни«чего общаго съ превосходствомъ людей просвѣ«щенныхъ, утонченныхъ наукой и общеніемъ, «образцы которыхъ намъ даетъ Франція и Англія. Въ «его рѣчи сказывалось то чутье обстоятельствъ, какое «обнаруживаетъ охотникъ при выслѣживаніи добычи... Въ его «душѣ мнѣ чувствовалось какое-то холодное и острое лезвіе, ледя«нящее и наносящее раны, въ умѣ—такая глубокая безпощадная «иронія, что отъ нея не могло скрыться ничто великое и пре«красное, даже его собственная слава; потому что онъ презиралъ «ту націю, одобренія и признанія которой добивался»... «Все «было для него или средствомъ, или цѣлью, ничего непроизволь-

наго ни въ чемъ, ни въ добрѣ, ни въ злѣ»... Онъ не признавалъ для себя никакихъ законовъ, никакихъ идеальныхъ, отвлеченныхъ нормъ, «онъ интересовался вещами только съ точки зрѣнія «ихъ непосредственной практической полезности, а всякій общій «принципъ отвергалъ, какъ вздорный или какъ враждебный».

Теперь возьмите портретъ Герена [1]), взгляните на это худое тѣло и узкія плечи въ мундирѣ, измятомъ отъ рѣзкихъ движеній, на эту шею, повязанную высокимъ, скомканнымъ галстухомъ, длинные, гладкіе волосы, ниспадающіе и настолько скрывающіе виски, что видимой остается одна только маска, жесткія черты, рѣзко выступающія отъ сильныхъ контрастовъ свѣта и тѣни, щеки съ проваломъ до внутренняго угла глазной впадины, выдающіяся скулы, крутой и крѣпкій подбородокъ, подвижная извилистая линія губъ, сосредоточенно сжатыхъ какимъ-то напряженнымъ вниманіемъ, большіе свѣтлые глаза подъ густыми изогнутыми бровями, этотъ искоса-пристальный взглядъ, пронзающій, какъ сталь, двѣ прямыя складки отъ самаго носа, пересѣкающія лобъ, точно застывшая судорога сдержаннаго гнѣва или упорной воли. Прибавьте къ этому все то, что отъ него приходилось слышать и видѣть его современникамъ [2]), рѣзкая интонація голоса, быстрыя, порывистыя движенія, тонъ постояннаго допроса, повелительный, не допускающій возраженій, — и вамъ станетъ понятно, насколько, при малѣйшемъ соприкосновеніи съ нимъ, люди чувствовали эту властную руку, какъ тяжело она опускалась на нихъ, пригибала ихъ, сжимала и больше не выпускала.

Еще въ салонахъ Директоріи, если онъ и обращается къ мужчинамъ, или даже дамамъ, то не иначе, какъ «въ формѣ во«просовъ, устанавливающихъ превосходство задающаго ихъ надъ «тѣмъ, къ кому они обращены» [3]).

— «Вы женаты?» спрашиваетъ онъ такого-то. Или такую-то: «Сколько у васъ дѣтей?» Другой: «Давно пріѣхали?» или: «Когда «ѣдете?» Къ одной француженкѣ, блиставшей въ обществѣ своей красотой, живостью и остроуміемъ, «онъ подошелъ, какъ-то «уставился на нее, точно самый неотесанный нѣмецкій генералъ,

---

[1]) Портретъ Бонапарта въ «Cabinet des Estampes», «писанный Гереномъ гравированный Физингеромъ, помѣщенный въ Національной Библіотекѣ. 29-го вандемьера VII года французской республики».

[2]) M-me de Rémusat, Memoires, I, 104. — Miot de Melito, I, 84.

[3]) M-me de Staël, Considérations, etc., 3-e partie, ch. XXVI. — M-me de Rémusat, II, 77.

«и говоритъ: «Сударыня, я не люблю, когда женщины вмѣшива-«ются въ политику».

Всякое чувство равенства, интимности, непринужденности или товарищества исчезаетъ съ его приближеніемъ. За полтора года до этой эпохи, когда онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей въ Италіи, адмиралъ Декре [1]), бывшій съ нимъ довольно близкимъ въ Парижѣ, узнаетъ, что Наполеонъ будетъ проѣздомъ въ Тулонѣ: «Я спѣшу къ своимъ товарищамъ, чтобы ихъ «представить, довольный, что могу блеснуть такимъ знакомствомъ; «являюсь весь преисполненъ радости и нетерпѣнія; двери откры-«ваются, я хочу броситься навстрѣчу, но... что-то въ манерѣ, «во взглядѣ и въ звукѣ голоса меня сразу останавливаетъ. Не «было ничего обидно - надменнаго; но кончено: съ этой минуты «я никогда уже не пытался переступать указанной мнѣ границы». Нѣсколько дней спустя [2]), въ Альбенгѣ, нѣсколько дивизіонныхъ генераловъ, въ томъ числѣ и Ожеро, типъ грубаго, но храбраго рубаки, гордаго своимъ ростомъ и отвагой, являются на главную квартиру, весьма недружелюбно настроенные по адресу маленькаго выскочки, присланнаго къ нимъ изъ Парижа; выслушавъ подробную характеристику его, Ожеро заранѣе готовъ на всякую дерзость и ослушаніе: какой-то уличный генералъ, генералъ Вандемьера, любимецъ Барраса, «никакихъ заслугъ въ «прошломъ, которыя бы говорили за него [3]), безъ друзей, точно «медвѣдь, вѣчно одинъ со своими мыслями, невзрачный съ виду, «съ репутаціей математика и фантазера». Ихъ вводятъ, и Бонапартъ заставляетъ ихъ довольно долго прождать себя. Наконецъ, онъ является, надѣваетъ шпагу, шляпу, объявляетъ имъ о своихъ намѣреніяхъ, отдаетъ приказанія и отпускаетъ. Ожеро не проронилъ ни слова; опомнился онъ только на улицѣ и, спохватившись, принялся за свою обычную ругань; однако онъ не могъ не сознаться, такъ же какъ и Массена, что «этотъ невзрачный гене-«ралишка нагналъ таки на него страху; онъ и понять не мо-«жетъ, откуда взялось то превосходство, которымъ онъ почув-«ствовалъ себя раздавленнымъ съ перваго взгляда» [4]).

---

[1]) Stendhal (Mémoires sur Napoléon), разсказъ адмирала Декрэ.—Тотъ же разсказъ въ Mémorial.

[2]) De Ségur, I, 193.

[3]) Roederer, Oeuvres complètes, II, 560. (Бесѣда съ генераломъ Лазалемъ и отзывъ Лазаля о первыхъ выступленіяхъ Наполеона).

[4]) Другой примѣръ такого же воздѣйствія, которое испыталъ на себѣ другой боевой революціонеръ, еще болѣе энергичный и грубый

Насколько онъ былъ существомъ исключительнымъ, выдающимся, созданнымъ для того, чтобы покорять и повелѣвать [1]), необычнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ — это было ясно для его современниковъ. Люди хорошо знакомые съ былой исторіей другихъ народовъ, такіе, какъ г-жа Сталь и, позднѣе, Стендаль, ищутъ объясненія его личности въ той исторической эпохѣ, гдѣ она только и можетъ быть разгадана, углубляясь въ «исторію мелкихъ итальянскихъ тирановъ XIV и XV вѣковъ», вплоть до самихъ Каструччіо-Кастракани, Браччіо Мантуанскихъ, Пиччинино, Малатеста Риминійскихъ, Сфорца Миланскихъ; но они здѣсь усматриваютъ только мысленную, какъ бы случайную параллель, одно лишь психологическое сходство. А между тѣмъ здѣсь и фактически, и исторически положительное родство: родъ свой онъ ведетъ отъ великихъ итальянцевъ, отъ дѣятелей 1400 г., военныхъ авантюристовъ, узурпаторовъ и основателей случайныхъ, кратковременныхъ государствъ; отъ нихъ онъ по прямой линіи унаслѣдовалъ, и кровь, и внутреннюю структуру, какъ умственную, такъ и нравственную [2]). Молодой побѣгъ былъ сорванъ въ этомъ

рубака, чѣмъ Ожеро, — генералъ Вандаммъ. Въ 1815 году Вандаммъ говоритъ какъ-то маршалу д'Орнано, когда они подымались вмѣстѣ по лѣстницѣ Тюльери: «Мой милый, этотъ дьяволъ въ образѣ человѣка (онъ «говорилъ объ Императорѣ) имѣетъ надо мной какое-то обаяніе, въ кото«ромъ я не могу дать себѣ отчета. И это въ такой степени, что я, который «не боюсь ни Бога, ни чорта, готовъ дрожать какъ ребенокъ, когда под«хожу къ нему; онъ могъ бы заставить меня пройти сквозь игольное ушко, «чтобы броситься послѣ того въ огонь». (Le Général Vandamme, par Du Casse, II, 385).

[1]) Roederer, III, 536. (Слова Наполеона, 11 февраля 1809): «Да, я воен«ный, потому что это та особенность, которую я получилъ отъ рожденія; «это мое существованіе, моя вторая натура. Гдѣ бы я ни былъ, я всюду «командовалъ. Двадцати трехъ лѣтъ я командовалъ при осадѣ Тулона; «я командовалъ въ Парижѣ въ вандемьерѣ; я увлекъ за собой солдатъ «въ Италію, какъ только туда явился. Я рожденъ для этого».

[2]) Обратите вниманіе на различныя проявленія одной и той же умственной и нравственной структуры у разныхъ членовъ семьи.—Mémorial (слова Наполеона о его братьяхъ и сестрахъ): «Можно ли предста«вить себѣ другое, столь же многочисленное семейство, которое являло «бы собою такое стройное цѣлое?»—Mémoires (inédits) par M. X..., четырнадцать рукописныхъ томовъ, II, 543 (авторъ ихъ, молодой судейскій чиновникъ при Людовикѣ XVI, важное должностное лицо Имперіи и видный политическій дѣятель временъ Реставраціи и Іюльской Монархіи — свидѣтель, пожалуй, наиболѣе освѣдомленный и наиболѣе компетентный первой половины нашего столѣтія): «Ихъ пороки и добродѣтели выходятъ «изъ сферы обычныхъ представленій и имѣютъ свою особую, только имъ «свойственную физіономію. Но больше всего они отличаются все-таки «необычайнымъ упорствомъ своей воли и непоколебимостью своихъ рѣ«шеній... Всѣмъ имъ присущъ инстинктъ собственнаго величія». «Они, не «задумываясь, принимали самыя высокія положенія, и въ концѣ концовъ, «стали себя считать неизбѣжно на то предназначенными... Ничто не уди-

лѣсу еще раньше, чѣмъ начался въ немъ упадокъ и истощеніе, былъ занесенъ въ такой же питомникъ, хотя и отдаленный, но съ тѣмъ же, нерушимо установленнымъ, трагически-воинственнымъ укладомъ; такимъ образомъ, первоначальный зародышъ сохранился во всей своей неприкосновенности, переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, обновляемый и укрѣпляемый постоянными скрещиваніями. Наконецъ, послѣдній его отпрыскъ появляется изъ земли и роскошно развивается, неся ту же листву и тѣ же плоды, какіе были и на родоначальномъ древѣ; современная культура и искусство французскаго садоводства едва коснулись его; было обрѣзано нѣсколько лишнихъ вѣтвей, да сняты колючки, главная же, основная ткань, внутренняя сущность и непосредственное устремленіе остались безъ измѣненія. Къ тому же почва, которую онъ находитъ во Франціи и въ Европѣ, разрыхленная революціоннымъ ураганомъ, для него болѣе благопріятна, чѣмъ старыя поля средневѣковья; здѣсь онъ одинъ; ему не приходится выдерживать, какъ его итальянскимъ предкамъ, соревнованія се-

---

«вляло Іосифа въ его невѣроятной судьбѣ; въ январѣ 1814 года онъ, въ «моемъ присутствіи, неоднократно повторялъ свое несообразное утвержденіе, что еслибы братъ его соблаговолилъ не вмѣшиваться въ его дѣла «послѣ его вторичнаго вступленія въ Мадридъ, онъ до сихъ поръ занималъ «бы еще испанскій престолъ». Что касается ихъ упорства въ однажды принятомъ рѣшеніи, то достаточно припомнить удаленіе Людовика, отставку Люсьена, сопротивленіе Феша: только они одни и были способны не всегда сгибаться подъ волей Наполеона, а порой даже и открыто противиться ему.—Страсти, чувственность, привычка считать себя выше закона, вѣра въ себя, въ связи съ безусловной даровитостью, изобилуютъ у нихъ даже и въ женщинахъ, какъ въ XV вѣкѣ.—Элиза въ Тосканѣ «съ ея мужской головой и сильной душой, была настоящей повелитель«ницей», несмотря на всю безпорядочность ея частной жизни, «гдѣ даже «внѣшнія приличія не бывали въ достаточной степени соблюдены»; Каролина, въ Неаполѣ, «не отличаясь большей щепетильностью, чѣмъ ея сестры», обращала больше вниманія на благопристойность; она больше всѣхъ походила на Императора; «въ ней всѣ запросы умолкали передъ «честолюбіемъ»; съ ея совѣта и рѣшенія совершилось отпаденіе ея мужа Мюрата въ 1814. О Полинѣ, первой красавицѣ своего времени, можно ска«зать, что ни одна женщина, со временъ жены императора Клавдія, не «доходила, быть, можетъ до такого злоупотребленія своимъ очарованіемъ, «какое себѣ позволяла Полина. Она не могла отказать себѣ—въ своихъ «удовольствіяхъ, даже находясь въ томъ болѣзненномъ состояніи, кото«рое считали слѣдствіемъ ея безпорядочной жизни, и благодаря которому «намъ приходилось такъ часто видѣть ее на носилкахъ». — Жеромъ, «несмотря на всю необычную дерзость своихъ похожденій, сохранилъ до «конца свое вліяніе на жену».—О «стараніяхъ и ухаживаніяхъ» Іосифа за Маріей Луизой въ 1814 Х..., по бумагамъ Савари и по свидѣтельству Сентъ-Эньяна, даетъ изумительныя детали. (Томъ IV, 112) — Notes (inédites) par le comte Chaptal: «Всѣ члены этого многочисленнаго се«мейства (Жеромъ, Людовикъ, Іосифъ, сестры Бонапарта) принимали «троны, точно свою собственность, по праву возвращенную имъ».

бѣ подобныхъ, онъ можетъ захватить себѣ всѣ соки земли, воздухъ и солнечный свѣтъ всего пространства, и стать тѣмъ необъятнымъ колоссомъ, какого не могли бы создать его предшественники, можетъ быть не менѣе живучіе, и конечно столь же жадно поглощающіе все вокругъ себя, какъ и онъ, но рожденные на менѣе рыхлой почвѣ и стѣсненные другъ другомъ.

II.

«Растеніе-человѣкъ,—говоритъ Альфіери,—ни въ одной странѣ «не родится такимъ могучимъ, какъ въ Италіи»; но и въ самой Италіи оно никогда не достигало такой силы развитія, какъ въ періодъ отъ 1300 г., и до 1500, т.-е. отъ эпохи Данте и до временъ Микель-Анджело, Цезаря Борджіа, Юлія II и Макіавелли [1]).— Человѣкъ этого времени отличается прежде всего цѣльностью своего мыслительнаго аппарата. Въ наше время, послѣ трехсотлѣтняго напряженія, умъ нашъ утратилъ извѣстную долю своей крѣпости, воспріимчивости и гибкости: обязательная спеціализація развила въ немъ односторонность и парализовала его воспріимчивость въ другихъ областяхъ; къ тому же, огромное количество готовыхъ идей и заученныхъ пріемовъ засоряютъ его и низводятъ дѣятельность его на степень рутины; наконецъ, онъ переутомленъ чрезмѣрной мозговой работой и размягченъ постоянной сидячей жизнью. И вотъ прямымъ контрастомъ передъ нами встаютъ тѣ непосредственные умы, рожденные дѣвственной кровью молодой расы.

Въ первые же дни консульства Редереръ, безпристрастный и компетентный судья, видящій Бонапарта ежедневно въ Государственномъ Совѣтѣ, а по вечерамъ заносящій свои дневныя впечатлѣнія, никакъ не можетъ опомниться отъ постояннаго и глубокаго изумленія [2]): «Неизмѣнно присутствуетъ на всѣхъ за«сѣданіяхъ, ведетъ ихъ по пяти, по шести часовъ подъ рядъ; гово«ритъ объ очередныхъ дѣлахъ постоянно, и до засѣданій, и послѣ «нихъ, неизмѣнно возвращаясь къ двумъ вопросамъ: справед-

---

[1]) Burkhardt, Die Renaissance in Italien, passim.—Stendhal. Histoire de la peinture en Italie (Introduction), а также Rome, Naples et Florence, passim.

[2]) Roederer, III, 380 (1802).—Notes (inédites) par le comte Chapta. (Когда эти замѣтки будутъ опубликованы, въ нихъ раскроется огромное количество деталей, подтверждающихъ сужденія, высказанныя въ этой главѣ и въ слѣдующей; психологія Наполеона, каковою она представлена здѣсь, найдетъ себѣ въ нихъ вѣское оправданіе).

»ливо ли это? полезно ли это?, разсматривая каждый пред-«метъ по существу съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, подвергая «его предварительно самому точному и глубокому анализу; свѣ-«ряясь затѣмъ съ высшими авторитетами различныхъ временъ «и съ житейскимъ опытомъ; считая для себя обязательнымъ «принимать къ свѣдѣнію и древнѣйшую юриспруденцію, и законо-«дательства Людовика XIV, Фридриха Великаго... Никогда еще «Совѣтъ не расходился съ такимъ запасомъ знаній,—если не отъ «него самого непосредственно, то благодаря его умѣнью заста-«вить углубиться въ предметъ. Никогда члены Сената, Законо-«дательнаго Собраніе или трибунала не уходили отъ него не «вознагражденными за свой поклонъ какимъ-нибудь полезными «указаніями. На всякого общественнаго дѣятеля онъ всегда смо-«тритъ только съ точки зрѣнія государственнаго человѣка и всю-«ду видитъ Государственный Совѣтъ». «Главнымъ образомъ его «выдѣляетъ изъ общей среды не одна только проницатель-«ность и всесторонность его интеллекта, но еще больше уди-«вительная гибкость, сила и неутомимость его вниманія. Онъ «можетъ по восемнадцати часовъ проводить за работой, за «одной и той же или за разными работами. Я никогда не заста-«валъ его умъ утомленнымъ; никогда не видѣлъ его мысль осла-«бѣвшей даже въ минуты физической усталости, даже въ мо-«менты самаго крайнаго напряженія и гнѣва. Никогда я не «видѣлъ, чтобы одно дѣло способно было отвлечь его вниманіе «отъ другого, въ тѣхъ случаяхъ, напримѣръ, когда ему прихо-«дилось отрываться отъ обсуждаемаго вопроса, чтобы заняться «очереднымъ. Дурныя ли, хорошія ли вѣсти изъ Египта никогда «не мѣшали его работѣ надъ сводомъ гражданскихъ законовъ, «какъ и сводъ законовъ не мѣшалъ принятію мѣръ, необхо-«димыхъ для блага Египта. Нельзя себѣ представить человѣка, «который настолько, весь безъ остатка, отдавался бы своему «дѣлу, какъ онъ, и который умѣлъ бы такъ распорядиться со «своимъ временемъ и дѣлами. Нельзя себѣ представить другой «умъ, способный съ такимъ упорствомъ отвергать всякое за-«нятіе или мысль, если она появляется не во время, какъ и «способный съ большимъ жаромъ преслѣдовать ее, съ большимъ «искусствомъ задержать и провести ее, когда пришло ея время».

Онъ и самъ говорилъ впослѣдствіи [1]), что «разныя дѣла и «вопросы размѣщены у него въ головѣ, точно въ шкапу. Когда

[1]) Mémorial.

«приходится прервать какую-нибудь работу,—добавляетъ онъ,— «я просто закрываю этотъ ящикъ и открываю другой. Онѣ никогда «не мѣшаютъ одна другой, никогда меня не стѣсняютъ и не утом- «ляютъ. Хочется спать? Я запираю всѣ ящики и сплю». Нельзя вообразить себѣ мозгъ болѣе дисциплинированный, всегда готовый къ услугамъ, способный на такую постоянную приспособляемость, такое быстрое и полное сосредоточеніе. «Гибкость его [1]) осо- «бенно изумительна въ его исключительномъ умѣньи перемѣщать «мгновенно способности и силы и сосредоточивать ихъ въ дан- «ную минуту всѣ на томъ предметѣ, которымъ онъ заинтере- «сованъ, будь то букашка или слонъ, отдѣльная личность, или «цѣлая непріятельская армія... Пока онъ чѣмъ-нибудь занятъ, «остальное не существуетъ для него; это своего рода охота, отъ «которой его уже ничто не оторветъ».

Вотъ эта-то лихорадочная охота, которую остановить можетъ только достиженіе, это упорное преслѣдованіе, стихійная скачка, для которой само достиженіе всегда бываетъ лишь новой точкой отправленія, — и есть настоящій, прирожденный складъ, естественное теченіе его мысли, излюбленное и непринужденное. «Я,—говоритъ онъ Редереру [2]),—работаю постоян- «но. Если я и кажусь человѣкомъ, у котораго на все готовъ «отвѣтъ и который найдется во всякомъ положеніи, то это про- «исходитъ оттого только, что, прежде чѣмъ за что-нибудь браться, «я долго раздумываю, я предусматриваю все, что можетъ случить- «ся. Не геній даетъ мнѣ умѣнье найтись мгновенно во всякой «бесѣдѣ и при всякихъ обстоятельствахъ, а постоянное размы- «шленіе, постоянная работа мысли... Я всегда работаю, за обѣ- «домъ, въ театрѣ. Я встаю по ночамъ, чтобы работать. Про- «шлой ночью я всталъ въ два часа, сѣлъ въ кресло у камина, «чтобы ознакомиться съ докладомъ о состояніи и расположеніи мо- «ихъ войскъ, представленнымъ мнѣ вчера вечеромъ военнымъ ми- «нистромъ; я нашелъ въ немъ двадцать ошибокъ, отмѣтилъ ихъ, «а сегодня утромъ отправилъ министру, который въ данную ми- «нуту вмѣстѣ со своимъ бюро и занятъ ихъ исправленіемъ».

Его помощники сгибаются и изнемогаютъ подъ тяжестью той задачи, которую онъ на нихъ возлагаетъ и которую онъ

---

[1]) De Pradt, Histoire de l'ambassade dans le grand-duché de Varsovie en 1812, préface, стр. X и 5.

[2]) Roederer, III, 544 (24 февр. 1809). - См. Meneval, Napoléon et Marie-Louise, souvenirs historiques, I, 210—213.

самъ выдерживаетъ безъ всякаго труда. Въ періодъ консульства онъ «иной разъ съ десяти часовъ вечера и до пяти утра пред-«сѣдательствуетъ на частныхъ засѣданіяхъ секцій по вопросамъ «внутренней политики... Въ Сенъ-Клу онъ сплошь и рядомъ «держитъ членовъ Государственнаго Совѣта съ 9 ч. утра до 5 ч. «вечера, съ однимъ перерывомъ въ четверть часа, и къ концу «засѣданія кажется не менѣе бодрымъ, чѣмъ вначалѣ» [1]). Во время ночныхъ засѣданій «нѣкоторые изъ участниковъ падаютъ «отъ изнеможенія, военный министръ засыпаетъ»; онъ ихъ расталкиваетъ, будитъ: «Бодрѣй, граждане, проснитесь! Вѣдь только «два часа! Нужно отработать деньги, которыя платитъ фран-«цузскій народъ!» Консуломъ и императоромъ «онъ отъ каждаго «министра требуетъ отчета въ малѣйшихъ подробностяхъ; часто «они выходятъ изъ Совѣта измученные тѣми безконечными до-«просами, которымъ онъ ихъ подвергаетъ; онъ же не обращаетъ «на это вниманія и отзывается о такомъ днѣ, только какъ о «небольшой передышкѣ для своего ума. Мало того, очень часто «тѣ же министры, вернувшись домой, находятъ у себя десятки «его писемъ, на которыя онъ требуетъ немедленнаго отвѣта, «а для этого не хватитъ иной разъ и цѣлой ночи» [2]).

---

[1]) Pelet de la Lozère, Opinions de Napoléon au Conseil d'Etat, стр. 8.—Roederer, III, 380.

[2]) Mollien, Mémoires, I, 379; II, 230.—Roederer, III, 434. «Онъ стоитъ «во главѣ всего; онъ самъ ведетъ и правительственную часть, и адми-«страцію, и торговлю; по восемнадцати часовъ въ сутки онъ проводитъ «за умственной работой, съ безукоризненной ясностью и систематично-«стью; въ три года онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ любой король могъ «бы сдѣлать за сто лѣтъ», La Valette, Mémoires, II, 75. (Слова секретаря Наполеона о работѣ Наполеона въ Парижѣ послѣ Лейпцига): «Онъ ло-«жится въ одиннадцать часовъ, но зато встаетъ въ три часа утра и до «самаго вечера не бываетъ минуты, которую бы онъ не проводилъ за ра-«ботой. Пора бы прекратить это, потому что и онъ не выдержитъ, а я «еще раньше, чѣмъ онъ».—Gaudin, duc de Gaëte, Mémoires, III (supplément), стр. 75. Разсказъ о томъ, какъ однажды съ 8 часовъ вечера, и до трехъ утра, Наполеонъ, вмѣстѣ съ Годеномъ, провелъ семь часовъ подъ-рядъ за разсмотрѣніемъ общаго бюджета, не отрываясь ни на одну минуту.—Sir Neil Campbell, Napoleon at Fontainebleau and at Elba, стр. 243. (Дневникъ сэра Нейля Кэмпбэлля на островѣ Эльбѣ): «Я никогда «не встрѣчалъ человѣка, въ какихъ угодно жизненныхъ условіяхъ, кото-«рый былъ бы подобенъ ему по работоспособности и неутомимой дѣя-«тельностью его натуры. Кажется, что онъ находитъ особое удовлетво-«реніе въ постоянномъ движеніи и любуется изнеможеніемъ своихъ «спутниковъ, падающихъ отъ усталости, чему я былъ неоднократно сви-«дѣтелемъ, когда приходилось сопровождать его... Вчера, онъ провелъ «на ногахъ весь день съ восьми часовъ утра до трехъ пополудни, «осматривая фрегаты и транспорты во всѣхъ подробностяхъ, спускаясь «до нижнихъ помѣщеній для лошадей, и потомъ отправился, верхомъ, на «трехчасовую прогулку, чтобы, какъ онъ мнѣ сказалъ послѣ, «перебить усталость».

Количество фактовъ, которые скопляются и вмѣщаются въ его умѣ, количество представленій, которыя вырабатываетъ и производитъ его мозгъ, кажется превосходящимъ всякое человѣческое дарованіе; и этотъ мозгъ ненасытный, неутомимый, неистощимый безостановочно функціонируетъ такимъ образомъ въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ.

Благодаря другому свойству той же умственной структуры мозгъ этотъ никогда не работаетъ непроизводительно, что составляетъ величайшее бѣдствіе нашего времени. За три послѣднихъ столѣтія, мы все болѣе утрачиваемъ всякое истинное и непосредственное представленіе о вещахъ; благодаря комнатному воспитанію, сложному и продолжительному, мы, вмѣсто настоящихъ предметовъ, знакомимся съ ихъ обозначеніями: вмѣсто мѣстностей—изучаемъ карты, вмѣсто животныхъ съ ихъ борьбой за существованіе [1])—номенклатуры, классификаціи и, въ лучшемъ случаѣ, мертвые музейные образцы; вмѣсто живыхъ людей съ ихъ дѣятельностью и переживаніями—статистики, кодексы, различныя исторіи, литературы, философіи, словомъ, разныя печатныя обозначенія и, что еще того хуже, обозначенія отвлеченныя, которыя съ вѣками становятся все отвлеченнѣе, все болѣе отдаляясь отъ жизненнаго опыта, становясь все менѣе доступными пониманію, все болѣе обманчивыми и окаменѣлыми, особенно же въ вопросахъ гуманитарныхъ и общественныхъ. Въ этой области, благодаря территоріальному расширенію государствъ, соотвѣтственному умноженію служебныхъ учрежденій и полнѣйшему смѣшенію всѣхъ интересовъ, предметъ настолько возросъ и осложнился, что становится для нашего ума почти неуловимымъ. Наше смутное представленіе неполное и неточное, плохо соотвѣтствуетъ его истинной сущности или же не со-

---

[1]) Исходнымъ пунктомъ великихъ открытій Дарвина было то обстоятельное физическое представленіе, которое онъ себѣ составилъ о животныхъ и растеніяхъ, какъ о существахъ живыхъ, прослѣдивъ все теченіе ихъ жизни, во всей ея трудности и отчаянной борьбѣ за существованіе. Вотъ этого-то представленія и не достаетъ рядовымъ зоологамъ и ботаникамъ, голова которыхъ полна однихъ анатомическихъ препаратовъ да гербаріевъ. Наитруднѣйшая задача всякой науки лежитъ въ необходимости представить себѣ, по характернымъ образцамъ, но въ сокращенномъ видѣ реальный предметъ, какъ онъ существуетъ внѣ насъ, и его подлинную исторію. Клодъ Бернаръ сказалъ мнѣ какъ-то: «Мы только тогда будемъ знать физіологію, когда сумѣемъ прослѣдить «шагъ за шагомъ движеніе частицы углерода или азота, изложить ея «исторію, описать весь процессъ ея прохожденія черезъ тѣло собаки, «отъ момента ея воспріятія собакой и до ея выхода».

отвѣтствуетъ ей вовсе; для девяти умовъ на десять, а быть можетъ и для девяносто девяти на сто, оно стало пустымъ звукомъ; для остальныхъ же, если бы имъ захотѣлось представить себѣ фактически существующее общество, понадобилось бы, сверхъ всякой книжной мудрости, еще лѣтъ десять—пятнадцать всякаго рода наблюденій и размышленій для того, чтобы вызвать къ жизни всѣ тѣ опредѣленія, которыми они наводнили свою память, чтобы ихъ перевести, провѣрить и установить ихъ точный смыслъ, чтобы въ слово, всегда болѣе или менѣе неопредѣленное и пустое, вложить полноту и ясность личнаго впечатлѣнія. Общество, государство, правительство, верховная власть, право, свобода—мы видѣли, какъ въ концѣ XVIII вѣка были искажены и искалѣчены эти важнѣйшія идеи! Какъ въ большинствѣ умовъ, онѣ, путемъ словесныхъ разсужденій, сложились въ аксіомы и догматы, и какихъ уродовъ породили эти метафизическія бредни, сколько отвратительныхъ нежизнеспособныхъ недоносковъ, сколько чудовищныхъ, зловредныхъ химеръ!

Въ мозгу у Бонапарта нѣтъ мѣста ни для одной изъ этихъ химеръ; онѣ не могутъ ни зародиться въ немъ, ни найти себѣ туда доступа; его отвращеніе къ безтѣлеснымъ призракамъ отвлеченной политики идетъ гораздо дальше презрѣнія, оно доходитъ до омерзѣнія [1]); то, что называется теперь идеологіей, было для него настоящимъ кошмаромъ; отталкивающее чувство, которое она въ немъ возбуждаетъ, вызывается не столько личными расчетами, сколько инстинктивною потребностью правды въ практическомъ дѣятелѣ и главѣ государства, который никогда не долженъ забывать, какъ и Екатерина Великая, «что «онъ творитъ не на бумагѣ, а на человѣческой кожѣ, которая «очень чувствительна». Всѣ его убѣжденія, въ этомъ смыслѣ, основаны на его личныхъ уже сдѣланныхъ имъ самимъ наблюденіяхъ и провѣряются тѣми наблюденіями, которыя онъ продолжаетъ дѣлать.

Если онъ и пользовался когда-нибудь книгами, то исключительно какъ матеріаломъ, изъ котораго онъ черпалъ вопросы; разрѣшенія же этихъ вопросовъ онъ ищетъ только въ личномъ опытѣ. Читалъ онъ мало и наскоро [2]); его классическое образо-

[1]) Thibaudeau, Mémoires sur le Consulat, 204. «Тамъ завелось «двѣнадцать или пятнадцать метафизиковъ, которыхъ слѣдовало бы вы«швырнуть вонъ. Это черви, приставшіе къ моему платью».

[2]) M-me de Rémusat, I, 115: «Въ сущности, онъ совсѣмъ не образо«ванъ, такъ какъ читалъ очень мало, и то кое-какъ».—Stendhal, Mémoi-

ваніе очень поверхностно; въ латинскомъ языкѣ онъ едва ли ушелъ дальше четвертаго класса. Въ Военной Школѣ какъ и въ Бріеннѣ, образованіе онъ получилъ ниже средняго; уже въ Бріеннѣ о немъ говорили, что «къ иностраннымъ языкамъ и къ изящной «словесности у него не было никакихъ способностей». Затѣмъ, научная литература и беллетристика, философія, какъ кабинетная, такъ и салонная, которыми такъ упивались его современники, тоже скользнули по его уму точно по каменистому утесу; однѣ только математическія истины, да положительныя историческія и географическія свѣдѣнія, проникли въ него и врѣзались глубоко. Все остальное онъ пріобрѣтаетъ, какъ и его предки XV вѣка, черезъ непосредственное и самобытное примѣненіе своихъ способностей въ общеніи съ людьми и предметами, черезъ примѣненіе своего быстраго и вѣрнаго чутья, неутомимаго и кропотливаго вниманія и, наконецъ, выводовъ, до безконечности провѣряемыхъ и повторяемыхъ въ долгіе часы уединенія и молчанія. Всѣ вопросы онъ изучаетъ на практикѣ, а не путемъ отвлеченнаго мышленія; точно механикъ, выросшій среди машинъ. «Въ военномъ дѣлѣ нѣтъ ничего, чего бы я не могъ «выполнить самъ [1]). Если некому изготовить порохъ, я сумѣю «это сдѣлать самъ; сумѣю поставить лафеты; если нужно отлить «пушки, знаю какъ и это дѣлается; если понадобится обучить «всѣмъ подробностямъ военныхъ дѣйствій и пріемовъ—я и этому «обучу». Вотъ почему онъ сразу оказался свѣдущимъ во всѣхъ областяхъ: и какъ начальникъ артиллеріи, и какъ главнокоман-

---

«res sur Napoléon: «Его воспитаніе было очень несовершеннымъ... «Бо́льшая часть великихъ истинъ, открытыхъ сто лѣтъ назадъ, была ему «неизвѣстна, главнымъ образомъ тѣхъ истинъ, которыя имѣютъ отно- «шеніе къ человѣку и къ обществу. Напримѣръ, онъ никогда не читалъ «Монтескьё такъ, какъ его слѣдуетъ читать, т. е., или принявъ на вѣру, «или начисто отвергнувъ каждую изъ тридцати одной книги его Духа «законовъ. Онъ не читалъ также ни Словаря Бэйля, ни Бо- «гатства народовъ Адама Смита. Впрочемъ этотъ пробѣлъ въ «образованіи Императора никогда не давалъ себя чувствовать въ разго- «ворѣ: прежде всего, онъ самъ направлялъ разговоръ; а затѣмъ, благо- «даря своей итальянской изворотливости, онъ умѣло избѣгалъ всякихъ «опрометчивыхъ вопросовъ или предположеній, которые могли бы выдать «его невѣжество».—Bourrienne, I, 19, 21. Въ Бріеннѣ, «на нашу бѣду, мо- «нахи, которымъ было поручено воспитаніе юношества, ничего не знали, «а для того, чтобы платить хорошимъ иностраннымъ учителямъ, они были «слишкомъ бѣдны. Нельзя себѣ представить, чтобы подобное учрежденіе «могло выпустить хоть одного толковаго человѣка.»—Yung, I, 125 (Отзывы о Бонапартѣ при его выходѣ изъ военной школы): «Очень горячо отдается «отвлеченнымъ наукамъ, мало интересуется остальными, знаетъ основа- «тельно науки математическія и географію».

[1]) Roederer, III, 544 (6 марта 1809), 563 (23 января 1811 et 12 ноября 1813).

дующій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ финансистъ, дипломатъ и всесторонній администраторъ. Благодаря этому умѣнью учиться, онъ, будучи первымъ консуломъ, начинаетъ уже руководить и кабинетными людьми и бывшими министрами, которые несутъ ему на судъ свои докладныя записки. «Я болѣе старый администра-«торъ, чѣмъ они; когда одной только своей головой приходится «изыскивать способы и средства, чтобы кормить, содержать, сдер-«живать и воодушевлять однимъ и тѣмъ же духомъ и одною «волей сотни тысячъ людей, оторванныхъ отъ родины, тутъ «живо постигнешь всю тайну административной мудрости» [1]). Въ каждомъ человѣческомъ механизмѣ, который онъ сооружаетъ и ходомъ котораго управляетъ, онъ одновременно видитъ всѣ отдѣльныя части, каждую на своемъ мѣстѣ и на своей работѣ, генераторы силы, органы передачи, систему зубчатыхъ колесъ, конечную скорость, составляющіе движеніе, окончательный и полный эффектъ. Взглядъ его никогда не скользитъ поверхностно и не охватываетъ предметъ въ однихъ его общихъ чертахъ; «тех-«нической точностью своихъ вопросовъ» онъ, съ ясностью представленій спеціалиста, проникаетъ въ темнѣйшіе закоулки, въ самую глубь вещей; вотъ почему, пользуясь философскимъ терминомъ, его представленія адэкватны своему предмету.

Отсюда его любовь къ деталямъ; ибо онѣ составляютъ плоть и сущность предмета; въ рукѣ, не умѣющей ихъ схватить, или пренебрегающей ими, остается одна скорлупа, одна оболочка. Его любознательность, его жажда въ этомъ направленіи положительно «неутолимы» [2]). Въ каждомъ министерствѣ онъ освѣ-

---

[1]) Mollien, I, 348 (незадолго до Амьенскаго разрыва).—Тамъ же, III, 16. Онъ хотѣлъ, чтобы въ концѣ января 1809 ему былъ представленъ полный отчетъ о состояніи финансовъ по 31 декабря 1808... И этотъ трудъ оказалось возможнымъ представитъ ему черезъ два дня послѣ его требованія».—Тамъ же, III, 434. «Общій балансъ государственной казны, за первые шесть мѣсяцевъ 1812 года, былъ представленъ Наполеону въ Витебскѣ, 11 августа, одиннадцать дней по истеченіи этихъ шести мѣсяцевъ.—Но что дѣйствительно поражаетъ, такъ это его умѣнье и стремленіе, среди столькихъ заботъ и занятій... сохранять самое точное представленіе обо всѣхъ административныхъ процедурахъ и пріемахъ, чтобы имѣть возможность провѣрять ежеминутно ходъ дѣлъ и положеніе дѣлъ. Не существовало никакихъ отговорокъ, чтобы избѣжать требуемаго отвѣта, потому что каждаго онъ спрашивалъ на языкѣ его спеціальности. Только этимъ удивительнымъ административнымъ талантомъ и технической точностью его вопросовъ и можно объяснить, какимъ образомъ онъ могъ поддерживать такое замѣчательное единство въ той административной системѣ, гдѣ всѣ нити, до самыхъ незначительныхъ, сходились въ одномъ человѣкѣ.

[2]) Слова Молліена.

домленъ лучше самого министра, въ каждомъ отдѣленіи знаетъ больше всякаго канцеляриста. У него на столѣ [1]) неизмѣнно находятся расписанія всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ. Онъ составилъ ихъ общій планъ, но первое число каждаго мѣсяца они пересматриваются снова; это его настольная книга, его излюбленное, ежедневное чтеніе. «Расписанія моихъ войскъ всегда у «меня подъ рукой. У меня не хватаетъ памяти, чтобы удержать «александрійскій стихъ, но изъ отчетностей о положеніи моихъ «войскъ я не забываю ни одного слова. Сегодня вечеромъ я, по «обыкновенію, найду ихъ у себя въ комнатѣ и не лягу въ постель, «пока не просмотрю ихъ». Лучше всѣхъ бюро передвиженій военнаго и морского вѣдомствъ, лучше всякихъ штабовъ онъ знаетъ «свое положеніе» на морѣ и на сушѣ, число, размѣры и состояніе своихъ судовъ въ открытомъ морѣ и въ каждомъ порту, положеніе строящихся судовъ въ настоящемъ и въ ближайшемъ будущемъ, составъ и силу экипажа, организацію, личный составъ, матеріальную часть, расположеніе, законченное и предстоящее комплектованіе каждаго корпуса и каждаго полка. То же самое въ сферахъ финансовой и дипломатической, во всѣхъ отрасляхъ свѣтской и церковной администраціи, въ областяхъ физической и моральной. Его топографическая память и

---

[1]) Méneval, I, 210, 213.—Roederer, III, 537, 535 (февраль и мартъ 1809 г., слова Наполеона). «Это было около полуночи».—Тамъ же, IV, 55 (ноябрь 1809). Прочтите замѣчательный допросъ, которому Наполеонъ подвергъ Рэдерера по поводу положенія дѣлъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Его вопросы составляли обширную сѣть, систематическую и сжатую, которая охватывла весь предметъ и не оставляла ни одного матеріальнаго или моральнаго даннаго, ни одного полезнаго факта внѣ линіи своего захвата. — Ségur, II, 231. Сегюръ, которому было поручено осмотрѣть всѣ пункты Сѣвернаго побережья, представилъ ему свой рапортъ. «Я просмотрѣлъ ваши отчеты, говоритъ мнѣ первый кон- «сулъ; они правильны. Вы забыли только двѣ пушки четвертаго калибра въ Остенде».—И онъ указалъ ему «на насыпь позади города».—Онъ былъ правъ.—«Я не могъ притти въ себя отъ изумленія! Просто невѣроятно, «какимъ образомъ, среди многихъ тысячъ пушекъ, разбросанныхъ по по- «стояннымъ и передвижнымъ батареямъ побережья, два мелко-калиберныхъ «экземпляра могли не ускользнуть изъ памяти человѣка».—Correspondence, письмо къ королю Іосифу, 6 августа 1806: «Прекрасное состояніе «моихъ войскъ зависитъ отъ того, что этому вопросу я посвящаю еже- «дневно часъ или два. Когда я получаю ежемѣсячныя свѣдѣнія о состояніи «моихъ войскъ и моего флота, что составляетъ до двадцати объ- «емистыхъ тетрадей, я бросаю всѣ остальныя занятія, чтобы озна- «комиться съ ними детально, чтобы видѣть разницу, происшедшую за ис- «текшій мѣсяцъ. Это чтеніе доставляетъ мнѣ больше удовольствія, чѣмъ «молодой дѣвушкѣ можетъ доставить чтеніе какого-нибудь романа.»— Cadet de Gassicourt, Voyoge en Autriche (1809). Объ его осмотрахъ въ Шенбруннѣ и о провѣркѣ одной изъ повозокъ обоза, взятой за образецъ.

способность географически представлять себѣ страны, земли, мѣстныя препятствія, граничитъ съ какимъ-то внутреннимъ ясновидѣніемъ, которое онъ можетъ вызывать въ себѣ по желанію, и которое, по прошествіи многихъ лѣтъ, воскресаетъ въ немъ во всей своей первоначальной свѣжести. Его разсчетъ и вычисленіе разстояній, передвиженія войскъ и маневровъ столь строго математичны, что не разъ ему случалось за два, за четыре мѣсяца на разстояніи двухъ или трехъ сотенъ миль указывать событія, которыя исполнялись въ точности, на томъ же самомъ мѣстѣ и почти въ тотъ же день [1]). Прибавьте къ этому еще одну способность, и самую удивительную: если его предвидѣніе исполняется, такъ главнымъ образомъ оттого, что онъ, какъ всѣ извѣстные шахматисты, не ограничивается однимъ механическимъ учетомъ передвиженія пѣшекъ, но и точно учитываетъ характеръ и талантъ своего противника, его истинный уровень, предугады-

---

[1]) Bourrienne, II, 116, IV, 238: «У него совсѣмъ не было памяти на соб«ственныя имена, слова и числа; но зато онъ обладалъ памятью по«истинѣ изумительною на ф а к т ы и м ѣ с т н о с т и. Я припоминаю, какъ «по дорогѣ изъ Парижа въ Тулонъ, онъ обращалъ мое вниманіе на всѣ «мѣстности, удобныя для большихъ сраженій... Онъ припоминалъ впечатлѣ«нія отъ своихъ первыхъ путешествій въ ранней молодости и описывалъ «мнѣ всѣ подробности мѣстоположенія, отмѣчая тѣ позиціи, которыя онъ «хотѣлъ бы занять, раньше чѣмъ мы прибывали на мѣсто...» 17 марта, 1800 года, накалывая булавки на карту, онъ показываетъ Бурьенну то мѣсто, гдѣ онъ разсчитываетъ побить Меласа, т. е. Санъ-Джуліано. «Че«тыре мѣсяца спустя, я находился въ Санъ-Джуліано съ его портфелемъ и «приказами, а въ тотъ же вечеръ, въ Торре-ди-Гафоло, значитъ на раз«стояніи одной мили, я писалъ подъ его диктовку бюллетень о сраженіи» (при Маренго).—De Ségur, II, 30. (Разсказъ Дарю Сегюру: 13 августа 1805, въ главной квартирѣ, на берегу Ламанша, Наполеонъ диктуетъ Дарю полный планъ кампаніи противъ Австріи): «Порядокъ выступленій, длитель«ность походовъ, мѣста сбора всѣхъ частей и соединенія въ колонны, на«ступательныя движенія, расчетъ непріятельскихъ передвиженій и его вѣ«роятныхъ ошибокъ,— все въ этихъ спѣшныхъ наброскахъ было продик«товано и предусмотрѣно за два мѣсяца и на разстояніи двухсотъ миль... «Поле сраженія, побѣды и даже дни, когда мы должны были вступить въ «Мюнхенъ и въ Вѣну, все было заранѣе объявлено и записано такъ, какъ «произошло... Дарю видѣлъ всѣ эти предсказанія исполнившимися въ на«значенные дни, вплоть до нашего вступленія въ Мюнхенъ; а если отъ «Мюнхена до Вѣны и оказалась небольшая разница во времени, но не въ «результатахъ, то она была въ нашу же пользу».—M. de la Valette, M é m o i r e s, II, стр. 35. (Онъ былъ главнымъ директоромъ почтъ): «Мнѣ «случалось не разъ чувствовать себя менѣе свѣдущимъ въ разныхъ де«таляхъ моей административной отрасли, чѣмъ Наполеонъ. Онъ зналъ «ихъ настолько основательно, что всегда могъ поправить меня.»—Возвращаясь изъ Булонскаго лагеря, Наполеонъ встрѣчаетъ отрядъ заблудившихся солдатъ; онъ спрашиваетъ номеръ ихъ полка, вычисляетъ со дня ихъ отправленія дорогу, по которой они шли, и ту дорогу, которая имъ оставалась, и говоритъ: «Вы найдете вашъ батальонъ на такомъ-то этапѣ».—Замѣтьте, что «армія въ то время состояла изъ 200,000 человѣкъ».

вая и его вѣроятныя ошибки; разсчетъ матеріальныхъ величинъ и вѣроятій онъ пополняетъ разсчетомъ величинъ и вѣроятій моральныхъ, и здѣсь онъ проявляетъ себя настолько же великимъ психологомъ, насколько совершеннымъ стратегомъ.

Дѣйствительно, никому еще не удавалось пойти дальше въ искусствѣ распознаванія внутреннихъ движеній и состояній какъ отдѣльной души, такъ и общей массы душъ, въ распознаваніи дѣйствительныхъ, постоянныхъ или случайныхъ мотивовъ, которые толкаютъ или удерживаютъ человѣка вообще, или же того или иного человѣка въ отдѣльности, тѣхъ пружинъ, на которыя можно надавить, опереться, той степени или характера давленія, которое въ данномъ случаѣ можетъ считаться цѣлесообразнымъ. Подъ руководствомъ этой центральной способности въ немъ дѣйствуютъ всѣ остальныя; и въ искусствѣ господствовать надъ людьми его геній, дѣйствительно, не имѣетъ себѣ равнаго.

3885

III.

Нельзя себѣ представить для политическаго дѣятеля свойства болѣе драгоцѣннаго; потому что постояннымъ орудіемъ ему служатъ именно человѣческія страсти. Но какъ гадательны вообще всякія проникновенія въ сокровенные тайники человѣческихъ чувствъ и страстей, и какъ туманны всякія попытки вычислить тѣ силы, которыя и знать не хотятъ никакихъ мѣрилъ! Вотъ въ этой-то области, темной и скользкой, гдѣ подвигаться можно только ощупью, Наполеонъ дѣйствуетъ почти навѣрняка, и дѣйствуетъ непрестанно, пробуя свои силы прежде всего на себѣ самомъ; ибо для того, чтобы проникнуть въ чужую душу, нужно умѣть прежде всего разобраться въ своей собственной. «Я всегда «любилъ анализъ,—говорилъ онъ какъ-то [1])—, и если бы мнѣ «случилось когда-нибудь влюбиться серьезно, я бы разложилъ свою «любовь на ея составныя части. Почему и какъ—эти вопросы «настолько полезны, что никогда нельзя считать, что зада«ешь ихъ себѣ слишкомъ часто». «И дѣйствительно,—пишетъ о «немъ тотъ же свидѣтель,—никто не размышлялъ такъ много «надъ тѣми всевозможными почему, которыя руководятъ чело«вѣческими поступками». Его методъ, какъ и методъ всѣхъ опыт-

[1]) M-me de Rémusat, I, 103, 268.

ныхъ наукъ, состоитъ въ провѣркѣ всякой гипотезы и всякаго вывода наблюденіями надъ ихъ точнымъ практическимъ примѣненіемъ при опредѣленныхъ условіяхъ: наличность опредѣленнаго физическаго свойства можетъ быть точно установлена и вычислена по уклоненію стрѣлки, движенію и обезцвѣчиванію жидкости въ стеклянной трубкѣ; наличность моральнаго, невидимаго свойства можетъ быть точно такъ же установлена и приблизительно исчислена по какимъ-нибудь чувственнымъ его проявленіямъ, путемъ энергичнаго испытанія тѣмъ или инымъ словомъ, движеніемъ, или интонаціей. Вотъ эти-то слова, жесты и интонаціи онъ и собираетъ; онъ подмѣчаетъ сокровеннѣйшія душевныя движенія въ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Онъ судитъ о невидимомъ черезъ видимое, по характернымъ чертамъ лица, по той или иной манерѣ говоритъ, по какой-нибудь пустячной, мимолетной сценкѣ, по отрывкамъ и раккурсамъ, которые онъ такъ умѣло схватываетъ и подбираетъ, что они даютъ ему цѣлую нескончаемую цѣпь аналогичныхъ случаевъ. Такимъ образомъ, самый смутный, неуловимый предметъ вдругъ оказывается схваченнымъ, выдѣленнымъ, измѣреннымъ и взвѣшеннымъ точно какой-нибудь неосязаемый газъ, который заключаютъ и удерживаютъ въ градуированной трубкѣ прозрачнаго стекла.

Вотъ отчего, въ Государственномъ Совѣтѣ, пока другіе администраторы и законовѣды видятъ въ своей работѣ одну лишь абстракцію, мертвыя статьи закона и прецеденты, онъ всюду видитъ живую человѣческую душу, какъ она есть, душу француза, итальянца, нѣмца, крестьянина, рабочаго, буржуа, дворянина, пережившаго свое время якобинца, вернувшагося эмигранта [1]), душу солдата, офицера, чиновника; повсюду онъ находитъ живую личность въ ея цѣломъ, человѣка, котрый пашетъ, строитъ, сражается, вступаетъ въ бракъ, рождаетъ, мучится, веселится и умираетъ.

---

[1]) Thibaudeau, стр. 25, I. (О пережившихъ свое время якобинцахъ): «Все «это сытые, здоровые мастеровые, художники и т. п., люди, одаренные «пылкимъ воображеніемъ, немного болѣе образованные, чѣмъ народъ, «живущіе въ народѣ и пользующіеся вліяніемъ у него.» — M-me de Rémusat, I, 271. (О роялистической партіи): «Съ этой партіей очень легко «справиться, потому что она сообразуется не съ тѣмъ, что есть, а съ тѣмъ, «чего бы она желала».—I, 337: «Бурбоны всегда и на все будутъ смотрѣть «только черезъ «Oeil-de-Boeuf». — Thibaudeau, стр. 46: «Эмиграція и шуан«ство—это накожныя болѣзни; терроризмъ же—болѣзнь внутренняя.»— Тамъ же, 75: «Духъ въ арміи поддерживается въ настоящее время увѣрен«ностью военныхъ въ томъ, что они занимаютъ мѣсто прежнихъ дворянъ».

Нельзя себѣ представить, какъ поразителенъ контрастъ между тусклыми и торжественными разсужденіями, которыя ему навязываетъ его мудрый офиціальный редакторъ, и его подлинными словами, схваченными налету въ моментъ ихъ произнесенія, живыми, трепещущими, сверкающими бездной яркихъ образовъ и примѣровъ [1]). По поводу развода, который онъ въ принципѣ защищаетъ: «Справьтесь съ нравами націи: супружеская невѣрность «совсѣмъ не рѣдкость, она вполнѣ обычна; это вопросъ кушетки... «Необходима узда для тѣхъ женщинъ, которыя измѣняютъ «изъ-за побрякушекъ, стиховъ, Аполлона, музъ и т. д.» Но если вы допустите разводъ въ тѣхъ случаяхъ, когда люди не сходятся характерами, то этимъ вы подорвете самую основу брака; непрочность его будетъ ощущаться уже въ самый моментъ его заключенія. «У каждаго будетъ такое чувство: я женюсь, но «до первой перемѣны въ моемъ настроеніи». Не злоупотребляйте также признаніемъ недѣйствительности брака: разъ онъ заключенъ, расторженіе его—всегда серьезный вопросъ. «Я думаю же«ниться на моей кузинѣ, которая должна пріѣхать изъ Индіи, а «меня женятъ на авантюристкѣ; у насъ родятся дѣти и тогда «только я узнаю, что она мнѣ совсѣмъ не кузина: какъ смо«трѣть на такой бракъ? Развѣ общественная нравственность «откажется признать его дѣйствительнымъ? Произошелъ уже взаимный обмѣнъ душъ и проникновеній».

О правахъ дѣтей, даже совершеннолѣтнихъ, на содержаніе: «Захотите ли вы, чтобы отецъ имѣлъ право выгнать изъ дому «свою пятнадцатилѣтнюю дочь? Или отецъ, получающій шестьде«сятъ тысячъ франковъ годового дохода, имѣлъ бы, значитъ, право «сказать своему сыну: ты здоровъ и силенъ, ступай пахать! Бога«тый или состоятельный отецъ всегда обязанъ дать кусокъ хлѣба

[1]) Thibaudeau, стр. 419—452. (Оба текста напечатаны на двухъ столбцахъ, другъ противъ друга).—И въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, стр. 84, такая картина религіознаго культа республиканцевъ: «Вообразили себѣ, «что можно стянуть гражданъ въ церкви, чтобы заставлять ихъ тамъ «дрожать отъ холода, слушая, читая и изучая законы; это не такъ «ужъ забавно для тѣхъ, кому придется ихъ же исполнять.» — Другой примѣръ той образности, въ которую отливались его мысли. (Pelet de la Lozère, стр. 242): «Я не доволенъ таможеннымъ управленіемъ «на Альпахъ; оно не подаетъ признаковъ жизни: не слышно притока «его монетъ въ общественную казну».—Чтобы схватить живыми слово и мысль Наполеона, необходимо прежде всего познакомиться съ его пятью или шестью большими бесѣдами, записанными Рэдереромъ въ тотъ же вечеръ, съ двумя или тремя разговорами, записанными Miot de Melito, со сценами, разсказанными Бэньо, замѣтками Пелэ де ла Лозэра и Станислава Жирардена, и почти съ цѣлымъ томомъ Тибодо.

«своимъ дѣтямъ. Уничтожьте это право—и вы заставите дѣтей «поднять руку на своихъ отцовъ».

Что касается усыновленія, «вы смотрите на это, какъ зако- «нодатели, а не какъ государственные люди. Это отнюдь не «гражданскій договоръ и не юридическій актъ. Анализъ (юриста) «даетъ самые плачевные результаты. Направлять человѣка «можно только, дѣйствуя на его воображеніе. Безъ воображенія, «это—животное. Разумѣется, не изъ-за пяти копеекъ въ сутки и «не ради какихъ-то несчастныхъ отличій люди идутъ на смерть; «только обращаясь къ душѣ человѣка, можно его наэлектризовы- «вать. И уже, конечно, не нотаріусъ добьется этого результата «за тѣ двѣнадцать франковъ, которые онъ получитъ въ возна- «гражденіе. Нуженъ совершенно иной путь; здѣсь необходимъ «актъ законодательный. Что такое усыновленіе? Подражаніе, ко- «торымъ общество хочетъ поддѣлать саму природу. Это—своего «рода таинство. Дѣти одной плоти и крови, волею общества, «пріобщаются къ другой плоти и крови. Это величайшій актъ, «какой только способно создать воображеніе. Онъ даритъ и «сыновнія и отвѣтныя отцовскія чувства тѣмъ, кто былъ ихъ «лишенъ. Откуда же долженъ исходить такой актъ? Съ вы- «сотъ, какъ молнія».

Всѣ эти слова — это огневыя стрѣлы, выпущенныя одна за другою [1]); послѣ Вольтера и Галіани никто не металъ ихъ въ

---

[1]) Pelet de la Lozère, 63, 64 (О психологическомъ различіи англичанина и француза). — M-me de-Rémusat, I, 273, 392: «Вы, французы, ничего «не умѣете хотѣть серьезно, кромѣ, пожалуй, равенства. Да и отъ него «отреклись бы охотно, если бы каждый могъ льстить себя надеждой, что «станетъ первымъ. Нужно дать каждому надежду, что онъ можетъ воз- «выситься... Нужно постоянно держать ваше тщеславіе въ самомъ напряжен- «номъ состояніи. Строгость республиканскаго режима наскучила бы вамъ «смертельно. Что создало революцію? Тщеславіе. Чѣмъ завершится она? «Опять-таки тщеславіемъ. Свобода—это только предлогъ».—III, 153: «Сво- «бода—это потребность малочисленнаго класса, привиллегированное поло- «женіе котораго обусловлено природными данными, стоящими выше сред- «няго человѣческаго уровня; подавить ее, поэтому, можно без- «наказанно; равенство же, напротивъ того, нравится народной мас- «сѣ». — Thibaudeau, 99: «Какое мнѣ дѣло до мнѣнія салонныхъ завсегда- «таевъ и всякихъ болтуновъ? Я его не слушаю; я признаю только одно «мнѣніе — простыхъ крестьянъ». Его общія опредѣленія какого-нибудь положенія представляютъ совершенные образцы самаго живописнаго ла- конизма: «Почему я остановился и подписалъ предварительное соглашеніе «при Леобенѣ? Потому что игралъ въ двадцать одинъ, и мнѣ выпало двад- «цать». — Его опредѣленія характеровъ поражаютъ своей проникновенной критикой: «У Вольтера Магометъ не похожъ ни на пророка, ни на араба; «какой-то враль, похожій на воспитанника политехнической школы».— «Когда г-жа Жанлисъ хочетъ опредѣлить добродѣтель, она говоритъ о

такомъ количествѣ, цѣлыми пригоршнями; нѣкоторыя изъ нихъ, касающіяся общества, законовъ, правительства, Франціи и французовъ, напоминаютъ Монтескье; они пронзаютъ и освѣщаютъ до глубины внезапнымъ, молніеноснымъ свѣтомъ; онъ ихъ не кропаетъ, какъ ремесленникъ, они брызжутъ въ немъ и сверкаютъ; это творчество его ума, и творчество естественное, непроизвольное и постоянное. Еще болѣе подымаетъ ихъ цѣнность то, что, помимо совѣщаній и интимныхъ бесѣдъ, онъ хранитъ ихъ про себя; онъ пользуется ими только для мыслительной работы; въ прочихъ условіяхъ онъ ихъ подчиняетъ своей цѣли, которая всегда связана съ практическимъ соображеніемъ; обыкновенно онъ и пишетъ и говоритъ совсѣмъ другимъ языкомъ, примѣняясь къ аудиторіи; онъ устраняетъ изъ своей рѣчи всю ея страстность, всѣ вдохновенные и геніальные порывы, взрывы импровизаціи и воображенія, всѣ ея странности. Онъ пользуется ими только въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ произвести сильное впечатлѣніе на какое-нибудь лицо, которое ему необходимо ослѣпить, на Пія VII, императора Александра; въ этихъ случаяхъ обычный тонъ его бесѣды—ласковая фамильярность, приподнятая, любезная; здѣсь онъ себя чувствуетъ на сценѣ; а на сценѣ онъ всегда вѣренъ себѣ, онъ играетъ съ одинаковымъ совершенствомъ всякія роли, и трагическія, и комическія, становясь то грознымъ, то вкрадчивымъ и даже добродушнымъ — поочередно. Со своими же генералами, министрами и всякаго рода начальниками и директорами, онъ говоритъ сжатымъ, опредѣленнымъ, технически-дѣловымъ языкомъ; всякій другой могъ бы повредить дѣлу. Страстная душа даетъ себя чувствовать только въ отрывистой манерѣ говорить, въ силѣ и повелительной рѣзкости интонаціи. Для войскъ и для толпы у него имѣются прокламаціи и воззванія, то-есть фразы, бьющія на эффектъ, полныя разсчитанной напыщенности, гдѣ приводятся факты упрощенные, подтасованные и умышленно

«ней всегда, точно о какомъ-то открытіи».—(О г-жѣ де-Сталь): «Эта женщина заставляетъ думать тѣхъ, которые никогда бы не дошли до этого «сами или же которые успѣли позабыть объ этомъ». — (О Шатобріанѣ, родственникъ котораго только что былъ разстрѣлянъ): «Онъ напишетъ «нѣсколько патетическихъ страницъ и прочтетъ ихъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи; красавицы расплачутся, и вы увидите, что это его «вполнѣ утѣшитъ». — (Объ аббатѣ Делилѣ): «Онъ пробалтываетъ свой «умъ».—(О Паскье и Молэ): «Я эксплуатирую одного и создаю другого».— Сравн. M-me de Rémusat, II, 391, 394, 399, 402, 389, III, 67.

извращенные [1]); словомъ, игристое вино, превосходное для подогрѣванія энтузіазма и великолѣпный наркотикъ для поддержанія легковѣрія [2]); нѣчто въ родѣ народнаго зелья, которое онъ знаетъ, когда поднести, и въ которомъ такъ умѣло скомбинированы разныя снадобья, что толпа, для которой онъ его и предназначаетъ, пьетъ его съ удовольствіемъ и, вкусивъ, не можетъ не почувствовать опьяненія.

Во всякомъ случаѣ, слогъ его, искусственно ли выработанный или непроизвольный, обнаруживаетъ великолѣпное знаніе личности и массъ; не считая двухъ-трехъ случаевъ и той возвышенной и стоящей особнякомъ области, которая всегда оставалась ему чужда и непонятна, онъ всегда умѣетъ безошибочно и своевременно коснуться слабой струны, примѣняя при этомъ, смотря по надобности, силу рычага, давленія или удара и ту степень настойчивости или даже грубаго насилія, которая въ данномъ случаѣ могла бы быть цѣлесообразна. Цѣлая вереница краткихъ, точныхъ и ежедневно провѣряемыхъ замѣтокъ, дала ему возможность составить себѣ нѣчто въ родѣ психологической таблицы, гдѣ были представлены, резюмированы и чуть ли не въ цифрахъ вычислены умственныя и нравственныя наклонности, характеры, способности, дарованія, страсти, слабости и силы той безконечной вереницы человѣческихъ существъ, на которыя онъ дѣйствовалъ непосредственно или на разстояніи.

IV.

Попробуемъ вообразить себѣ на мгновеніе объемъ и содержаніе этого удивительнаго интеллекта. Пришлось бы, пожалуй, вернуться къ Юлію Цезарю для того, чтобы найти другой подобный ему. Но за недостаткомъ данныхъ, образъ Цезаря дошелъ до насъ только въ общихъ чертахъ, какъ приблизительный набросокъ; отъ Наполеона же, кромѣ общаго силуэта, сохранились еще и характерныя детали. Прослѣдимъ день за

---

[1]) Bourrienne, II, 281, 342: «Съ самымъ тягостнымъ чувствомъ я писалъ «подъ его диктовку официальныя письма, въ которыхъ каждое слово было «ложью». Его отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ же: «Мой милый, вы про«стакъ, вы въ этомъ ровно ничего не понимаете».—M-me de Rémusat, II, 205, 207.

[2]) Обратите особое вниманіе на бюллетени кампаніи 1807 года, столь оскорбительныя для королевы и для короля Прусскихъ и тѣмъ самымъ такъ превосходно разсчитанные на грубое и презрительное гоготанье солдатъ.

днемъ, глава за главой [1]) его переписку, хотя бы за 1806 г., послѣ битвы при Аустерлицѣ, или, еще лучше, за 1809 г., отъ его возвращенія изъ Испаніи и до Вѣнскаго мира. При всей технической неподготовленности нашей мы все-таки увидимъ, въ какой огромной степени его умъ, своимъ объемомъ и всесторонностью, превосходитъ всѣ извѣстные или даже только мыслимые размѣры.

Въ немъ какъ бы содержатся три главныхъ атласа, вполнѣ законченныхъ, которые состоятъ изъ двадцати «толстыхъ тетрадей», безукоризненно разработанныхъ, исправляемыхъ и дополняемыхъ сообразно съ условіями и событіями дня. Первый атласъ—военный; онъ представляетъ собою громадный сборникъ топографическихъ картъ, не менѣе точныхъ и подробныхъ, чѣмъ

---

[1]) Въ Перепискѣ Наполеона, изданной въ тридцати двухъ томахъ, письма расположены по числамъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Въ его Перепискѣ съ Евгеніемъ, вице-королемъ Италіи и съ Іосифомъ, королемъ Неаполитанскимъ, а потомъ Испанскимъ, онѣ собраны въ отдѣльныя главы по содержанію. Такихъ главъ можно было бы составить еще нѣсколько и не менѣе поучительныхъ: одну о иностранныхъ дѣлахъ (письма къ Шампаньи, Таллейрану и Бассано); другую о финансахъ (письма къ Годену и Мольену); еще одну о военной администраціи (письма къ генералу Кларку); затѣмъ по морскому вѣдомству (письма къ адмиралу Декрэ); главу о церковныхъ дѣлахъ (письма къ Порталису и къ Биго де-Преаменэ); главу о полиціи (письма къ Фуше) и т. д. Наконецъ, письма его можно еще классифицировать третьимъ способомъ, т.-е. распредѣлить ихъ въ зависимости отъ ихъ отношенія къ тому или иному крупному предпріятію, особенно—той или иной кампаніи. Такимъ образомъ достигается возможность охватить всю необъятность его положительныхъ свѣдѣній и представить себѣ обычную работу его ума. — Сопоставьте главнымъ образомъ слѣдующія письма: къ принцу Евгенію, 11 іюня 1806 г. (о расходахъ въ Итальянской арміи); 1 и 18 іюня 1806 г. (о занятіи Далмаціи и объ оборонительномъ и наступательномъ положеніи войска). Къ генералу Дежану, 28 апрѣля 1806 г. (о поставкахъ военнаго министерства); 24 іюня 1806 г. (объ укрѣпленіяхъ Пескьеры); 20 іюля 1806 г. (объ укрѣпленіяхъ Везеля и Юльерса).— Notes (inédites) par le comte Chaptal: «Какъ-то разъ императоръ говоритъ мнѣ, что ему «хотѣлось бы основать военную школу въ Фонтенбло; онъ ознакомилъ «меня съ главнымъ планомъ этого учрежденія и приказалъ мнѣ разрабо«тать все это по статьямъ и принести ему на другой день для просмотра. «Я провелъ цѣлую ночь за этой работой и принесъ ему ее въ назначен«ный часъ. Онъ прочелъ и сказалъ, что все это недурно, но недостаточно «полно. Онъ усадилъ меня и въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ дик«товалъ мнѣ полный планъ организаціи въ 517 статей. Я думаю, что «никогда ни одна человѣческая голова не создавала ничего болѣе совер«шеннаго. — Въ другой разъ, когда императрица Жозефина должна была «ѣхать на воды въ Ахенъ, императоръ зоветъ меня и говоритъ: «Импера«трица ѣдетъ завтра на воды: она женщина добрая и съ ней легко ладить; «нужно будетъ составить для нея маршрутъ и распредѣлить все, что ей «придется дѣлать. Пишите». И онъ продиктовалъ мнѣ 21 страницу боль«шого формата, гдѣ все было предусмотрѣно, вплоть до вопросовъ и от«вѣтовъ, которые ей понадобятся при встрѣчѣ ея мѣстными властями въ «пути».

карты генеральнаго штаба, съ обстоятельнымъ планомъ всѣхъ укрѣпленій, со спеціальными указаніями и съ дислокаціей всѣхъ морскихъ и сохопутныхъ силъ, экипажей, полковъ, батарей, арсеналовъ, магазиновъ, настоящихъ и будущихъ источниковъ пополненія арміи людьми, лошадьми, повозками, оружіемъ, боевыми припасами, продовольствіемъ и обмундированіемъ.

Второй, гражданскій, напоминаетъ собою тѣ объемистые томы, въ которыхъ мы, въ наше время, читаемъ ежегодные отчеты о состояніи бюджета; и содержитъ онъ въ себѣ прежде всего безчисленныя статьи прихода и расхода, чрезвычайнаго и обыкновеннаго, государственныхъ налоговъ и заграничныхъ пошлинъ, доходы съ государственныхъ имуществъ Франціи въ предѣлахъ и за предѣлами ея территоріи, погашенія государственныхъ долговъ, пенсіи, общественныя работы и пр.; затѣмъ слѣдуетъ полная административная статистика, іерархія должностей и должностныхъ лицъ, сенаторовъ, депутатовъ, министровъ, префектовъ, епископовъ, профессоровъ, судейскихъ, со всѣмъ ихъ служебнымъ штатомъ, каждый съ обозначеніемъ мѣста жительства, своего ранга, вѣдомства и содержанія.

Третій атласъ представляетъ собою гигантскій біографическій и психологическій словарь, въ которомъ, точно въ спискахъ высшей полиціи, каждая личность, заслуживающая вниманія, каждый мѣстный отдѣлъ, профессіональная или соціальная группа и даже каждая народность имѣютъ свой особый ярлыкъ, съ сокращеннымъ указаніемъ ихъ положенія, нуждъ, прошлаго, типичныхъ свойствъ, предполагаемыхъ наклонностей и вѣроятнаго поведенія. Каждый ярлыкъ, карточка, или листокъ содержитъ свой выводъ; всѣ эти отдѣльные выводы, строго классифицированные, сводятся къ одному общему итогу, а итоги всѣхъ трехъ атласовъ составляютъ послѣднюю, конечную комбинацію, которая даетъ возможность ея обладателю судить о размѣрахъ той силы, которою онъ располагаетъ.

Въ 1809 году эти три атласа достигли невѣроятныхъ размѣровъ, и, несмотря на это, они всѣ цѣликомъ отпечатлѣны въ мозгу Наполеона; онъ знаетъ не только ихъ общій и частные выводы, но и всѣ ихъ мельчайшія подробности; онъ легко разбирается въ нихъ во всякое время, онъ слѣдитъ и въ цѣломъ, и въ частностяхъ за положеніемъ дѣлъ среди различныхъ націй, составляющихъ въ общей сложности до 60 милліоновъ людей, которыми онъ правитъ и лично и черезъ посредство своихъ ставлен-

никовъ, держитъ, слѣдовательно, въ памяти всѣ мѣстности покоренныя или пройденныя имъ, т.-е. до семидесяти тысячъ кв. миль, прежде всего во Франціи, съ присоединенными къ ней Бельгіей и Пьемонтомъ, потомъ въ Испаніи, изъ которой онъ вернулся, оставивъ тамъ своего брата Іосифа, въ южной Италіи, гдѣ Іосифа смѣнилъ Мюратъ, затѣмъ въ центральной Италіи, гдѣ онъ уже занялъ Римъ, въ сѣверной Италіи, куда своимъ намѣстникомъ онъ назначаетъ Евгенія, въ Долмаціи, Истріи, присоединенныхъ къ его имперіи, въ Австріи, куда онъ вторгается уже во второй разъ, въ Рейнскомъ Союзѣ, который онъ создалъ и направляетъ по своему усмотрѣнію, въ Вестфаліи и Голландіи, гдѣ его братья сидятъ какъ простые намѣстники, въ Пруссіи, которую онъ покорилъ, раздробилъ и эксплоатируетъ и главныя укрѣпленія которой онъ еще продолжаетъ удерживать; дополните все это еще послѣдней картиной, рисующей Сѣверное, Атлантическое и Средиземное моря, всѣ эскадры континента въ открытомъ морѣ и въ портахъ, отъ Данцига до Флиссингена и Байонны, отъ Кадикса до Тулона и Гаэты, отъ Тарента до Венеціи, Корфу и Константинополя [1]).

Въ атласѣ психологическомъ и моральномъ, кромѣ одного первоначальнаго пробѣла, который ему никогда не удастся восполнить, потому что онъ коренится въ его собственной сущности, встрѣчается еще нѣсколько ложныхъ выводовъ въ вопросахъ, касающихся папства и католичества; кромѣ того, онъ слишкомъ низко расцѣниваетъ національное чувство въ Испаніи и

---

[1]) Сравните въ Correspondance письма, помѣченныя Шенбрунномъ около Вѣны, въ августѣ и сентябрѣ 1809 г., и главнымъ образомъ: 1) письма и инструкціи, весьма многочисленныя, по поводу англійской экспедиціи въ Вальхеренъ; 2) письма къ Шампаньи и инструкціи ему же, къ переговорамъ съ Австріей (19 августа, 10, 15, 18, 22 и 23 сентября); 3) письма къ министру юстиціи Ренье и къ великому канцлеру Камбасересу относительно отчужденій въ интересахъ общественной пользы. (21 августа, 7 и 20 сентября); 4) письма къ адмиралу Декрэ о морскихъ экспедиціяхъ въ колоніи (17 августа и 26 сентября); 5) письмо къ Моліену о смѣтѣ расходовъ (8 августа); 6) письмо къ Кларку о состояніи запасныхъ ружей въ складахъ имперіи (14 сентября). — Другія письма: заказъ двухъ трактатовъ по вопросамъ военнаго искусства (1 октября); два труда, относящихся къ исторіи и захватамъ папскаго Престола (3 октября); письмо, имѣющее цѣлью пріостановить лекціи въ Сенъ-Сюльписѣ (15 сентября), и другое — воспретить духовенству читать свои проповѣди внѣ церкви (24 сентября).—Изъ Шенбрунна онъ слѣдитъ за всѣми подробностями общественныхъ работъ во Франціи и Италіи: напримѣръ, письма къ Монталивэ (30 сентября) съ приказаніемъ отправить въ Парму на почтовыхъ чиновника, который бы немедленнно занялся исправленіемъ прорванной плотины, и другое (8 октября) — съ цѣлью ускорить сооруженіе нѣсколькихъ мостовъ и набережной въ Ліонѣ.

въ Германіи, и слишкомъ высоко свой престижъ во Франціи и въ присоединенныхъ странахъ, какъ и ту степень довѣрія и усердія, на которую онъ можетъ разсчитывать. Но, опять-таки, всѣ эти заблужденія — продуктъ скорѣе его воли, чѣмъ его ума; время отъ времени онъ самъ ихъ признаетъ; если у него и появляются иллюзіи, то потому только, что онъ самъ себѣ ихъ создаетъ; если бы его здравый смыслъ былъ предоставленъ только самому себѣ, онъ оставался бы непогрѣшимъ; однѣ только страсти могутъ затемнять его ясность.

Что касается другихъ двухъ атласовъ, особенно топографическаго и военнаго, то ихъ точность и полнота остаются всегда неизмѣнны; какъ бы ни разросталась и ни осложнялась дѣйствительность, до какого бы чудовищнаго объема она ни доходила въ эту эпоху, они отражаютъ ее все также безукоризненно точно.

V.

Но все это невѣроятное количество замѣтокъ составляетъ только ничтожную долю той умственной жизни, которая кишитъ въ этомъ необъятномъ мозгу; потому что изъ его представленій о дѣйствительномъ зарождаются и возникаютъ во множествѣ его понятія о возможномъ,—тѣ самыя понятія, безъ которыхъ нѣтъ возможности ни руководить вещами, ни преобразовывать ихъ; а всѣмъ извѣстно, въ какой степени онъ и руководилъ ими и преобразовывалъ ихъ. Прежде чѣмъ за что-нибудь браться, онъ выбиралъ какой-нибудь планъ, и выбиралъ его изъ нѣсколькихъ [1]), послѣ многихъ провѣрокъ, сравненій и неоднократныхъ перемѣнъ; слѣдовательно, онъ усвоивалъ въ совершенствѣ и всѣ остальные. За каждой принятой комбинаціей чувствуются цѣлые вороха другихъ отвергнутыхъ комбинацій; ихъ остаются десятки за каждымъ принятымъ рѣшеніемъ, завершеннымъ дѣяніемъ, подписаннымъ трактатомъ, обнародованнымъ декретомъ, изданнымъ приказомъ; скажу даже, почти за каждымъ импровизированнымъ словомъ или поступкомъ; ибо у него основывается на разсчетѣ все, что бы онъ ни дѣлалъ, начиная съ его кажущихся вспышекъ и вплоть до самыхъ искреннихъ изліяній. Если онъ и даетъ имъ волю, то всегда намѣренно, предвидя ихъ эффектъ, съ цѣлью смутить или ослѣпить. Онъ умѣетъ исполь-

[1]) Онъ самъ говорилъ: «Я всегда рѣшаю свою задачу нѣсколькими способами».

зовать все, и въ другихъ и въ себѣ самомъ, свою страстность, запальчивость, потребность много говорить, всѣ свои недостатки, и все это ради успѣха того зданія, которое сооружаетъ [1]).

Изъ всѣхъ его, дѣйствительно, необычайныхъ дарованій самымъ яркимъ было все-таки его творческое воображеніе. Съ первыхъ же шаговъ его пылъ и бурное кипѣніе давали себя чувствовать, подъ наружной холодностью и жесткостью его сухихъ, техническихъ предписаній: «Когда я разработываю «планъ военныхъ дѣйствій,—говоритъ онъ Редереру,—нельзя себѣ «представить человѣка, болѣе малодушнаго, чѣмъ я. Я преувели«чиваю всѣ опасности и бѣды, какія только возможны при дан«ныхъ обстоятельствахъ. Я переживаю самое мучительное безпо«койство. Это не мѣшаетъ мнѣ, однако, казаться невозмутимо«спокойнымъ для окружающихъ меня людей; я похожъ тогда «на дѣвушку, которая должна родить [2])».

Страстно, со всѣмъ трепетомъ творчества, весь съ головой уходитъ онъ въ свое будущее твореніе; душою онъ задолго переселяется въ свое воображаемое зданіе: «Генералъ», сказала ему какъ-то г-жа де Клермонъ-Тоннеръ, «вы строите, скрываясь «за лѣсами, которые сломаете, когда постройка будетъ окон«чена».—«Да, сударыня [3])», отвѣчаетъ Бонапартъ, «совершенно «вѣрно, я живу всегда на два года впередъ»... Отвѣтъ этотъ вырвался у него «съ невѣроятной быстротой», какъ

---

[1]) M-me de-Rémusat, I, 117, 120: «Я слышала однажды, какъ Таллей«ранъ, воскликнулъ съ оттѣнкомъ раздраженія: «Этотъ дьявольскій чело«вѣкъ обманываетъ по всѣмъ статьямъ; даже страсти его ускользаютъ отъ «васъ, потому что онъ умѣетъ ихъ выставить притворными, хотя бы онѣ «существовали на самомъ дѣлѣ». Такъ, напримѣръ, передъ той безобразной сценой, которую онъ устроилъ лорду Уитворту и каторая погубила Амьенскій миръ, онъ болталъ и забавлялся съ дамами и своимъ маленькимъ племянникомъ Наполеономъ съ самымъ веселымъ и беззаботнымъ видомъ. «Вдругъ ему докладываютъ, что всѣ въ сборѣ. Лицо у него мгно«венно преображается. какъ у искуснаго актера. Онъ заставляетъ себя «почти поблѣднѣть; черты лица искажаются; онъ встаетъ, быстро напра«вляется къ англійскому посланнику и въ продолженіе двухъ часовъ мечетъ «громы и молніи въ присутствіи двухсотъ человѣкъ». (Hansard's Parliamentary History, t. XXVI, депеши лорда Уитворта, стр. 1298, 1302, 1310).—Онъ говорилъ неоднократно, что политическій дѣятель долженъ учитывать все, вплоть до малѣйшей выгоды, какую онъ можетъ извлечь даже изъ собственныхъ недостатковъ. Какъ-то разъ послѣ одной изъ такихъ вспышекъ онъ говоритъ аббату Прадту: «Вы подумали, вѣроятно, «что я страшно вспылилъ? Разувѣрьтесь: гнѣвъ у меня никогда не поды«мается выше вотъ этого». (Онъ показалъ на шею).

[2]) Roederer, III. (Первые дни брюмера, VIII года).

[3]) Bourrienne, III, 114.

молнія; это былъ внезапный вскрикъ души, задѣтой за живое въ ея глубинѣ.

Въ этомъ смыслѣ мощь, подвижность, плодовитость и быстрота его мысли кажутся не имѣющими предѣла. То, что онъ успѣлъ совершить, поразительно; предпринялъ же онъ несравненно больше; но что бы онъ ни предпринималъ, мечты его шли все-таки еще гораздо дальше. Какъ велики ни казались его практическія способности, его поэтическое дарованіе все-же ихъ превосходитъ; оно кажется даже чрезмѣрнымъ для государственнаго человѣка; громадность этого дарованія, дѣйствительно, переходитъ въ чрезмѣрность, а чрезмѣрность уже вырождается въ безуміе. Въ Италіи, уже послѣ 18 фруктидора [1]), онъ говоритъ Бурьенну: «Европа—нора; великія государства и великія революціи видѣлъ только Востокъ, заселенный шестью стами милліонъ новъ людей». Въ слѣдующемъ году передъ Сенъ-Жанъ-д'Акрой, наканунѣ послѣдняго приступа, онъ продолжаетъ свою мысль [2]): «Если я возьму верхъ, мнѣ достанется городъ со всѣми сокровищами пашей и съ оружіемъ на триста тысячъ человѣкъ. Я поднимаю и вооружаю всю Сирію,... иду на Дамаскъ и Алеппо; я пополняю мою армію всѣми недовольными, по мѣрѣ ея передвиженія въ странѣ. Я объявляю народу уничтоженіе рабства и тиранніи пашей. Я вступаю въ Константинополь во главѣ вооруженныхъ массъ; я разрушаю Турецкую имперію; я основываю на Востокѣ новую великую имперію, которая создастъ мнѣ безсмертное имя въ потомствѣ; и, можетъ быть, вернусь въ Парижъ черезъ Адріанополь, или же черезъ Вѣну, свергнувъ тамъ австрійскій царствующій домъ».

Ставъ консуломъ, потомъ императоромъ, онъ часто возвращается мысленно къ этому счастливому времени [3]), когда «свобод-

---

[1]) Bourrienne, II, 228. (Разговоръ съ Буррьенномъ въ паркѣ Пассеріано).

[2]) Тамъ же, II, 331. (Слова Буррьенна, записанныя въ тотъ же вечеръ).

[3]) M-me de-Rémusat, I, 274. — De Ségur, II, 459. (Слова Наполеона наканунѣ сраженія при Аустерлицѣ): «Да, если бы я завладѣлъ Акрой, я бы надѣлъ чалму и нарядилъ бы мою армію въ шаровары; тогда бы я сталъ выпускать ее только въ случаяхъ крайней необходимости, я сдѣлалъ бы изъ нея отрядъ своихъ тѣлохранителей, своихъ безсмертныхъ. А войну съ турками я бы окончилъ при помощи арабовъ, грековъ и армянъ. Вмѣсто побѣды въ Моравіи, я выигралъ бы сраженіе при Иссѣ, сталъ бы императоромъ всего Востока и возвратился въ Парижъ черезъ Константинополь». De Pradt, p. 19. (Слова Наполеона въ Майнцѣ, 6 сентября 1804 г.): «Въ Европѣ нечего больше дѣлать уже цѣлыхъ двѣсти лѣтъ; только на

ный отъ цѣпей стѣсняющей цивилизаціи», онъ могъ фантазировать и строить, какъ хотѣлъ. «Я основывалъ религію, я видѣлъ «себя на пути въ Азію, на слонѣ, съ чалмой на головѣ, съ но«вымъ Кораномъ въ рукѣ, который я составилъ бы по-своему».

Вынужденный ограничиться Европой, онъ съ 1804 года мечтаетъ о возсозданіи имперіи Карла Великаго. «Французская им«перія станетъ матерью всѣхъ остальныхъ государствъ. Я хочу «заставить всѣхъ европейскихъ государей построить для себя въ «Парижѣ по грандіозному дворцу; ко дню коронаціи француз«скаго императора всѣ государи переселятся туда; своимъ присут«ствіемъ и выраженіемъ почтительныхъ чувствъ они украсятъ эту «торжественную церемонію [1])». Тамъ будетъ и папа; онъ былъ въ первый разъ; онъ долженъ будетъ вернуться въ Парижъ и основаться тамъ окончательно; гдѣ же и подобаетъ быть Святому Престолу, какъ не въ новой столицѣ христіанства, подъ покровительствомъ Наполеона, наслѣдника Карла Великаго, свѣтскаго главы верховнаго первосвященника? При помощи свѣтской власти императоръ будетъ держать въ рукахъ духовную [2]), а посредствомъ папы—совѣсти. Въ 1811 г. онъ, въ порывѣ увлеченія, говоритъ Прадту: «Черезъ пять лѣтъ я буду господиномъ міра; «остается одна Россія, но я раздавлю ее. Парижъ развернется до «Сэнъ - Клу [3])»... Создать изъ Парижа реальную столицу Европы— вотъ, по его собственнымъ словамъ, «его завѣтная мечта».— «Иногда мнѣ хочется [4]),—говоритъ онъ,—чтобы Парижъ сталъ

«Востокѣ еще возможны крупныя дѣла». — Notes (inédites) par le comte Chaptal: «Послѣ Тильзитскаго договора одинъ изъ его министровъ «поздравляетъ его и замѣчаетъ, что договоръ этотъ дѣлаетъ его госпо«диномъ Европы». Наполеонъ ему отвѣчаетъ: «И вы тоже недалеко ушли «отъ толпы. Я буду господиномъ только тогда, когда подпишу договоръ «въ Константинополѣ, а этотъ договоръ, который я только что подпи«салъ, задерживаетъ меня на годъ».

[1]) M-me de-Rémusat, I, 407. — Miot de Melito, II, 214. (Спустя нѣсколько недѣль послѣ коронаціи): «Покой въ Европѣ можетъ быть водворенъ «только съ воцареніемъ одного императора, одного главы, у котораго подъ «начальствомъ будутъ короли, который распредѣлитъ государства между «своими намѣстниками, одного назначитъ королемъ Италіи, другого—коро«лемъ Баваріи, этого—ландамманомъ Швейцаріи, того — штатгальтеромъ «Голландіи и т. д.»

[2]) Correspondance de Napoléon I, t. XXX, 550, 558. (Записки, которыя Наполеонъ диктовалъ на островѣ Св. Елены). Miot de Melito, II, 290. — D'Haussonville, l'Eglise romaine et le Premier Empire, passim.—Mémorial: «Парижъ сталъ бы столицей христіанскаго міра, а «я руководилъ бы религіозною жизнью всего міра такъ же, какъ и поли«тическою».

[3]) De Pradt, 23.

[4]) Mémoires et Mémorial. «Парижъ долженъ былъ стать един«ственнымъ городомъ, съ которымъ другія столицы ни въ чемъ не могли

«городомъ съ двумя, тремя, четырьмя милліонами жителей, чѣмъ-«то сказочнымъ, колоссальнымъ, невиданнымъ до нашихъ дней, «и чтобы общественныя учрежденія въ немъ соотвѣтствовали «количеству населенія. Архимедъ предлагалъ перевернуть земной «шаръ, если ему дадутъ возможность примѣнить его рычагъ; что «до меня, то я бы преобразовалъ его вездѣ, гдѣ бы мнѣ только «дали возможность примѣнить мою энергію, мою настойчивость «и мои бюджеты».

Во всякомъ случаѣ—онъ этому вѣритъ, потому что, какъ бы высокъ и ненадеженъ ни былъ послѣдній этажъ его зданія, онъ, все-таки, заранѣе надстраиваетъ надъ нимъ новый, еще болѣе высокій и неустойчивый; за нѣсколько мѣсяцевъ до того какъ ринуться въ Россію съ цѣлой Европой за спиной, онъ говорилъ Нарбонну [1]): «Такъ или иначе, мой милый, но вѣдь этотъ «длинный путь, это тотъ же путь въ Индію. И Александру пред-«стояло пройти разстояніе не меньшее, чѣмъ отсюда до Москвы, «чтобы добраться до Ганга; я твержу себѣ объ этомъ послѣ «Сенъ-Жанъ-д'Акры... Теперь же мнѣ придется, съ окраины «Европы, взяться за Азію съ другой стороны, чтобы ударить по «Англіи... Предположите, что Москва взята, Россія разбита, царь «смирился, или же погибъ жертвой дворцовой интриги; можетъ «быть новый вассальный тронъ; скажите же мнѣ, развѣ для

«бы равняться. Лучшія произведенія науки и искусства, музеи, все, чѣмъ «прославлены минувшіе вѣка, сосредоточилось бы въ немъ. Наполеонъ «горевалъ, что не можетъ перенести туда храмъ св. Петра изъ Рима; со-«боръ Парижской Богоматери смущалъ его своимъ убожествомъ».

[1]) Villemain, Souvenirs contemporains, I, 175. (Слова Наполеона къ Нарбонну въ первыхъ числахъ марта 1812 г., воспроизведеныя Нарбонномъ часъ спустя). Изложенныя изъ вторыхъ рукъ, эти слова представляютъ собою только искусную поддѣлку; но сущность идей безусловно принадлежитъ Наполеону.—Сравните его мечты, столь же фантастичныя объ Италіи и Средиземномъ морѣ (Correspondance, XXX, 548) и великолѣпную импровизацію въ Байоннѣ, на тему объ Испаніи и колоніяхъ. (De Pradt, Mémoires sur les révolutions d'Espagne, p. 130): «По этому поводу Наполеонъ говорилъ или, вѣр-«нѣе, поэтизировалъ, оссіанизировалъ довольно долго... Какъ че-«ловѣкъ, полный какого-то гнетущаго чувства... съ тѣмъ воодушевленіемъ, «подъемомъ, картинностью, образностью и оригинальностью, которыя бы-«ли такъ свойственны его стилю... о неизмѣримомъ блескѣ троновъ Мек-«сики и Перу, о величіи государей, которые сумѣютъ ихъ занять... и о «тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя всѣ эти событія имѣли бы для вселенной. «Мнѣ часто приходилось его слышать, но никогда еще, ни при какихъ «другихъ обстоятельствахъ, онъ не обнаруживалъ такихъ богатствъ язы-«ка и фантазіи. Былъ ли причиной этому благодарный сюжетъ, или же «всѣ его дарованія были пробуждены той сценой, которую онъ только что «пережилъ, но всѣ струны въ немъ зазвучали разомъ, онъ былъ поисти-«нѣ великъ».

«французской арміи, подкрѣпленной союзниками и вышедшей изъ «Тифлиса, не найдется такого подступа къ Гангу? Достаточно «будетъ прикоснуться французскимъ мечомъ къ его берегамъ, «чтобы во всей Индіи рухнуло зданіе этого меркантильнаго ве«личія. Я согласенъ, это была бы гигантская экспедиція, но «исполнимая въ XIX вѣкѣ. Тѣмъ же ударомъ Франція завоевала «бы независимость Востока и свободу морей». При этихъ словахъ глаза его загораются страннымъ блескомъ, и онъ продолжаетъ, нагромождая мотивы, взвѣшивая трудности, средства, возможности успѣха; онъ охваченъ вдохновеніемъ и отдается ему. Господствующій даръ внезапно освобождается и раскрывается во всей силѣ; артистъ [1]), заключенный въ политикѣ, вышелъ изъ своихъ оковъ и творитъ въ области идеала и невозможнаго. Мы узнаемъ его такимъ, каковъ въ самомъ дѣлѣ, узнаемъ въ немъ младшаго брата Данте и Микель-Анджело; дѣйствительно, по отчетливости своего видѣнія, по интенсивности, связности и внутренней логикѣ своей мечты, по глубинѣ мышленія, по сверхчеловѣческому величію своихъ замысловъ,—онъ равенъ и подобенъ имъ; геній его того же порядка и той же структуры; онъ одинъ изъ трехъ царственныхъ геніевъ итальянскаго Возрожденія.—Но только два первыхъ работали на бумагѣ и на мраморѣ, а онъ на живомъ человѣкѣ, на чувствующемъ и страдающемъ тѣлѣ.

---

[1]) Roederer, III, 541 (2 февраля 1809): «Да, я люблю власть; но я «люблю ее какъ художникъ... Я ее люблю, какъ музыкантъ «любитъ свою скрипку; люблю ее, потому что могу извлекать изъ «нея звуки, аккорды, гармоніи».

Вотъ еще характерныя слова (Roederer, III, 353, 1 декабря 1800): «Если «бы года черезъ три или четыре я умиралъ отъ лихорадки у себя на кро«вати и если бы, чтобы окончить мой романъ, я захотѣлъ на«писать завѣщаніе, я сказалъ бы народу, чтобы онъ остерегался военнаго «правительства; я бы ему посовѣтовалъ выбрать себѣ гражданскаго носи«теля власти».

ЧАСТЬ II.

I.

Если присмотрѣться поближе къ современникамъ Данте и Микель-Анджело, то становится яснымъ, что своимъ нравственнымъ складомъ они отличаются отъ насъ еще больше, чѣмъ умственнымъ [1]). Триста лѣтъ полицейскаго режима, жандармеріи и судебныхъ учрежденій, соціальной дисциплины, мирныхъ нравовъ и наслѣдственной цивилизаціи притупили въ насъ силу и пылъ прирожденныхъ страстей. Но онѣ оставались еще нетро-

---

[1]) Можно найти подтвержденіе въ текстахъ и фактахъ, приведенныхъ въ моей Философіи Искусства, т. I, ч. II, гл. IV. — Другія аналогіи, распространяться о которыхъ здѣсь было бы слишкомъ долго, встрѣчаются у него, главнымъ образомъ, въ сферѣ любви и воображенія. «У него была нѣкоторая склонность признавать чудесное, предчувствія, «а иногда даже и невидимое, таинственное общеніе существъ... Я видѣла, «какъ онъ восторгался шелестомъ вѣтра, съ какимъ воодушевленіемъ го«ворилъ о рокотѣ моря, а иной разъ бывалъ не прочь считать и ночныя «видѣнія не лишенными нѣкотораго правдоподобія; наконецъ, ему не были «чужды и кое-какія суевѣрія». (M-me Rémusat, I, 102 и III, 164).—Meneval (III, 114) отмѣчаетъ «крестное знаменіе, которымъ онъ осѣнялъ себя не«вольно при обнаруженіи какой-нибудь серьезной опасности или важнаго «событія». — Въ періодъ консульства иной разъ, въ дамскомъ обществѣ, по вечерамъ, онъ импровизировалъ и декламировалъ такія трагическія «новеллы» въ итальянскомъ вкусѣ, которыя сдѣлали бы честь любому средневѣковому разскащику. (Bourrienne, VI, 387, приводитъ одну изъ такихъ импровизацій.—Сравните M-me de-Rémusat, I, 102). — Что касается любовныхъ чувствъ, то его письма къ Жозефинѣ, во время итальянской кампаніи, даютъ лучшій образецъ итальянской страстности и составляютъ весьма любопытный контрастъ съ чувствомъ мѣры и съ изяществомъ его предшественника Богарнэ. (M-me de-Rémusat, I, 143).—Его остальные романы на чисто-физической подкладкѣ слишкомъ не поддаются описанію; я собралъ по этому поводу нѣсколько изустныхъ деталей, почти всѣ изъ первыхъ рукъ и самой достовѣрной подлинности. Достаточно будетъ привести цитаты изъ уже опубликованныхъ текстовъ. «Если вѣ«рить Жозефинѣ, у него не было никакихъ нравственныхъ принциповъ: «развѣ онъ не соблазнилъ всѣхъ своихъ сестеръ одну за другой?» «...Я «человѣкъ иного порядка, чѣмъ всѣ остальные», говорилъ онъ самъ, «вся«кіе законы нравственности и приличія писаны не для меня». (M-me de-Rémusat, I, 204, 206).—Отмѣтьте еще (II, 350) предложеніе, которое онъ дѣлаетъ Корвизару.—Все это сплошь чувства, нравы и мораль великихъ итальянскихъ личностей эпохи Возрожденія.

нутыми въ Италіи, въ эпоху Возрожденія; внутреннія переживанія въ человѣкѣ были тогда живѣе и глубже, чѣмъ въ наше время, желанія настойчивѣе и неудержимѣе, сила воли упорнѣй и необузданнѣй, чѣмъ у насъ. Что бы ни было въ человѣкѣ пружиною его дѣятельности, будь то гордость, честолюбіе, ревность, ненависть, любовь, алчность или чувственность, внутренняя пружина эта напрягается съ такой силой и развертывается съ такой энергіей, какія намъ уже давно невѣдомы. И вотъ онѣ снова возрождаются въ этомъ великомъ пережиткѣ XV вѣка. Во всѣхъ проявленіяхъ своего нервнаго аппарата онъ подобенъ своимъ итальянскимъ предкамъ; никогда, даже среди Малатеста и Борджіа, не встрѣчалось такого дѣятельнаго и воспріимчиваго мозга, съ способностью къ такимъ мощнымъ электрическимъ зарядамъ и разрядамъ; мозга, въ которомъ внутреннія грозы были бы болѣе непрерывными и бурными, молніи болѣе внезапными и удары неотразимыми. Ни одна мысль не остается у него чисто умозрительною; ни одна не бываетъ простою копіей дѣйствительности или простымъ отраженіемъ возможнаго; каждая вызывается въ немъ сильнымъ внутреннимъ толчкомъ и стремится непосредственно перейти въ дѣйствіе; каждая рвется и несется къ своей конечной цѣли и достигла бы ея, не останавливаясь, если бы не была сдержана и обуздана силою [1]).

Иногда она прорывается такъ неожиданно и бурно, что никакая узда не успѣваетъ ее сдержать. Какъ-то разъ, въ Египтѣ [2]), онъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ нѣсколько дамъ француженокъ, и посадилъ съ собою рядомъ хорошенькую особу, мужа которой онъ только что услалъ во Францію; вдругъ онъ, какъ бы нечаянно опрокидываетъ на нее графинъ съ водой, и подъ предлогомъ необходимости привести въ порядокъ ея туалетъ, увлекаетъ ее въ свои комнаты и остается тамъ съ нею наединѣ очень долго, такъ долго, что гости, оставшіеся за прерваннымъ обѣдомъ, начинаютъ переглядываться.—Въ другой разъ, въ Парижѣ, въ эпоху Конкордата [3]), онъ говоритъ сенатору

[1]) De Pradt, Histoire de l'ambassade dans le grand-duché de Varsovie, p. 96: «Императоръ полонъ желанія въ моментъ зачатія его мысли; она превращается въ страсть при своемъ рожденіи».

[2]) Bourrienne, II, 298. — De Ségur, I, 426.

[3]) Bodin, Recherches sur l'Anjou, II, 525.—Souvenirs d'un nonagénaire, par Besnard. — Sainte-Beuve, Causeries de lundi, глава о Вольнэѣ.—Miot de Melito, I, 297. Онъ хотѣлъ усыновить сына Людовика и сдѣлать его королемъ Италіи; Людовикъ отказался, ссылаясь

Вольнэю: «Франція хочетъ религіи». Вольнэй сухо и смѣло ему отвѣчаетъ: «Франція хочетъ Бурбоновъ». Въ отвѣтъ на это онъ получаетъ такой ударъ ногой въ животъ, что падаетъ безъ сознанія; его поднимаютъ, переносятъ къ одному изъ друзей, гдѣ онъ вынужденъ оставаться нѣсколько дней въ постели.

Нельзя себѣ представить человѣка болѣе раздражительнаго и вспыльчиваго; тѣмъ болѣе, что часто онъ намѣренно бросаетъ поводья и даетъ волю своему гнѣву, потому что, взорвавшійся кстати, да еще при людяхъ, гнѣвъ этотъ вселяетъ ужасъ, вынуждаетъ на уступки, поддерживаетъ повиновеніе; а вспышки эти, полу-разсчитанныя, полу-невольныя, не только облегчаютъ его самого, но порою и выручаютъ, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, какъ съ посторонними, такъ и со своими, въ сношеніяхъ съ учрежденіями, съ папой, съ кардиналами, съ посланниками, съ Таллейраномъ, съ Беньо, съ первымъ встрѣчнымъ [1]), когда ему нужно показать себя и держать людей въ струнѣ.

Народъ и армія считаютъ его невозмутимымъ; но внѣ поля сраженія, гдѣ онъ на себя надѣваетъ бронзовую маску, внѣ офиціаль-

---

на то, что такая слишкомъ явная милость можетъ снова вызвать къ жизни тѣ толки, которые ходили когда-то по поводу рожденія этого ребенка. Въ отвѣтъ на это Наполеонъ, взбѣшенный, схватилъ принца Людовика поперекъ туловища и съ страшной силой вышвырнулъ его вонъ изъ комнаты. — Mémorial, 10 октября 1816. Наполеонъ разсказываетъ, что на послѣднемъ засѣданіи въ Кампо-Форміо, чтобы покончить съ упорствомъ австрійскаго уполномоченнаго, онъ вскочилъ, схватилъ со столика фарфоровый сервизъ, разбилъ его о паркетъ и сказалъ: «Такъ «я разобью черезъ мѣсяцъ и вашу монархію». (Буррьеннъ оспариваетъ этотъ случай).

[1]) Varnhagen von Ense, Ausgewählte Schriften, III, 77 (публичная аудіэнція, 22 іюля 1810). Вначалѣ Наполеонъ говорилъ съ посланниками русскимъ и австрійскимъ довольно сдержанно, заставляя себя держаться въ предѣлахъ вѣжливости; но въ концѣ концовъ онъ не вытерпѣлъ. Встрѣтивъ какое-то совершенно неизвѣстное и непричастное къ дѣлу лицо, онъ бросается на него, допрашиваетъ, распекаетъ, угрожаетъ ему и долгое время держитъ его въ самомъ унизительномъ положеніи. Ближайшіе свидѣтели этой выходки, наблюдавшіе ее не безъ нѣкотораго внутренняго страха, увѣряли потомъ, что этотъ приступъ ярости не оправдывался рѣшительно ничѣмъ, что Императоръ просто искалъ выхода своему скверному настроенію, что онъ преднамѣренно обрушился на этого злополучнаго человѣка, чтобы нагнать страху на остальныхъ и заранѣе отбить всякую охоту сопротивляться.

Сравните Beugnot Mémoires, I, 380, 386, 837. — Этой смѣсью зазальчивости и разсчета объясняется также и его поведеніе на островѣ пв. Елены, его обращеніе съ Гудсономъ Лоу, всѣ эти необузданныя колкости и оскорбленія, которыя онъ какъ пощечины швыряетъ прямо въ лицо губернатору. (W. Forsyth, History of the captivity of Napoleon at Saint-Helena, from the letters and journals of sir Hudson Lowe, III, 306).

наго представительства, гдѣ необходимо достоинство, почти всегда впечатлѣніе у него непосредственно переходитъ въ выраженіе, внутреннее сказывается вовнѣ, первое движеніе срывается у него и летитъ, какъ стрѣла. Въ Сенъ-Клу Жозефина однажды застаетъ его на мѣстѣ преступленія, въ самый разгаръ любовнаго свиданія, и онъ съ такою яростью бросается на виновницу досадной помѣхи, что та «едва успѣваетъ спастись»; и вечеромъ еще, чтобы ее унизить окончательно, онъ продолжаетъ бѣсноваться, «всячески оскорбляетъ ее, ломаетъ мебель, попадавшую «подъ руку» [1]). Незадолго до установленія имперіи Таллейранъ, любитель всякаго рода мистификацій, увѣрилъ Бертье, что Первый Консулъ не прочь принять королевскій титулъ. Бертье поспѣшно направляется черезъ весь залъ, переполненный публикой, съ сіяющимъ видомъ разлетается къ хозяину и разсыпается въ привѣтствіяхъ [2]). При словѣ «король» глаза у Бонапарта сверкнули; онъ приставилъ кулакъ къ подбородку Бертье и, наступая на него, довелъ его, такимъ образомъ, до стѣны: «Дуракъ,—сказалъ «онъ,—кто это вамъ посовѣтовалъ растревожить мнѣ печень? «Въ другой разъ не берите на себя подобныхъ порученій».

Таково его первое инстинктивное движеніе: броситься на человѣка и схватить его за горло; на каждой страницѣ, за каждымъ написаннымъ словомъ чувствуются взрывы и вспышки такого рода, выраженія и интонаціи человѣка, который вскакиваетъ, душитъ и валитъ на полъ. Диктуя у себя въ кабинетѣ, «онъ ходитъ большими шагами» [3]); «а если онъ возбужденъ», въ чемъ тоже не бываетъ недостатка, «то рѣчь его пересыпается яростными ругательствами и даже проклятіями, которыя «приходится выпускать». Ихъ, однако, не всегда выпускаютъ, и тому, кто читалъ подлинные черновики его писемъ, касающихся церковныхъ дѣлъ [4]), десятками попадаются самыя непозволительныя, площадныя слова.

---

[1]) M-me de Rémusat, II, 46.

[2]) Тамъ же, I, 359. — Les Cahiers de Coignet, 191: «Уже въ «Позенѣ мнѣ пришлось видѣть, какъ онъ садился на лошадь въ такомъ «раздраженномъ состояніи, что перескочилъ черезъ нее на другую сторону «и стегнулъ хлыстомъ своего берейтора».

[3]) M-me de Rémusat, I, 222.

[4]) Особенно въ письмахъ, адресованныхъ къ кардиналу Гонзальви и къ префекту Монтенотте. (Это указаніе я получилъ отъ Госсонвилля).— Впрочемъ такихъ выраженій онъ не щадитъ и при разговорѣ. Во время одной поѣздки по Нормандіи, онъ требуетъ къ себѣ епископа Сэза и публично говоритъ ему: «Вмѣсто того, чтобы соединять партіи, вы дѣ«лаете различіе между конституціоналистами и не-конституціоналистами.

Нетерпѣливъ онъ невѣроятно. «Когда онъ одѣвается [1]), то «бросаетъ на полъ, куда попало, не понравившуюся ему одежду... «Въ дни торжествъ и парадовъ его камердинеры должны сгово- «риться заранѣе и улавливать мгновенія, чтобы одѣть его. Онъ «рветъ и швыряетъ все, что его сколько-нибудь стѣсняетъ; слу- «чается, что бѣдный лакей, невольный виновникъ какого-нибудь «пустяшнаго неудобства, получаетъ весьма осязательное доказа- «тельство его гнѣва».

Нельзя себѣ представить, чтобы мысль могла нестись такъ неудержимо, какъ у него. «Его почеркъ», когда онъ пытается писать самъ, «это какой-то наборъ значковъ, несвязанныхъ и непо- «нятныхъ [2]); половины буквъ не хватаетъ»; когда онъ перечитываетъ свою рукопись, онъ и самъ ничего не можетъ разобрать. Въ концѣ концовъ, онъ почти не способенъ написать письмо своей рукой, да и сама подпись его превращается въ какія-то каракули. Онъ поневолѣ диктуетъ, но диктуетъ такъ быстро, что секретари едва поспѣваютъ за нимъ. Въ первые дни своей службы они обливаются потомъ и не успѣваютъ занести и половины того, что онъ говоритъ. Бурьенну, Меневалю и Марэ приходилось прибѣгать къ стенографіи, такъ какъ онъ никогда не повторялъ ни одной своей фразы; тѣмъ хуже для пера, если оно запоздало, и счастье для него, если взрывъ восклицаній и проклятій дастъ ему возможность наверстать пропущенное.

Нѣтъ человѣческой рѣчи, которая сверкала бы и неслась такой могучей волной, какъ у него; иной разъ безъ всякой осторожности и сдержанности, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда такія словоизверженія и безполезны, и даже недостойны. Но въ такія минуты его душа и его умъ переполнены, и подъ давленіемъ этой внутренней бури, вдохновенный импровизаторъ и по-

---

«Негодяй! Вы скверный подданный! сейчасъ же подавайте въ отставку!» А его викаріямъ: «Кто изъ васъ сопровождаетъ вашего епископа, который, «къ слову сказать, просто оселъ?»—Ему указываютъ на Легаллуа, который послѣднее время отсутствовалъ.—«С..., гдѣ же вы пропадали?». «Я былъ у «своихъ». «Если васъ приставили къ такому ..... отродью, какъ этотъ «епископъ, какъ смѣете вы такъ часто отлучаться?» и т. д. (D'Haussonville, IV, 176; Roederer, t. III).

[1]) M-me de Rémusat, I, 101; II, 338.

[2]) Тамъ же, I, 224.—M. de Meneval, I, 112, 347; III, 120: «Въ виду та- «кого исключительнаго случая, какъ его предстоящій бракъ, онъ пожелалъ «написать своему будущему тестю (императору австрійскому) собствен- «норучно. Это было для него цѣлымъ событіемъ. Послѣ долгихъ трудовъ, «ему удалось написать, наконецъ, письмо болѣе или менѣе разборчивое».— Все таки Меневалю пришлось «исправлять нѣкоторыя неудавшіяся буквы «такъ, чтобы поправки не были слишкомъ замѣтны».

лемистъ вытѣсняетъ въ немъ государственнаго и дѣлового человѣка [1]). «Для него,—замѣчаетъ одинъ довольно тонкій наблюда«тель [2]),—говорить было первой потребностью; и онъ, несомнѣнно, «главною изъ прерогативъ своей власти считалъ право говорить «одному, не допуская возраженій». Даже въ Государственномъ Совѣтѣ онъ даетъ себѣ волю, забываетъ очередныя дѣла, бросается направо и налѣво, уклоняется отъ предмета; въ порывѣ ли негодованія, или ради поясненія, по два, по три битыхъ часа [3]), онъ толчется на мѣстѣ, упорствуя, повторяясь, съ твердымъ рѣшеніемъ убѣдить или побѣдить. Въ концѣ концовъ, онъ спрашиваетъ присутствующихъ — правъ ли онъ, «и тутъ всѣ мнѣнія всегда оказываются покорными ему». Въ глубинѣ души, онъ сознаетъ, какова цѣнность согласія, добытаго такимъ путемъ, и говоритъ, указывая на свое кресло: «Согласитесь, что не мудре«но быть умнымъ, сидя на этомъ мѣстѣ». Это не помѣшало ему, однако, въ полной мѣрѣ использовать свой умъ и отдаться своей страсти; а страсть эта увлекаетъ его за собой гораздо больше, чѣмъ повинуется его волѣ.

«Мои нервы очень легко возбуждаются,—говоритъ онъ самъ; «при такомъ расположеніи, если бы кровь не текла у меня въ «жилахъ медленно и ровно, я рисковалъ бы сойти съ ума» [4]). Иной

---

[1]) Напримѣръ, въ Байоннѣ и въ Варшавѣ (de Pradt); безпримѣрная оскорбительная сцена, которую онъ устраиваетъ, послѣ своего возвращенія изъ Испаніи, Таллейрану (Mémoires inédits de M. X..., II, 365); безсмысленное оскорбленіе, которое онъ бросаетъ въ лицо Меттерниху, въ 1813, какъ завершительное слово ихъ свиданія. (Souvenirs du feu duc de Broglie, I, 230)—Сравните его откровенныя бесѣды не менѣе рискованныя и ненужныя съ Mio де Мелито, въ 1797 г., и пять разговоровъ съ сэромъ Гудсономъ Лоу, тутъ же записанныхъ присутствовавшимъ [illegible]айоромъ Горрекуеромъ (W. Forstyh, I, 161, 200, 247).

[2]) De Pradt, préface, X.

[3]) Pelet de la Lozère, p. 7,—Mollien, Mémoires, II, 222.—Souvenirs du feu duc de Broglie, I, 66, 69.

[4]) M-me de Rémusat, I, 821. «Я слышала отъ Корвизара, что его «артеріи бьются немного рѣже обычной нормы для мужчинъ. Онъ никог«да не испытывалъ того, что называется обыкновенно головокруженіемъ.— «Его нервный аппаратъ совершененъ во всѣхъ своихъ отправленіяхъ и «безпримѣренъ по способности воспринимать, удерживать, комбинировать и «отражать».—Но другіе органы были менѣе удовлетворительны и отличались болѣзненной чувствительностью (De Ségur, VI, 15 и 16, примѣчаніе докторовъ Ивана и Местивье, лѣчившихъ его). «Для сохраненія въ немъ рав«новѣсія, необходимо чтобы его кожа всегда функціонировала исправно; «какъ только покровы съеживались, по причинѣ моральной или атмо«сферической...,—раздраженіе, кашель, задержаніе мочи». Отсюда потребность частыхъ ваннъ, продолжительныхъ и очень теплыхъ. «Схватки «бывали у него обыкновенно или въ желудкѣ, или въ мочевомъ пузырѣ. «Если онѣ начинались въ желудкѣ, то вызывали страшнѣйшіе припадки «нервнаго кашля, отъ которыхъ онъ совершенно обезсиливалъ и физически

разъ напряженіе скопившихся впечатлѣній бываетъ слишкомъ велико и разрѣшается физическими конвульсіями. И странное дѣло, этого воина и государственнаго мужа «сплошь да рядомъ случалось видѣть взволнованнымъ и въ слезахъ». Человѣкъ, на глазахъ у котораго люди умирали тысячами, «рыдаетъ» послѣ Ваграма и Баутцена [1]) у изголовья стараго умирающаго товарища. «Я видѣлъ,—говоритъ его камердинеръ,—какъ онъ, разставшись «съ маршаломъ Ланномъ, плакалъ во время завтрака: крупныя «слезы катились по его щекамъ и падали въ тарелку». И не одно только физическое ощущеніе, не одинъ видъ изуродованнаго и окровавленнаго тѣла такъ переворачиваетъ его душу: иной разъ слово или мысль проникаютъ въ него такъ же глубоко. При видѣ волненія Дандоло, который молитъ за свою родину, за Венецію, проданную Австріи, — онъ растроганъ и на глазахъ у него выступаютъ слезы [2])...—Государственный Совѣтъ присутствуетъ въ полномъ составѣ, онъ говоритъ о капитуляціи Байлена [3]), и вдругъ голосъ у него прерывается, «онъ такъ горячо «отдается охватившей его скорби, что не можетъ удержаться

«и нравственно». Такъ продолжалось все время, съ самаго кануна битвы на Москвѣ-рѣкѣ и кончилось только на другой день послѣ вступленія въ Москву: «Непостоянный сухой кашель, дыханіе затрудненное и неровное; пульсъ «частый, лихорадочный, неправильный; моча мутная, съ осадкомъ, вы«дѣляется болѣзненно, капля по каплѣ, въ ногахъ отекъ.»—Уже въ 1806 въ Варшавѣ «послѣ жесточайшихъ желудочныхъ схватокъ», онъ говоритъ, въ присутствіи графа Лобау, «что носитъ въ себѣ зачатки прежде«временной кончины, и что онъ погибнетъ отъ такой же болѣзни, какъ и «его отецъ». (De Ségur, IV, 82).—Послѣ побѣды при Дрезденѣ, онъ поѣлъ рагу съ чеснокомъ и почувствовалъ такую страшную рѣзь въ желудкѣ, что счелъ себя отравленнымъ; изъ-за этого онъ отступаетъ, что вызываетъ гибель корпуса Вандамма и, какъ слѣдствіе ея, всю катастрофу 1813 (Mémoires manuscrits de M. X.., разсказъ Дарю, очевидца.)—Эта чувствительность нервовъ и желудка у него наслѣдственна и даетъ себя знать съ самой ранней молодости: какъ-то, въ Бріеннѣ, въ наказаніе его поставили на колѣни на порогѣ столовой, «но не успѣлъ онъ согнуть «колѣни, какъ съ нимъ началась рвота и сильнѣйшій нервный припадокъ» (De Ségur, I, 71).—Извѣстно, что онъ умеръ отъ скирра въ желудкѣ, какъ и его отецъ, Карлъ Бонапартъ; дѣдъ его Іосифъ Бонапартъ, его дядя Фешъ, братъ Люсьенъ и сестра Каролина умерли отъ той же болѣзни, или отъ однородной.

[1]) Meneval, I, 299. — Constant, Mémoires, V, 62.—De Ségur, VI, 114, 117.

[2]) Le maréchal Marmont, Mémoires I, 306.—Bourrienne, II, 119: «Внѣ «своей политической сферы» онъ былъ добръ, чувствителенъ, доступенъ «чувству состраданія».

[3]) Pelet de la Lozère, стр. 7.—De Champagny, Souvenirs, стр. 103. Въ первую минуту его волненіе было гораздо сильнѣе. «Почти три часа «роковая новость была уже у него въ рукахъ; онъ наединѣ изливалъ свою «горесть. Онъ позвалъ меня... жалобные стоны неудержимо вырывались у «него изъ груди».

«отъ слезъ». Въ 1806 г. передъ отъѣздомъ въ армію, при прощаніи съ Жозефиной, его волненіе разражается нервнымъ припадкомъ [1]), и притомъ настолько сильнымъ, что онъ кончается рвотой. «Пришлось его усадить,—говоритъ очевидецъ,—дать ему «померанцевой воды; онъ залился слезами; это продолжалось «добрую четверть часа».—Такой же припадокъ повторяется и въ 1808 году, когда онъ рѣшился, наконецъ, на разводъ. Цѣлую ночь онъ волнуется и убивается какъ женщина; онъ цѣлуетъ Жозефину; онъ слабѣе ея и болѣе растроганъ, чѣмъ она: «Бѣд«ная Жозефина, я не могу разстаться съ тобой». Онъ не выпускаетъ ее изъ объятій, онъ весь отдается ощущенію минуты, хочетъ, чтобы она сейчасъ же раздѣлась, легла съ нимъ, плачетъ надъ ней. «Онъ буквально залилъ слезами всю постель», говоритъ Жозефина.

Весьма понятно, что въ такомъ организмѣ, какъ бы ни былъ могучъ общій регуляторъ, равновѣсію грозитъ постоянная опасность. И онъ это знаетъ—какъ знаетъ все о себѣ самомъ; онъ боится своей нервной впечатлительности, какъ пугливой лошади. Въ критическій моментъ, при Березинѣ, онъ отмахивается отъ печальныхъ извѣстій, способныхъ взволновать его, и нѣсколько разъ повторяетъ докладчику, который стоитъ на своемъ [2]): «Зачѣмъ вы, сударь, хотите вывести меня изъ моего спокойнаго «состоянія?»

Однако, несмотря на всѣ предосторожности, два раза, въ минуты опасности неожиданной и неприглядной, онъ былъ захваченъ врасплохъ: этотъ человѣкъ, всегда безстрашный и увѣренный въ себѣ подъ градомъ пуль, смѣлый герой и отважнѣйшій политикъ, въ минуту разразившейся парламентской и народной бури два раза измѣняетъ себѣ.—18 брюмера, въ Законодательномъ Собраніи «при крикахъ «внѣ закона» онъ блѣднѣетъ, «дрожитъ, и, казалось, совсѣмъ теряетъ голову; пришлось увести «его изъ залы; была минута когда онъ едва не лишился чувствъ [3])».—Послѣ отреченія въ Фонтенбло, подъ градомъ ругательствъ и угрозъ, которыми его встрѣчаютъ въ Провансѣ, на нѣсколько дней онъ впадаетъ въ состояніе полнѣйшаго нравственнаго потрясенія; животные инстинкты всплываютъ наверхъ; онъ боится

---

1) M-me de Rémusat, I, 121, 342; II, 50; III, 61, 294, 312.
2) De Ségur, V, 398.
3) Yung, II, 329, 431. (Разсказъ Люсьена и докладъ Людовику XVIII)

и не думаетъ скрывать этого [1]). Въ мундирѣ австрійскаго полковника, въ фуражкѣ прусскаго комиссара и въ плащѣ русскаго, онъ все еще боится, что недостаточно переодѣтъ. Въ Каладской гостиницѣ «онъ вздрагиваетъ и мѣняется въ лицѣ при «малѣйшемъ шумѣ», комиссары, которые то и дѣло заходятъ къ нему въ комнату, «каждый разъ застаютъ его въ слезахъ». «Онъ ихъ замучилъ своимъ безпокойствомъ и нерѣшительностью», говоритъ, что французское правительство рѣшило покончить съ нимъ въ дорогѣ, отказывается ѣсть за столомъ, опасаясь отравы, собирается бѣжать черезъ окно. Въ то же время, онъ изливаетъ свою душу въ безконечныхъ сѣтованіяхъ и разговорахъ о своемъ прошломъ, о своихъ свойствахъ, и все это такъ несдержанно, пошло, цинично до неприличія, до ненормальности; всѣ его мысли разнуздались и гурьбой наскакиваютъ другъ на друга, точно мятежная и не сдерживаемая толпа; онъ вновь овладѣваетъ ими только къ концу своего путешествія, въ Фрежюсѣ, когда чувствуетъ себя въ безопасности и внѣ сферы какихъ бы то ни было физическихъ воздѣйствій: тогда только ему удается вправить ихъ въ обычныя рамки, привести въ порядокъ и подчинить главной, господствующей мысли, которая, послѣ короткаго упадка, снова пріобрѣтаетъ свою обычную энергію и власть.

Ничто въ немъ не поражаетъ такъ сильно, какъ это постоянное, почти безпрерывное преобладаніе ясной, разсчитывающей мысли; но сила его воли кажется еще болѣе непостижимой, чѣмъ сила его разума; прежде чѣмъ стать госпожей надъ другими, она становится ею у себя. Чтобы постигнуть всю

---

[1]) Nouvelle Relation de l'itinéraire de Napoléon, de Fontainebleau à l'île d'Elbe, par le comte de Waldburg-Truchsess, commissaire nommé par le roi de Prusse (1815), стр. 22, 24, 25 26, 30, 32, 34, 37.—Повидимому, ужасныя сцены отреченія и его попытки отравиться, къ которымъ онъ прибѣгалъ въ Фонтенбло, уже нарушили его обычное равновѣсіе. Послѣ прибытія на Эльбу, онъ говоритъ австрійскому комиссару Коллеру: «Что касается васъ, мой милый генералъ, не«редъ вами я предсталъ во всей красѣ».—Сравните у M-me de Rémusat, I, 108, одно изъ его признаній Таллейрану, гдѣ онъ съ циничной откровенностью опредѣляетъ то разстояніе, которое отдѣляетъ въ немъ природные инстинкты отъ преднамѣренности. — Здѣсь, какъ и всюду, въ немъ чувствуется отчасти актеръ, или даже итальянскій buffone; Прадтъ называлъ его «Юпитеромъ Скапиномъ». Прочтите его размышленія, которыя онъ излагаетъ въ присутствіи Прад а, послѣ своего возвращенія изъ Россіи: точно комедіантъ, который скверно исполнилъ свою роль, потерпѣлъ полное фіаско на сценѣ и, вернувшись за кулисы, обсуждаетъ свою роль и взвѣшиваетъ впечатлѣнія публики, (De Pradt, стр. 219).

мощь этой воли, недостаточно указать на ея обаяніе, сосчитать тысячи покоренныхъ ею душъ, учесть чудовищное количество внѣшнихъ препятствій, которыя она преодолѣла,—необходимо еще главнымъ образомъ вообразить себѣ всю силу и безудержность его внутреннихъ страстей, которыя она держитъ въ уздѣ и ведетъ точно запряжку взмыленныхъ и взбѣсившихся лошадей. Его воля—это тотъ возница, который постояннымъ напряженіемъ своихъ мышцъ сдерживаетъ и покоряетъ этихъ почти неукротимыхъ коней, который направляетъ ихъ порывы, соразмѣряетъ бѣгъ, умѣетъ использовать все, вплоть до невѣрныхъ шаговъ, чтобы безпрепятственно нестись на своей грозной колесницѣ надъ бездонными пропастями.

Если чисто разсудочныя идеи могутъ имѣть такую постоянную власть и силу, то это значитъ, что всѣ жизненные соки организма направлены на то, чтобы ихъ питать; въ глубинѣ его сердца и темперамента скрытъ ихъ главный источникъ; этотъ подземный источникъ, который доставлялъ его идеямъ ихъ суровую и жесткую энергію,—это его основной и первоначальный инстинктъ, болѣе могучій, чѣмъ его умъ и, даже, чѣмъ сама воля его, инстинктъ—стать самому центромъ и свести все остальное къ своей личности, другими словами—эгоизмъ.

II.

Этотъ эгоизмъ, не инертный, а дѣятельный и всепоглощающій, пропорціональный энергіи и богатству его дарованій, разросшійся благодаря воспитанію и обстоятельствамъ, раздутый успѣхомъ и всемогуществомъ до размѣровъ какого-то чудовища,—воздвигаетъ, наконецъ, среди человѣческаго общества одно колоссальное *я*, которое постоянно расширяетъ кругъ своихъ упорныхъ, хищныхъ захватовъ, негодуетъ на всякое сопротивленіе, не переноситъ никакой другой независимости и на всемъ огромномъ протяженіи присвоеннаго себѣ пространства не терпитъ никакого проявленія жизни, если только она не является дополненіемъ или орудіемъ его собственной.

Уже въ юношѣ и даже въ ребенкѣ сказывались задатки этого всепоглощающаго самодовлѣнія. «Характеръ властный, повели-«тельный, упрямый», таковы отзывы о немъ Бріеннской школы [1]).

---

[1]) Bourrienne, I, 21.

«Необычайно эгоистическія наклонности», продолжаются эти отзывы и въ Военной Школѣ [1]), «очень самолюбивъ, честолюбивъ, «все считаетъ своимъ, любитъ одиночество», оттого, конечно, что въ обществѣ равныхъ ему не удается быть господиномъ, а тамъ, гдѣ нельзя повелѣвать, онъ всегда чувствуетъ себя стѣсненнымъ.

«Я жилъ особнякомъ отъ моихъ товарищей», говоритъ онъ позднѣе [2]); «за школьной оградой я облюбовалъ себѣ мѣстечко, «куда постоянно забирался и гдѣ могъ мечтать вволю. Когда «мои товарищи хотѣли посягнуть на мои права въ этомъ углу, «я отстаивалъ ихъ всѣми силами; у меня тогда уже было инстинк«тивное чувство, что моя воля должна брать верхъ надъ вся«кою другою и что все приглянувшееся мнѣ должно быть «моимъ». Возвращаясь въ своихъ воспоминаніяхъ къ болѣе раннему періоду своей жизни, еще подъ отцовской кровлей, въ Корсикѣ, онъ самъ о себѣ говоритъ, какъ о маленькомъ злостномъ дикарѣ, непокорномъ, не знающемъ никакой узды и лишенномъ совѣсти [3]). «Я ничего не признавалъ и никого не бо«ялся; билъ одного, царапалъ другого, нагонялъ страхъ на всѣхъ «и каждаго. Избивъ, искусавъ брата Іосифа, я шелъ на него же «жаловаться, какъ только тотъ приходилъ въ себя». Великолѣпный пріемъ, къ которому онъ неуклонно прибѣгаетъ всю жизнь: это умѣнье лгать съ выгодой для себя ему присуще отъ рожденья. Впослѣдствіи, уже сложившимся человѣкомъ, онъ кичится имъ и считаетъ его признакомъ и мѣриломъ «политиче«скаго превосходства»; «онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ, какъ «одинъ изъ его дядей еще въ дѣтствѣ предрекъ ему славу и гос«подство надъ міромъ, основываясь на его привычкѣ постоянно «лгать» [4]).

---

[1]) Yung, I, 125.

[2]) M-me de Rémusat, I, 267.—Yung, II, 109. Вернувшись въ Корсику, онъ силой беретъ верхъ надъ всей семьей. «Съ нимъ нельзя было спо«рить, говоритъ его братъ Люсьенъ; онъ сердился на малѣйшее замѣча«ніе и выходилъ изъ себя въ отвѣтъ на самое незначительное сопроти«вленіе; даже Іосифъ (старшій) не смѣлъ возражать своему брату».

[3]) Mémorial, 27—30 августа, 1815.

[4]) M-me de Rémusat, I, 105.—Нельзя себѣ представить болѣе искуснаго, и болѣе упорнаго софиста, болѣе настойчиваго, убѣдительнаго и краснорѣчиваго въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужно было доказать свою правоту и справедливость. Отсюда все, что онъ диктовалъ съ острова Св. Елены, его прокламаціи, посланія и дипломатическая переписка; отсюда сила его слова, столь же могучая, какъ и сила его оружія, его вліяніе какъ на подданныхъ, такъ и на противниковъ, а также и то посмертное вліяніе, которое онъ оказываетъ на потомство. — Онъ въ такой же

Отмѣтьте это словечко дяди: въ немъ выразился весь опытъ человѣка того времени и той страны. Вотъ чему научала общественная жизнь въ Корсикѣ; въ силу неизмѣнной связи, мораль здѣсь примѣняется къ нравамъ. Дѣйствительно, такова мораль, ибо таковы нравы, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, гдѣ полицейская власть безсильна, гдѣ правосудіе отсутствуетъ, гдѣ общественное дѣло принадлежитъ тому, кто его забралъ, гдѣ междоусобныя войны свирѣпствуютъ, не зная ни удержу ни пощады, гдѣ каждый носитъ оружіе, гдѣ допускаются всѣ способы обороны, обманъ, притворство, плутовство, на ряду съ ружьемъ или кинжаломъ. Такъ было въ Корсикѣ въ XVIII вѣкѣ, такъ было и въ Италіи въ XV вѣкѣ.

Вотъ первыя впечатлѣнія Бонапарта, точно взятыя изъ временъ Борджіа и Маккіавелли; вотъ гдѣ зародились его первыя полуидеи, которыя впослѣдствіи послужили основой его зрѣлымъ мыслямъ; здѣсь же заложенъ фундаментъ его будущаго умственнаго зданія и тѣхъ представленій, которыя онъ составилъ себѣ о человѣческомъ обществѣ. Въ дальнѣйшемъ, по окончаніи французскихъ школъ, при каждомъ его посѣщеніи родины и пребываніи тамъ, впечатлѣнія эти удваиваются и укрѣпляютъ въ немъ ту же конечную идею. «Въ этомъ краю» — пишутъ французскіе комиссары [1]) «народъ не имѣетъ никакого абстрактнаго понятія «о принципѣ», чего бы онъ ни касался, соціальныхъ интересовъ или правосудія. «Правосудіе не отправляется; въ два года совер«шено сто тридцать убійствъ... Институтъ присяжныхъ паралі«зовалъ послѣднюю возможность наказанія преступниковъ; ни«когда самыя неопровержимыя доказательства и даже сама оче«видность не заставятъ присяжныхъ, набранныхъ изъ членовъ «одной и той же партіи или даже семьи обвиняемаго, вы-

---

степени адвокатъ, какъ полководецъ и администраторъ. Стремленія и сущность этого характера сводятся къ тому, чтобы никогда не считаться съ истиной, но чтобы и писать, и говорить, всегда имѣя въ виду аудиторію, какъ бы защищая свое дѣло въ судѣ.—Такой талантъ безъ труда созидаетъ призраки, которые обманываютъ аудиторію; но такъ какъ и самъ авторъ составляетъ часть аудиторіи, то онъ кончаетъ тѣмъ, что вводитъ въ заблужденіе не только другихъ, но и себя самого; такъ было съ Наполеономъ.

[1]) Yung, II, III; (рапортъ Вольнэя, корсиканскаго комиссара, 1791); II, 287. (Памятная записка, которая даетъ вѣрное представленіе о военномъ и политическомъ состояніи Корсики въ декабрѣ 1790); II, 270. (Донесеніе депутата Лакомба Сенъ-Мишель, 10 сентября, 1793)—Miot de Melito, I, 131 и послѣдующія страницы. (Онъ былъ комиссаромъ, возстановлявшимъ порядокъ и миръ въ Корсикѣ, въ 1797 и 1801).

«нести ему обвинительный приговоръ; если же обвиняемый при-
«надлежитъ къ противной партіи, присяжные опять-таки оправ-
«даютъ его уже изъ страха мести, рано или поздно, но во вся-
«комъ случаѣ неизбѣжной». «Духа общественности не суще-
«ствуетъ, нѣтъ никакаго организованнаго общества, а просто
«толпа мелкихъ, враждующихъ партій... Въ Корсикѣ нѣтъ без-
«родныхъ, а слѣдовательно не связанныхъ съ какой-нибудь
«партіей; тотъ, кто захотѣлъ бы держаться особнякомъ, навлекъ
«бы на себя общую ненависть... Всѣ главари отдѣльныхъ партій
«преслѣдуютъ одну цѣль: достать денегъ какими бы то ни было
«путями. Ихъ первая забота — окружить себя преданными, без-
«отвѣтными людьми и между ними распредѣлить всѣ должности...
«Выборы производятся силою и всегда съ оружіемъ въ рукахъ...
«Партія, одержавшая верхъ, пользуется своимъ торжествомъ,
«чтобы отомстить противнику, и только умножаетъ всякаго
«рода насилія и несправедливости... Главари организуютъ между
«собою аристократическіе союзы... и допускаютъ всякія зло-
«употребленія. Они не вводятъ налоговъ и не взимаютъ недо-
«имокъ, чтобы заручиться возможно большимъ количествомъ
«выборныхъ голосовъ, а также изъ родственныхъ и партійныхъ
«соображеній. Таможни существуютъ только для обогащенія
«друзей и родныхъ. Жалованье не достигаетъ по назначенію.
«Деревня необитаема, потому что ничѣмъ не гарантирована без-
«опасность. Крестьяне не покидаютъ ружья даже на пашнѣ.
«Безъ конвоя нельзя сдѣлать ни шагу; иной разъ приходится на-
«значать пять, шесть человѣкъ охраны, чтобы переслать письмо
«съ одной почтовой станціи на другую».

Дополните этотъ общій набросокъ тысячью событій, которыя въ немъ подразумѣваются; вообразите всѣ мелкіе ежедневные факты, которые передаются любопытными сосѣдями изъ устъ въ уста со всѣми характерными подробностями и пересуживаются ими съ сочувствіемъ или съ негодованіемъ [1]): вотъ курсъ морали, который былъ пройденъ молодымъ Бонапартомъ.

За столомъ ребенокъ вслушивался въ разговоры взрослыхъ и по какому-нибудь слову, въ родѣ сказаннаго дядей, по выраженію лица, восторженному жесту или пожиманію плечъ онъ

---

[1]) Miot de Melito, II, 2: «Приверженцы семьи перваго консула... ви-
«дѣли во мнѣ только орудіе своихъ страстей, предназначенное исключи-
«тельно на то, чтобы избавлять ихъ отъ враговъ и сосредоточивать
«всѣ милости на ихъ любимцахъ».

узнавалъ, что господствующее теченіе жизни не миръ, а война, узнавалъ, какія хитрости нужны, чтобъ въ ней удержаться, съ какими усиліями и жестокостями приходится пробиваться, съ какимъ трудомъ взбираться... Остальное время дня, предоставленный самому себѣ, на попеченіи кормилицы Иларіи и ключницы Саверіи, онъ бродитъ среди простонародья, слушаетъ разговоры моряковъ на пристани или мѣстныхъ пастуховъ, и въ ихъ наивныхъ восклицаніяхъ, въ ихъ простодушномъ восхищеніи передъ удавшейся засадой или ловкой западней его юный мозгъ находитъ энергичное подтвержденіе тѣхъ уроковъ, которые онъ уже получилъ дома. Это было его школой житейской мудрости. Въ такомъ раннемъ возрастѣ эти уроки западаютъ глубоко, въ особенности же, если сама натура идетъ имъ навстрѣчу; здѣсь же сердце готово принять ихъ слѣпо, потому что воспитаніе идетъ рука объ руку съ инстинктомъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала революціи, когда онъ снова попадаетъ въ Корсику, жизнь ему представляется тѣмъ, чѣмъ она и была на то время на самомъ дѣлѣ, борьбой всѣми родами оружія. И вотъ въ этой-то замкнутой области онъ и дѣйствуетъ не задумываясь, свободнѣй чѣмъ кто-либо [1]). Если онъ и привѣтствуетъ законъ и правосудіе, то больше на словахъ, да и то какъ-то иронически; въ его глазахъ законъ—только безжизненная фраза изъ кодекса, правосудіе—книжная фраза, и сила первенствуетъ надъ правомъ.

Вотъ на этотъ-то характеръ, уже вполнѣ опредѣлившійся, падаетъ второй ударъ молота, и во второй разъ кладетъ на него тотъ же отпечатокъ: французская анархія запечатлѣла въ этой молодой душѣ тѣ основы, которыя уже были начертаны въ его дѣтскомъ сердцѣ анархіей корсиканской, потому что

---

[1]) Yung, I, 220 (манифестъ отъ 31 октября, 1789) 265 (насильственный заемъ въ семинарской кассѣ, 23 іюня, 1790), 267, 269 (арестъ артиллерійскаго маіора де ла Жайль и другихъ офицеровъ; проектъ захвата цитадели въ Аяччіо), II, 115 (Письмо къ Паоли, 17 февраля, 1792): «Законы похожи на статуи божествъ, которыя принято завѣшивать въ нѣкоторыхъ случаяхъ»; 125 (назначеніе Бонапарта подполковникомъ въ батальонъ волонтеровъ, 1 апрѣля 1792). Наканунѣ онъ, съ помощью вооруженнаго отряда, захватилъ одного изъ трехъ комиссаровъ департамента, Мурати, который жилъ у его противниковъ, Перальди. Мурати, схваченнаго неожиданно, силой приводятъ и задерживаютъ у Бонапарта, который торжественно заявляетъ ему: «Я хотѣлъ доставить вамъ свободу, «полную свободу; вы ею не пользовались у Перальди».—Его корсиканскій біографъ (Nasica, Mémoires sur la jeunesse et l'enfance de Napoléon) считаетъ этотъ поступокъ вполнѣ похвальнымъ.

общество разлагающееся даетъ такіе же уроки житейской мудрости, какъ и общество еще не сложившееся.

Его зоркіе, проницательные глаза очень скоро разглядѣли, сквозь шумиху трескучихъ фразъ и теорій, истинную основу революціи, т.-е. господство свободныхъ страстей и торжество большинства надъ меньшинствомъ; быть побѣдителемъ или побѣжденнымъ, вотъ двѣ крайности, между которыми надо выбирать, середины быть не можетъ. Послѣ 9 термидора были сорваны послѣдніе покровы, и на политической аренѣ красуются инстинкты полной разнузданности, самовластія и личныхъ вожделѣній, во всей ихъ неприглядной наготѣ; о благѣ общества и о народномъ правѣ нѣтъ и помину; ясно для всякаго, что у кормила правленія стоитъ простая разбойничья шайка, что Франція ея добыча, что за эту добычу она постоитъ противъ всѣхъ и передъ всѣми, пустивъ въ ходъ всѣ существующія средства, не исключая и штыка. При такомъ режимѣ, когда въ центрѣ мететъ новая метла, прямой разсчетъ держаться поближе къ метельщикамъ.

Во всѣхъ арміяхъ, и больше всего въ итальянской, послѣ освобожденія территоріи отъ непріятеля, республиканское credo и патріотическая самоотверженность смѣняются естественными вожделѣніями и военными страстями [1]). Оборванные, босоногіе, голодные, — на человѣка отпускается 32 золотника хлѣба въ сутки и жалованье уплачивается ассигнаціями, совершенно упавшими въ цѣнѣ, — офицеры и солдаты рвутся прежде всего изъ нищеты: «несчастные послѣ трехлѣтнихъ мытарствъ и скитаній «по альпійскимъ высотамъ, дорвались наконецъ до обѣтованной «земли; вполнѣ естественно, что они хотятъ прежде всего исполь«зовать ея блага [2])». Другимъ толчкомъ была гордость, раздутая воображеніемъ и успѣхомъ. Прибавьте къ этому избытокъ молодости со всѣмъ ея пыломъ и съ ея жаждою приложить свои силы: вѣдь все это почти сплошь зеленая молодежь, которая смотритъ на жизнь такъ, какъ ее понимаютъ французы и галлы, то-есть, какъ на увеселительную прогулку, или же какъ на поединокъ.

---

[1]) Сравните по этому поводу: Les Mémoires du maréchal Marmont I, 180, 196, Mémoires de Stendhal sur Napoléon, Rapport de d'Antraignes (Yung, III, 170, 171), Mercure britannique de Mallet-Dupan, и первая глава la Chartreuse de Parme, par Stendhal.

[2]) Correspondance de Napoléon I. (Письмо Наполеона Директоріи, 26 апрѣля, 1796). Прокламація того же дня: «Вы совершали усиленные пе«реходы, не имѣя обуви, располагались бивакомъ, не имѣя водки, а часто «и хлѣба».

Но вѣдь чувствовать себя храбрецомъ и проявлять эту храбрость изъ одного только озорства, вызывающе бросаться подъ пули, дѣлить свое время между радостями жизни и опасностью, смѣняя битву пирушкой и обратно, рисковать и развлекаться до пресыщенія, безъ всякой цѣли, ничѣмъ не задаваясь, заботясь только объ ощущеніяхъ минуты [1]), стремясь использовать всѣ свои способности, обостренныя опасностью и соревнованіемъ,— все это никакъ нельзя назвать самоотверженіемъ, а скорѣе эта значитъ давать себѣ волю; но для всякаго, кто не окончательный вертопрахъ, давать себѣ волю—значитъ пробить себѣ дорогу, идти въ гору, грабить, чтобы разбогатѣть, какъ Массена, или добиться власти, какъ Бонапартъ.

На этой почвѣ соглашеніе между командующимъ и его арміей было достигнуто съ самыхъ первыхъ дней [2]), а послѣ годовой совмѣстной работы оно стало полнымъ и совершеннымъ. Ихъ совокупная дѣятельность создаетъ одну мораль, смутную въ арміи, но сознательную, въ командующемъ; гдѣ ей только мерещится, тамъ онъ видитъ ясно и неопровержимо. Если онъ и толкаетъ своихъ товарищей, то по ихъ же наклонной плоскости. Онъ просто только обгоняетъ ихъ, когда смотритъ своимъ хищнымъ взглядомъ на міръ, какъ на огромное пиршество, гдѣ двери открыты для всякаго пришлаго, но гдѣ, чтобы насладиться, надо имѣть длинныя руки и хватать первымъ, а другимъ оставлять однѣ объѣдки.

---

[1]) Stendhal, Vie de Napoléon, стр. 151: «Офицеры, не заносив-«шіеся слишкомъ высоко, были внѣ себя отъ счастья, что имѣли хорошее «бѣлье и прекрасные, новые сапоги. Всѣ любили музыку; многіе шли цѣ-«лую милю въ грязи, подъ дождемъ, чтобы занять мѣсто въ оперѣ .. Послѣ «того плачевнаго состоянія, въ которомъ армія находилась передъ собы-«тіями въ Кастильоне и въ Арколе, всѣ, кромѣ ученыхъ офицеровъ-спе-«ціалистовъ, держались того мнѣнія, что нужно сдѣлать все, даже невоз-«можное, но остаться въ Италіи.»—Marmont, I, 296: «Всѣ мы были очень «молоды... полны силъ и здоровья и снѣдаемы жаждой славы... Это раз-«нообразіе въ нашихъ занятіяхъ и развлеченіяхъ, эта постоянная смѣна «въ примѣненіи нашихъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, придавала жизни «необычайный интересъ и живость».

[2]) Correspondance de Napoléon I, прокламація отъ 27 марта 1796: «Солдаты, вы раздѣты, плохо накормлены; правительство вамъ за-«должало много, но оно ничего вамъ не можетъ дать... Я поведу васъ «въ самыя плодородныя долины міра, богатѣйшія провинціи и величайшіе «города будутъ въ вашей власти; вы найдете тамъ почетъ, славу и богат-«ство».—Прокламація отъ 26 апрѣля 1796: «Друзья, я вамъ ее обѣщаю, «эту побѣду!»—Сопоставьте въ запискахъ Мармона разсказъ о томъ, какъ Бонапартъ играетъ роль соблазнителя, предлагая Мармону обокрасть одну кассу, на что тотъ отвѣчаетъ отказомъ.

Ему это кажется, настолько простымъ и понятнымъ, что онъ преспокойно говоритъ объ этомъ вслухъ, даже въ присутствіи людей ему совершенно постороннихъ, такихъ, какъ дипломатъ Міо, или иностранецъ Мельци. «Не думаете ли вы,—говоритъ онъ имъ послѣ предварительныхъ переговоровъ въ Леобенѣ [1]),— «не думаете ли вы, что я ради возвышенія адвокатовъ Директоріи «разныхъ Карно и Баррасовъ, хлопочу и одерживаю побѣды въ «Италіи! Или можетъ быть, для того, чтобы основать республику? «Что за мысль! Республика съ тридцатью милліонами населенія! «Съ нашими-то нравами, съ нашими пороками! Да развѣ это «возможно? Это одна изъ тѣхъ фантазій, которыми захле- «бываются французы и которая испарится такъ же быстро, «какъ и остальныя. Имъ нужна слава, удовлетвореніе тщеславія, «а въ свободѣ они ровно ничего не смыслятъ. Наши послѣднія «побѣды, наши успѣхи уже показали, что такое французскій «солдатъ. Я для него все. Пусть Директорія попробуетъ лишить «меня командованія,—она увидитъ, кто здѣсь хозяинъ. Народу ну- «женъ вождь, и вождь прославленный, а не государственныя «теоріи, фразы и разглагольствованія идеологовъ, въ которыхъ «французы ничего не смыслятъ... Что касается вашей страны, «г. Мельци, то въ ней еще меньше распубликанскаго элемента и «церемониться съ ней нужно меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было... «Впрочемъ я отнюдь не намѣренъ такъ скоро покончить съ Ав- «стріей. Миръ вовсе не въ моихъ интересахъ. Вы сами видите, «что я такое въ Италіи и чѣмъ могу еще быть. Если миръ бу- «детъ заключенъ, если я не буду стоять во главѣ этой арміи, «съ которой такъ тѣсно связанъ, я долженъ буду отказаться «отъ власти, отъ того высокаго положенія, котораго добился; «отказаться для того, чтобы отправиться въ Люксембургъ и уви- «ваться тамъ вокругъ адвокатовъ! Если бы я и оставилъ Италію, «то для того только, чтобы играть во Франціи такую же роль, «какъ и здѣсь, но моментъ еще не пришелъ; плодъ не со- «зрѣлъ».

Ждать, пока плодъ созрѣетъ, но, въ ожиданіи, слѣдить, чтобы его не сорвалъ кто-нибудь другой—вотъ истинная подкладка его политической вѣрности и его якобинскихъ прокламацій. «Есть одна партія, которая подымается за Бурбоновъ. Я

---

[1]) Miot de Melito, I, 154. (Въ іюнѣ 1797, въ садахъ Монтебелло) «Такова сущность и наиболѣе замѣчательныя выраженія этой продол- «жительной рѣчи, воспоминаніе о которой я сохранилъ и записалъ».

«не имѣю ни малѣйшаго желанія содѣйствовать ея успѣху. Въ «будущемъ я собираюсь непремѣнно ослабить республиканскую «партію, но я сдѣлаю это въ свою пользу, а не ради старой ди«настіи. А пока что, приходится идти съ республиканцами», да еще съ худшими изъ нихъ, съ послѣдними мерзавцами, съ тѣми, которые готовятся смести все, Совѣтъ Пятисотъ, Совѣтъ Старѣйшинъ и даже Директорію, чтобы водворить во Франціи господство террора.

Дѣйствительно, онъ содѣйствуетъ 18-му фруктидора, но послѣ переворота очень ясно объясняетъ, ради чего онъ принималъ въ немъ участіе [1]): «Не подумайте, чтобы здѣсь имѣла мѣсто «какая-нибудь общность убѣжденій съ тѣми, кого я поддерживалъ. «Я просто не хотѣлъ возврата Бурбоновъ, тѣмъ болѣе посред«ствомъ Пишефю и арміи Моро... Рѣшительно отказываюсь отъ «роли Монка; я самъ не хочу ее играть и не допущу, чтобы ее «играли другіе... Что касается лично меня, мой милый Міо, скажу «вамъ, что я уже не могу больше повиноваться; я вкусилъ гла«венства и не смогу отъ него отказаться. Я рѣшилъ: если мнѣ «не удастся одержать верхъ, я покину Францію».

Вотъ его альтернативы, и никакой средины межъ ними. По возвращеніи въ Парижъ, онъ только о томъ и думалъ, «какъ «свергнуть Директорію [2]), распустить Совѣты и стать диктакто«ромъ»; но убѣдившись, что шансы на успѣхъ слабы, «онъ откла«дываетъ свои намѣренія» и хватается за второй исходъ. «Его «египетская экспедиція не имѣетъ другихъ мотивовъ [3])».

---

[1]) Miot de Melito, I, 184. (Бесѣда съ Бонапартомъ 18 ноября 1797 въ Туринѣ): «Я провелъ цѣлый часъ наединѣ съ генераломъ. Я съ точ«ностью воспроизвожу нашу бесѣду по записи, сдѣланной въ то время».

[2]) Mathieu Dumas, Mémoires III, 156: «Нѣтъ сомнѣнія, что съ этой «мыслью онъ не разставался съ той самой минуты, и что онъ занялся «серьезнымъ изученіемъ всѣхъ возможныхъ помѣхъ, какъ и средствъ и «шансовъ успѣха». (Матьё Дюма, въ подтвержденіе, приводитъ свидѣтельство Дезэ, который принималъ участіе въ этомъ предпріятіи): «казалось, все уже было готово, но Наполеонъ рѣшилъ, что моментъ еще не назрѣлъ, и что средствъ было недостаточно».—Вотъ причина его отъѣзда. «Онъ хотѣлъ освободиться отъ господства и капризовъ этихъ несчаст«ныхъ диктаторовъ, а тѣ, въ свою очередь, рады были отдѣлаться отъ «него, потому что его военная слава и его вліяніе на армію тревожили ихъ «не на шутку».

[3]) Larevellière—Lépeaux (одинъ изъ пяти директоровъ очередной. сессіи), Mémoires, II, 340: «Все, что въ этомъ предпріятіи было дѣй«ствительно великаго, какъ и вся его дерзостность и экстравагантность, «и по замыслу, и по выполненію принадлежитъ исключительно Бонапарту «Мысль эта никогда не зарождалась ни у Директоріи «и ни у одного изъ ея членовъ... Его заносчивость и его че«столюбіе дѣлали для него непріемлемымъ всякое положеніе не на виду у

Пусть эта экспедиція, при тогдашнемъ состояніи Франціи и Европы, прямо противорѣчитъ интересамъ общества, пусть Франція лишается такимъ образомъ своей лучшей арміи и шлетъ свой главный флотъ почти на вѣрную гибель—что за бѣда! Лишь бы Бонапартъ нашелъ для себя, въ этомъ огромномъ и совершенно безполезномъ предпріятіи, то дѣло, въ которомъ онъ нуждается, новое и широкое поле дѣятельности, громкія побѣды, которыя какъ трубный гласъ пронесли бы черезъ моря и долы его обновленную славу! Въ его глазахъ армія, флотъ, Франція, человѣчество существуютъ только для него, созданы только къ его услугамъ. И если для того, чтобы онъ могъ окончательно утвердиться въ этомъ убѣжденіи, нуженъ былъ еще одинъ урокъ практической мудрости вещей, то онъ былъ заготовленъ для него въ Египтѣ; безконтрольный, неограниченный властелинъ, въ соприкосновеніи съ низшей человѣческой расой, онъ чувствуетъ себя тамъ султаномъ и осваивается съ этимъ [1]). Въ его отношеніи къ человѣческому роду отпадаютъ послѣднія сомнѣнія и послѣдняя совѣстливость: «Я совершенно «охладѣлъ къ Руссо, говоритъ онъ позднѣе, съ тѣхъ поръ какъ «увидѣлъ Востокъ: дикарь это та же собака» [2]); а въ цивилизованномъ человѣкѣ сквозитъ все тотъ же дикарь: если мозгъ и отшлифовался, то инстинкты остались безъ измѣненія. Какъ одному, такъ и другому нуженъ хозяинъ, тотъ магъ и волшебникъ, который покорялъ бы его воображеніе, дисциплинировалъ бы его и не давалъ ему кусаться некстати, держалъ бы его на привязи, заботился бы о немъ и, время отъ времени, бралъ бы съ собой на охоту; повиновеніе—его удѣлъ; онъ не заслуживаетъ лучшаго, да и не имѣетъ другихъ правъ.

Ставъ консуломъ, а потомъ императоромъ, онъ широко примѣняетъ свою теорію, и ежедневный опытъ у него подъ рукой даетъ этой теоріи все новыя и постоянныя подтвержденія. По

«всѣхъ или какое-нибудь назначеніе, которое, при всемъ блескѣ своемъ «все-таки ставило бы его въ зависимость отъ Директоріи».

[1]) M-me de Rémusat, I, 142: «Жозефина сильно жаловалась на то, «что путешествіе въ Египетъ измѣнило его настроеніе и развило въ немъ «мелочной деспотизмъ, отъ котораго ей приходилось послѣ этого столько «страдать».—Notes (inédites) par le comte Chaptal (слова Бонапарта къ поэту Лемерсье, который имѣлъ возможность сопровождать его на Востокъ, гдѣ онъ ознакомился бы со многими сторонами человѣческой природы): «Вы увидѣли бы страну, гдѣ государь ни во что не ставитъ «жизнь своихъ подданныхъ и гдѣ каждый подданный ни во что не цѣнитъ «свою жизнь; вы бы излѣчились отъ вашей филантропіи».

[2]) Roederer, III, 461 (12 января 1803).

его первому мановенію французы покорно падаютъ ницъ передъ нимъ и безропотно пребываютъ въ этомъ положеніи, какъ вполнѣ естественномъ: меньшая братія, крестьяне и солдаты—съ собачьей преданностью, сильные міра сего, сановники и всякіе чины—съ какимъ-то византійскимъ раболѣпствомъ.

Со стороны республиканцевъ—ни малѣйшаго сопротивленія; напротивъ, среди нихъ онъ находитъ лучшія орудія своей системы и своего правленія, сенаторовъ, депутатовъ, членовъ Государственнаго Совѣта, судей и администраторовъ всѣхъ родовъ [1]). Очень скоро, за проповѣдью свободы и равенства, онъ прозрѣваетъ ихъ властные инстинкты, потребность командовать и стоять впереди, хотя бы въ качествѣ подчиненныхъ, а у большинства изъ нихъ, сверхъ того, еще и ненасытную жажду наживы и наслажденій. Разница между делегатомъ комитета общественной безопасности и министромъ, префектомъ или подпрефектомъ Имперіи—очень невелика; тотъ же человѣкъ, только въ разномъ одѣяніи: сначала въ республиканской карманьолкѣ, а потомъ въ шитомъ мундирѣ. А если случайно и попадается какой-нибудь неимущій, суровый пуританинъ, въ родѣ Камбона или Бодо, который не желаетъ напяливать на себя официальную форму, или если какіе-то два, три якобинскихъ генерала, въ родѣ Лекурба или Дельма, ворчатъ и протестуютъ противъ помпы коронаціонныхъ торжествъ, то Наполеону слишкомъ хо-

---

[1]) Сопоставьте la Révolution, II, 381. (Примѣчаніе I, о положеніи, которое заняли члены конвента, пережившіе революцію). Напримѣръ, Фуше—министръ, Жанъ-Бонъ Сентъ-Андрэ—префектъ, Друэ (изъ Варенны)—супрефектъ, Шепи (изъ Гренобля) — генеральный полицейскій комиссаръ въ Брестѣ; 131 цареубійца занимаютъ государственныя должности; среди нихъ встрѣчается 21 префектъ и 42 членовъ суда.—Иногда какой-нибудь случайно сохранившійся документъ даетъ живое представленіе о той или иной личности. (Bulletins hebdomadaires de la censure, années 1810 et 1814, опубликованные Тюро въ la Revue critique, 1871): «Захвачено 240 экземпляровъ порнографическаго литературнаго произведенія, напечатаннаго за счетъ г-на Паллуа, который «и былъ его авторомъ. Этотъ Паллуа пользовался нѣкоторой извѣстностью во время революціи; онъ былъ однимъ изъ знаменитыхъ патріотовъ «предмѣстья Сентъ-Антуана. Учредительное собраніе пожаловало ему земельный участокъ Бастиліи, а онъ разослалъ оставшіеся на немъ камни «по всѣмъ коммунамъ.—Это былъ типъ веселящагося господина, который «соблаговолилъ написать, и очень плохимъ стилемъ, довольно грязную «исторію своихъ похожденій съ одной изъ дѣвицъ Пале-Рояля. Онъ очень «добродушно отнесся къ аресту, вполнѣ удовлетворенный нѣсколькими «экземплярами своего веселаго произведенія, оставленными ему полиціей. Онъ полонъ самаго безмѣрнаго восхищенія и горячей привязанности къ особѣ Его Величества и изливаетъ свои чувства весьма пикантно, въ стилѣ 1789 года».

рошо извѣстенъ ихъ умственный уровень и онъ можетъ смотрѣть на нихъ просто какъ на ограниченныхъ невѣждъ и фанатиковъ идеи.

Что касается культурныхъ и образованныхъ либераловъ 1789 года, то ихъ мѣсто онъ опредѣляетъ однимъ словомъ: это «идеологи»; другими словами, ихъ такъ называемая просвѣщенность просто салонные предразсудки и кабинетныя измышленія; «Лафайетъ въ политикѣ—ничто; вѣчная игрушка людей и об«стоятельствъ [1])». Остается, правда, за Лафайетомъ и еще нѣкоторыми другими кое-какая досадная мелочь, я хочу сказать: доказанное безкорыстіе, постоянная забота о благѣ народа, уваженіе къ личности, чистая совѣсть, порядочность, чистосердечіе, словомъ, чистыя и прекрасныя побужденія. Но Наполеонъ не хочетъ признавать этихъ ограниченій своей теоріи; говоря съ людьми, онъ прямо въ лицо отказывается признать ихъ нравственное благородство: «Генералъ Дюма, — стремительно обра«щается онъ къ Матье Дюма,—вы были въ числѣ тѣхъ дура«ковъ, которые вѣрили въ свободу?—Да, Ваше Величество, былъ «и продолжаю быть въ ихъ числѣ.—Значитъ, вы, какъ и другіе, «поддерживали революцію изъ честолюбія?—Нѣтъ, Ваше Величе«ство; да къ тому же разсчетъ былъ бы очень невѣренъ, вѣдь «съ 1790 года я не сдѣлалъ впередъ ни шагу.—Вы просто не от«давали себѣ отчета въ своихъ побужденіяхъ; вы не могли «быть такъ непохожи на другихъ; личный интере«съ всегда впереди. Да вотъ вамъ примѣръ, Массена; «вѣдь, казалось бы, довольно на его долю выпало и почестей и «славы; а онъ все еще не удовлетворенъ, хочетъ быть принцемъ, «какъ Мюратъ и Бернадотъ; завтра-же пойдетъ на смерть, чтобы «стать принцемъ; таково основное побужденіе французовъ [2])».

---

[1]) Mémorial, 12 Juin, 1816.

[2]) Mathieu Dumas, III, 364 (4 іюля 1809, за нѣсколько дней до Вагрmaма)—M-me de Rémusat, I, 105: «Я никогда не видѣла, чтобы онъ поз«волилъ, никогда не видѣла, чтобы онъ оцѣнилъ прекрасный посту«покъ».—I, 179. Вотъ толкованіе, которое онъ даетъ милосердію Августа и его словамъ: Будемъ друзьями, Цинна: «Я понялъ этотъ «поступокъ, какъ хитрость деспота, и я одобрилъ, какъ расчетъ, то, что «счелъ бы вздорнымъ, какъ чувство». — Notes (inédites) par le comte Chaptal: «Онъ не вѣрилъ ни въ честность, ни въ добродѣтель, и очень «часто называлъ эти два понятія отвлеченными: вотъ что дѣлало его «и недовѣрчивымъ и безнравственнымъ...» «Онъ не зналъ чувства вели«кодушія: оттого-то въ его обществѣ и царила такая сухость, оттого у него никогда и не бывало друзей. Онъ смотрѣлъ на людей, какъ «на презрѣнную монету, или какъ на оружіе».

Вотъ гдѣ послѣдній этапъ его системы: нѣкоторые вполнѣ компетентные свидѣтели, которымъ приходилось ближе сталкиваться съ нимъ, считаютъ его точку зрѣнія вполнѣ опредѣлившейся: «Его взглядъ на людей,—пишетъ Меттернихъ [1]),—сосре«доточивался весь на одной мысли, которая, къ несчастью, отли«лась для него въ аксіому: онъ былъ убѣжденъ, что каждый че«ловѣкъ, призванный на арену общественной дѣятельности, или «просто брошенный въ потокъ дѣятельной жизни, руководится и «можетъ руководиться только личнымъ интересомъ». По его понятіямъ, держать человѣка можно, только дѣйствуя на его эгоистическія чувства: страхъ, алчность, самолюбіе, соревнованіе, чувственность, всѣ тѣ внутреннія пружины, которыя его двигаютъ, если въ немъ есть наличность здраваго смысла и разсудокъ [2]). При чемъ, лишить его этого разсудка—тоже ничего не стоитъ, потому что онъ, по природѣ своей, легковѣрный фантазеръ и мечтатель; раздразните его тщеславіе и гордость, навяжите ему самое преувеличенно нелѣпое представленіе о немъ самомъ и о его ближнемъ—и онъ пойдетъ съ закрытыми глазами, куда вамъ вздумается.

Само собою разумѣется, что ни одинъ изъ такого рода двигателей не заслуживаетъ особенно почтительнаго къ нему отношенія и что естественнымъ назначеніемъ подобныхъ существъ можетъ быть только абсолютное подчиненіе—назначеніе глиняной массы, которая ждетъ руки мастера, чтобы принять ту или иную форму. Если въ этой массѣ иной разъ и попадаются твердые куски, такъ нужно ихъ просто размолоть; можно всегда достигнуть своей цѣли, мять достаточно крѣпко.

Вотъ то конечное убѣжденіе, на которомъ Наполеонъ основываетъ свои расчеты; и онъ погружается въ него все глубже и глубже, наперекоръ самымъ рѣзкимъ и настойчивымъ противорѣчіямъ живой дѣйствительности. Ничто его не можетъ оторвать отъ этого убѣжденія; ни упорная энергія англичанъ, ни мягкая

---

[1]) M. de Metternich, Mémoires, I, 241.—M-me de Rémusat, I, 93: «Этотъ человѣкъ носилъ въ себѣ что-то убійственное для всякой добродѣтели».—M-me de Staël, Considérations sur la révolution francaise 4-me partie, ch. XVIII (Поведеніе Наполеона съ Мельци, имѣвшее цѣлью погубить его въ общемъ мнѣніи, въ Миланѣ 1805).

[2]) M-me de Rémusat, I, 106, II, 247, 336: «Всѣ свои средства для го«сподства надъ людьми онъ выбиралъ изъ числа тѣхъ, которыя унижа«ютъ человѣка... Онъ прощалъ добродѣтель только тогда, когда могъ ее «высмѣять».

непоколебимость папы, ни открытое возстаніе въ Испаніи или глухое возмущеніе въ Германіи, ни религіозное сопротивленіе католиковъ и систематическое отпаденіе Франціи. Убѣжденіе это внушено ему его внутреннимъ складомъ: онъ видитъ человѣка такимъ, какимъ онъ ему нуженъ [1]).

III.

Мы подошли, наконецъ, къ его главной всепоглощающей страсти, которая вмѣстѣ съ его врожденными инстинктами, съ его воспитаніемъ и міровоззрѣніемъ вырыла глубокую внутреннюю пропасть, поглотившую все великолѣпное сооруженіе его судьбы. Я говорю о его честолюбіи. Вотъ его главный душевный двигатель и неизмѣнная сущность его воли столь органически присущая ему, что онъ не отдѣляетъ ее отъ самого себя и порою, перестаетъ ее даже сознавать въ себѣ. «У меня, говоритъ онъ какъ-то Редереру [2]), нѣтъ честолюбія»; но потомъ, спохватившись, продолжаетъ: «а если и есть, то оно такъ свойственно «мнѣ и присуще, такъ тѣсно со мною связано, какъ нѣчто вро«жденное, какъ кровь, которая течетъ у меня въ жилахъ, или «какъ воздухъ, которымъ я дышу».

Углубляясь еще больше, онъ сопоставляетъ это доминирующее свойство свое съ тѣмъ бурнымъ, неопреодолимымъ и безотчетнымъ чувствомъ, которое приводитъ въ движеніе всѣ струны человѣческой души отъ ея высочайшихъ духовныхъ вершинъ и вплоть до ея низшихъ органическихъ основъ, съ тѣмъ всеобъемлющимъ содроганіемъ, которое потрясаетъ весь животный и духовный міръ, съ тѣмъ острымъ и мучительнымъ порывомъ, который называется любовью. «Я знаю только одну страсть [3]), «одну любовницу, это Франція; я сплю съ ней; она при мнѣ не«отлучно; она не щадитъ для меня ни своей крови, ни своихъ «сокровищъ; если мнѣ нужны 500.000 человѣкъ, она мнѣ ихъ

---

[1]) Почти всѣ ошибки въ его расчетахъ вызваны этимъ пробѣломъ, вмѣстѣ съ безмѣрностью его творческой фантазіи.—Сравните de Pradt, «стр. 94: «Императоръ—весь система, весь иллюзія, что и не можетъ быть «иначе, когда человѣкъ—весь воображеніе. Тотъ, кто слѣдилъ за ходомъ «его дѣятельности, видѣлъ, какъ онъ создавалъ поочередно воображаемую «Испанію, воображаемый католицизмъ, воображаемую Англію, воображаемые «финансы, воображаемую аристократію, мало того, воображаемую Францію «и, наконецъ, за послѣднее время, и воображаемый конгрессъ».

[2]) Roederer, III, 495 (8 марта 1804).

[3]) Roederer, III, 537 (11 февраля 1889).

«даетъ безпрекословно». И пусть никто не пытается встать между нимъ и ею: братъ Іосифъ не смѣетъ разсчитывать ни на какое мѣсто въ этой новой Имперіи, даже въ будущемъ, и даже на самое второстепенное; пусть не претендуетъ ни на какія братскія права [1]). «Это значитъ затронуть мое больное мѣсто. Онъ «это позволилъ себѣ; ничто не изгладитъ этого изъ моей па«мяти. Такъ отнесся бы страстный любовникъ, если бы кто ска«залъ ему, что обладалъ его любовницей, или же разсчитываетъ «добиться у нея успѣха. Моя любовница—это моя власть. Я пріобрѣлъ ее слишкомъ дорогою цѣною, чтобы уступить ее другому, «или даже допустить какія-бы то ни было притязанія на нее».

Это честолюбіе, ненасытное, ревнивое, негодующее при одной мысли о соперникѣ, не признаетъ также и никакихъ границъ для себя. Какъ бы ни была чудовищна достигнутая имъ власть, онъ всегда жаждетъ еще большаго; послѣ самаго обильнаго торжества онъ никогда не чувствуетъ себя удовлетвореннымъ. На другой день послѣ коронаціи, онъ говоритъ Декрэ [2]): «Я слишкомъ «поздно явился на свѣтъ; нельзя больше сдѣлать ничего вели«каго. Моя карьера блестяща, я не отрицаю; мнѣ удалось пробить «себѣ прекрасную дорогу; но какая разница по сравненію съ «античнымъ міромъ! Взгляните на Александра: когда онъ послѣ «завоеванія Азіи объявилъ себя сыномъ Юпитера, то кромѣ «Олимпіады, которая знала, чего ей держаться, кромѣ Аристотеля «да нѣсколькихъ аѳинскихъ педантовъ, весь Востокъ повѣрилъ «ему. Ну, а если бы я вздумалъ провозгласить себя сегодня сы«номъ Отца Всевышняго и заявилъ бы, что хочу воздать ему «хвалу и благодареніе за это званіе, такъ не нашлось бы ни «одной торговки, которая бы не высмѣяла меня въ глаза при «первомъ же моемъ появленіи. Народы слишкомъ просвѣщены «въ наше время; нечего больше дѣлать».

Однако же и эта высшая, обособленная область, которую двадцать вѣковъ цивилизаціи хранятъ неприкосновенно, не избѣгла его хищныхъ замысловъ; и здѣсь онъ старается захватить побольше, путемъ обхода, налагать свою тяжелую руку на церковь и затѣмъ на папу; и здѣсь, какъ и всюду, онъ беретъ все, что можетъ взять.

Въ его глазахъ ничего не можетъ быть проще: это его право, потому что онъ одинъ только на это способенъ. «Мои италь-

[1]) Тамъ же, III, 514 (4 ноября 1804).
[2]) Marmont, II, 242.

«янскія народности должны меня знать настолько, чтобы никогда «не забывать о томъ, что одинъ мой мизинецъ знаетъ больше, «чѣмъ всѣ ихъ головы взятыя вмѣстѣ»[1]). По сравненію съ нимъ, всѣ они просто дѣти, несовершеннолѣтніе, также и французы и все остальное человѣчество.

Одинъ дипломатъ, который зналъ его ближе другихъ и имѣлъ возможность прослѣдить его личность во всѣхъ ея проявленіяхъ, опредѣляетъ ее слѣдующими рѣшительными словами[2]): «Онъ счи- «таетъ себя какимъ-то единственнымъ въ мірѣ существомъ, со- «зданнымъ на то, чтобы править и руководить умами, по своему «усмотрѣнію».

Вотъ почему всякій, кто приближался къ нему, долженъ былъ отрѣшиться отъ собственной воли и стать орудіемъ его господства. «Этотъ страшный человѣкъ,—не разъ говорилъ Декрэ[3]),— «поработилъ насъ всѣхъ; онъ сковалъ наше воображеніе и дер- «житъ его въ своей рукѣ, то твердой какъ сталь, то нѣжной «какъ бархатъ. Но никто не знаетъ, какова она будетъ сегодня, «и нѣтъ никакой возможности ускользнуть отъ нея: она никогда «не выпускаетъ того, что ей удалось схватить». Всякая независимость, даже случайная, даже самая возможность ея, его задѣваетъ, а такъ какъ всякое умственное, или нравственное превосходство легко можетъ стать таковою, то мало-по-малу онъ и отстраняетъ отъ себя его[4]). Въ концѣ-концовъ онъ держитъ

---

[1]) Correspondance de Napoléon I-er (Письмо къ принцу Евгенію, 14 апрѣля 1806).

[2]) M. de Metternich, I, 284.

[3]) Mollien, III, 427.

[4]) Notes (inédites) par le comte Chaptal. Въ періодъ консульства его мнѣніе по большинству вопросовъ еще не окончательно опредѣлилось; онъ допускалъ возраженія, и тогда еще была возможность что-нибудь объяснить ему и даже доказать преимущество чужого мнѣнія, высказаннаго въ его присутствіи. Но съ того момента, какъ онъ себѣ составилъ представленія, правильныя или ложныя, по всѣмъ вопросамъ управленія, онъ больше не совѣтовался ни съ кѣмъ; онъ безпощадно издѣвался надъ всякимъ, кто осмѣливался высказывать въ его присутствіи мнѣніе, несогласное съ нимъ, старался высмѣять его и частенько говаривалъ, хлопая себя по лбу, что этотъ доброкачественный инструментъ ему гораздо нужнѣе и полезнѣе, чѣмъ совѣты всѣхъ тѣхъ людей, которые слывутъ за образованныхъ или опытныхъ... Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ старался окружать себя людьми наиболѣе сильными и свѣдущими въ своей спеціальности. А послѣ того къ выбору своихъ агентовъ онъ сталъ относиться совершенно безразлично... Считая себя достаточно сильнымъ, чтобы справиться со всѣмъ самому, онъ старательно устраняетъ всѣхъ тѣхъ, чья талантливость или характеръ его раздражаютъ. Ему были нужны лакеи, а не совѣтники... Министры превратились въ простыхъ начальниковъ отдѣленій; Государственный Совѣтъ существовалъ только для того, чтобы облекать въ опредѣленную форму указы,

около себя только покорныя и порабощенныя души; его ближайшіе слуги это—или машины или фанатики; благоговѣйные обожатели въ родѣ Марэ, или жандармы, готовые на все, типа Савари [1]). Съ самаго начала онъ низвелъ своихъ министровъ на степень простыхъ прикащиковъ; потому что онъ столько же правитъ, сколько и ведетъ самъ административную часть. Въ каждомъ родѣ службы онъ такъ же тщательно вникаетъ во всякую мелочь, какъ и слѣдитъ за общимъ ходомъ дѣла; во всѣхъ же представителяхъ власти онъ ищетъ только дѣльныхъ писцовъ, молчаливыхъ исполнителей, послушныхъ работниковъ спеціалистовъ, а совсѣмъ не совѣтниковъ, искреннихъ и свободныхъ: «Я не зналъ бы, что «съ ними дѣлать,—говоритъ онъ,—если бы они не отличались нѣ- «которой умственной или нравственной ограниченностью» [2]). Что касается его генераловъ, такъ онъ и самъ признается, что «лю- «битъ вѣнчать славой только тѣхъ, кто не умѣетъ ее достойно «носить». Такъ или иначе, но онъ хочетъ быть «единственнымъ «господиномъ всѣхъ репутацій, чтобы и создавать и уничто- «жать ихъ по собственному усмотрѣнію», какъ для него выгоднѣе. Какой-нибудь слишкомъ блестящій военный можетъ пріобрѣсти слишкомъ большое значеніе, а всякій подчиненный никоимъ образомъ не долженъ и покушаться выйти изъ своего подчиненнаго положенія. Въ виду этого бюллетени изобилуютъ намѣренными пропусками, искаженіями и подтасовками: «Иной

исходившіе отъ него; всю административную часть до послѣдней мелочи онъ вѣдалъ самъ. Все, что его окружало, пребывало въ состояніи робости и пассивности: воля оракула выслушивалась и исполнялась безъ размышленій... Выдѣливъ себя изъ всего міра, сосредоточивъ въ рукахъ своихъ всю власть и всю дѣятельность, вполнѣ убѣжденный, что знанія и опытъ другихъ людей не могутъ уже оказать ему никакой услуги, онъ рѣшилъ, что ему нужна только сила власти.

[1]) Mémoires inédits de M. X... II, 49. (Превосходная характеристика главныхъ дѣятелей, Камбасереса, Таллейрана, Марэ, Кретэ, Реаля и др.). Лакюэ, завѣдующій рекрутскимъ наборомъ, представляетъ собою самый совершенный типъ имперскаго чиновника. Получивъ орденъ Почетнаго Легіона, онъ говоритъ съ упоеніемъ и восторгомъ: «Чѣмъ ста- «нетъ Франція при такомъ человѣкѣ! До какихъ предѣловъ славы и сча- «стья онъ доведетъ ее! Впрочемъ, если бы только оказалась возможность «призывать ежегодно по 200,000 человѣкъ! Но, право, при такихъ размѣ- «рахъ Имперіи это совсѣмъ не трудно!» — Также и Мерленъ де Дуэ: «Я «никогда не зналъ человѣка», говоритъ онъ, «которому было бы «болѣе чуждо чувство правоты и неправоты; все ему казалось хорошимъ «и правильнымъ, если слѣдовало буквѣ закона. У него была даже какая- «то сатанинская усмѣшка, которая каждый разъ появлялась на его губахъ, «когда представлялся случай, примѣняя свою ужасную систему, подписать- «ся подъ необходимостью какой-нибудь рѣзкой мѣры или осужденія». Точно также и Дефермонъ—въ области фиска.

[2]) M-me de-Rémusat, II, 366; III, 46; II, 205, 210; III, 168.

«разъ нѣкоторыя побѣды замалчиваются, а какая нибудь ошибка «того или иного маршала превращается въ блестящій успѣхъ. «Иногда какой-нибудь генералъ узнаетъ изъ бюллетеня о подвигѣ, «котораго никогда не совершалъ, или о рѣчи, которой никогда не «произносилъ». Если онъ вздумаетъ протестовать, ему или приказываютъ молчать, или же, въ видѣ возмѣщенія за убытки, смотрятъ сквозь пальцы, когда онъ грабитъ, взимаетъ контрибуціи и всячески наживается. Получивъ наслѣдственное герцогское или княжеское достоинство съ полумилліономъ, а то и съ цѣлымъ милліономъ поземельной ренты, онъ этимъ нимало не освобождается отъ своей зависимости, потому что создающій принялъ всѣ мѣры предосторожности противъ своихъ созданій: «Вотъ люди, говоритъ онъ, которымъ я далъ незави«симость; но я ихъ всегда сумѣю найти и помѣшать имъ быть «неблагодарными[1])». И дѣйствительно, если онъ ихъ и награждаетъ по царски, то исключительно разрозненными владѣніями въ завоеванныхъ странахъ, связывая такимъ образомъ ихъ благополучіе со своимъ; мало того, чтобы лишить ихъ всякаго матеріальнаго обезпеченія, онъ старается вводить въ крупные расходы какъ ихъ, такъ и вообще своихъ высшихъ сановниковъ, и, создавая такимъ образомъ для нихъ постоянныя денежныя затрудненія, держитъ ихъ все время въ рукахъ.

Постоянно приходилось видѣть, какъ большинство его маршаловъ, тѣснимыхъ кредиторами, прибѣгали къ его помощи, которую онъ оказывалъ смотря по настроенію, или сообразно съ тѣмъ, кого ему въ данный моментъ выгоднѣе поддержать и привязать къ себѣ [2]). Такимъ образомъ, кромѣ мирового могущества, которое давали ему его власть и геній, онъ стремится еще и къ элементу личнаго и неотразимаго господства надъ каждымъ въ отдѣльности. Вотъ почему онъ заботливо поощряетъ въ людяхъ ихъ низменныя страсти... Онъ любитъ «подмѣчать ихъ слабыя стороны, чтобы пользоваться ими»: алчность Савари, придворную пошловатость Марэ, чувственность и тщеславіе Камбасереса, безпечный цинизмъ и «дряблую безнравственность» Таллейрана, «душевную черствость» Дюрока, «глупость» Бертье, якобинское клеймо Фушэ; онъ старается обратить на нихъ всеобщее вниманіе, радуется имъ и пользуется

---

[1]) Тамъ же, II, 278, 155.

[2]) Тамъ же, III, 275; II, 45. (О Савари, своемъ ближайшемъ исполнителѣ): «Это человѣкъ, котораго необходимо постоянно развращать».

ими [1]): «Тамъ, гдѣ ему не удается найти пороковъ, онъ поощряетъ «слабости, а за неимѣніемъ лучшаго вызываетъ хоть страхъ, «чтобы чувствовать себя всегда и неизмѣнно сильнѣйшимъ... Онъ «боится всякихъ дружескихъ связей и старается изолировать «всѣхъ и каждаго... Если отъ него и перепадаютъ кое-какія ми«лости, то всегда цѣной большой тревоги; онъ считаетъ, что «лучшій способъ привязать къ себѣ людей—это скомпрометиро«вать, а то даже погубить ихъ въ общемъ мнѣніи... — Если «Коленкуръ и скомпрометированъ,—говоритъ онъ послѣ убійства «герцога Энгіенскаго, — бѣда не велика; тѣмъ усерднѣе онъ «мнѣ будетъ служить».

Разъ какое-нибудь злополучное существо попалось, пусть оно не мечтаетъ о бѣгствѣ и не надѣется утаить отъ него хоть что-нибудь: оно должно принадлежать ему всецѣло. Усерднаго и успѣшнаго исполненія своихъ обязанностей, слѣпого слѣдованія по опредѣленному, заранѣе начертанному кругу, для него слишкомъ мало; кромѣ чиновника, ему нуженъ еще и человѣкъ: «Все это можетъ быть и такъ, говоритъ онъ на похвалы «по чьему-нибудь адресу [2]), но я его не чувствую своимъ «всецѣло, какъ я бы того хотѣлъ». Онъ требуетъ преданности; а преданнымъ онъ считаетъ человѣка, который безвозвратно отдается ему, въ его полное и непосредственное владѣніе, «всѣмъ «своимъ существомъ, со всѣми своими чувствами и взглядами». «Чтобы угодить ему,—пишетъ одинъ изъ современниковъ [3])—«при«шлось бы бросить все, свои малѣйшія привычки, и оставить себѣ «одну мысль, одну заботу — о его желаніяхъ и интересахъ».

Для большей вѣрности его подчиненные должны убить въ себѣ всякое критическое чувство: «Больше всего на свѣтѣ онъ «боится, чтобы кто-нибудь, вдали или вблизи отъ него, какъ-

---

[1]) M-me de-Rémusat, I, 109; II, 247; III, 366.

[2]) M-me de-Rémusat, II, 142, 167, 245. (Слова Наполеона): «Если бы «я приказалъ Савари раздѣлаться съ женой и дѣтьми, я увѣренъ, что онъ «не сталъ бы колебаться».—Marmont, II, 194: «Мы были въ Вѣнѣ въ 1809; «Даву говорилъ о преданности императору, своей и Марэ, и сказалъ, между «прочимъ: Если бы императоръ сказалъ намъ обоимъ: «Въ интересахъ «моей политики необходимо уничтожить Парижъ и такъ, чтобы никто не «могъ оттуда ни выйти, ни бѣжать», то самъ Марэ сохранилъ бы это въ «тайнѣ—я въ этомъ не сомнѣваюсь; но онъ бы не удержался и нарушилъ «бы ее, давъ свободный выходъ своей семьѣ. Ну а я, изъ страха обнару«жить эту тайну, оставилъ бы тамъ и жену и дѣтей своихъ». (Все это, конечно, больше хвастовство и низкопоклонничество, все это преувеличено, но весьма знаменательно).

[3]) M-me de-Rémusat, II, 379.

«нибудь не занесъ или не сохранилъ въ себѣ способности къ «самостоятельному сужденію».

«Его мысль это мраморная колея [1])», съ которой ни одинъ умъ не долженъ сворачивать. Особенно если бы два ума вздумали выбраться изъ нея вмѣстѣ и отправиться одной дорогой; ихъ соглашеніе, даже самое безобидное, ихъ единомысліе, самое частное, ихъ перешептываніе, еле слышное,—для него уже и лига и стачка, а если люди состоятъ на службѣ, то и «заговоръ». Со взрывомъ страшнѣйшаго гнѣва и съ угрозами онъ объявляетъ, послѣ своего возвращенія изъ Испаніи, что «тѣ, «кого онъ сдѣлалъ министрами и высшими сановниками, лиша«ются всякой свободы мысли и ея выраженія, что они могутъ «быть только орудіемъ его образа мыслей; что въ нихъ тогда уже «закралась измѣна, когда они впервые позволили себѣ усомниться; «что измѣна эта становится полной, когда отъ сомнѣнія они пе«реходятъ къ разногласію» [2]).

Если отъ этихъ постоянныхъ поползновеній и захватовъ они хотятъ защитить свое послѣднее убѣжище, если они отказываются жертвовать ему чистотою своей совѣсти, религіозными убѣжденіями и честью порядочныхъ людей, онъ недоумѣваетъ и раздражается. Епископу Гентскому на его отказъ принести вторую присягу, не согласную съ его совѣстью, отказъ, выраженный въ формѣ самой почтительной преданности, онъ грубо поворачиваетъ спину: «Въ такомъ случаѣ, сударь, ваша совѣсть дура!» [3]).

Портальсъ, начальникъ по дѣламъ печати, получивъ отъ своего кузена, аббата д'Астроса, сообщеніе о папской грамотѣ, не далъ хода этому дѣлу, какъ сообщенію совершенно частнаго характера [4]); онъ просто посовѣтовалъ брату хранить этотъ документъ въ строжайшей тайнѣ и заявилъ ему, что въ случаѣ огласки, онъ своею властью пріостановитъ его распространеніе; для большаго же спокойствія онъ отправился къ префекту полиціи и предупредилъ его лично. Но онъ не выдалъ своего родственника, не назвалъ его, не приказалъ арестовать его и кон-

---

[1]) Souvenirs du feu duc de Brogle, I, 230. (Слова Марэ въ Дрезденѣ, въ 1813; по всѣмъ вѣроятіямъ онъ повторяетъ изреченіе Наполеона).

[2]) Mollien, II, 9.

[3]) D'Haussonville, L'Eglise romaine et le premier Empire, IV, 190 et passim.

[4]) Тамъ же, III, 466—473.—Сопоставьте относительно той же сцены Mémoires inédits de M. X... (Онъ въ ней участвовалъ, какъ зритель и какъ дѣйствующее лицо).

фисковать документъ. За это Императоръ предъ лицомъ всего Государственнаго Совѣта набрасывается на него: «пронзая его «насквозь своими молніеносными взглядами» [1]), онъ кричитъ, что тотъ совершилъ «самое гнусное вѣроломство», осыпаетъ его въ теченіе цѣлаго получаса градомъ упрековъ и оскорбленій и потомъ прогоняетъ съ глазъ долой, какъ ни одинъ порядочный хозяинъ не выгонитъ даже проворовавшагося лакея.

На службѣ, какъ и внѣ ея, всякое должностное лицо должно быть на все готовымъ, должно предупреждать всѣ желанія и брать на себя всѣ порученія. Если же его останавливаютъ сомнѣнія, если онъ ссылается на частныя обязанности, если онъ не хочетъ грѣшить противъ деликатности или даже самой простой порядочности, то онъ рискуетъ вызвать неудовольствіе господина и потерять его милость: такъ было съ Ремюза [2]), который не проявилъ ни малѣйшей готовности взять на себя роль шпіона, доносчика и предателя Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, а въ бытность свою въ Вѣнѣ не взялся вызвать на откровенность г-жу Андрэ, чтобы добиться отъ нея мѣстонахожденія ея мужа и выдать его, зная, что тотъ подвергнется немедленному разстрѣлу. Савари, посредникъ этого предательства, неутомимо настаиваетъ и старается убѣдить Ремюза: «Вы отказываетесь «отъ собственнаго счастія; признаюсь, я васъ не понимаю». Однако же и самъ Савари, министръ полиціи, этотъ оберъ-палачъ, главный организаторъ убійства герцога Энгіенскаго и Байонской западни, изготовитель фальшивыхъ банковыхъ билетовъ, австрійскихъ для кампаніи 1809 года и русскихъ—для кампаніи 1812 года [3]), въ концѣ-концовъ даже и онъ не выдерживаетъ: слишкомъ уже грязныя поручаются ему дѣла; и въ его совѣсти, при всей ея растяжимости, зашевелились укоры и сомнѣнія; нашлось и въ ней чувствительное мѣсто. Съ глубокимъ отвращеніемъ онъ приводитъ въ исполненіе приказъ — секретно соорудить, въ февралѣ 1814 года, небольшую адскую машину съ часовымъ механизмомъ, чтобы взорвать Бурбоновъ,

---

[1]) Слова Камбасереса (M. de Lavalette, II, 154).

[2]) M-me de-Rémusat, III, 184.

[3]) Mémoires inédits de M. X... III, 320. (Подробности фабрикаціи фальшивыхъ билетовъ, по приказанію Савари, въ уединенномъ домикѣ долины Монружа). — Metternich, II, 358. (Слова Наполеона къ Меттерниху): «У меня было готово 300 милліоновъ билетовъ Вѣнскаго «Банка, и я наводнилъ бы ими вашу страну... Я вамъ отдамъ фальши-«вые билеты». Тамъ же, переписка Меттерниха съ Шампаньи по этому поводу (іюнь 1810).

по ихъ возвращеніи во Францію [1]). «Однако,—говоритъ онъ, «потирая лобъ,—приходится сознаться, что служить Императору «бываетъ подчасъ довольно трудно!»

Если онъ предъявляетъ такія требованія къ человѣческому существу, то это условіе той игры, которую онъ ведетъ и для которой ему бываетъ необходимо все: въ томъ положеніи, какое онъ себѣ создалъ, ему уже не до стѣсненій: «Развѣ государ- «ственный человѣкъ,—говоритъ онъ,—созданъ для того, чтобы «быть чувствительнымъ? Развѣ онъ не представляетъ собою «фигуру, стоящую совершенно особнякомъ, всегда одинокую «съ одной своей стороны и съ цѣлымъ міромъ по «другую? [2])» Въ этой борьбѣ не на животъ, а на смерть люди интересуютъ его постольку, поскольку онъ можетъ ихъ использовать; всю цѣнность ихъ онъ измѣряетъ той выгодой, какую можетъ извлечь изъ нихъ: его главная и единственная забота—выжать и вытянуть изъ людей до послѣдней капли всю пользу, какую они могутъ дать: «Я не позволяю себѣ забавляться без- «полезными чувствами, говоритъ онъ, а Бертье—это такая по- «средственность, что я не понимаю, чего ради мнѣ пришла бы «фантазія любить его. Впрочемъ въ тѣ минуты, когда меня отъ «него ничто не отвращаетъ, мнѣ кажется, что я нахожу въ себѣ «нѣкотоую долю расположенія къ нему [3])». И ничего больше: по его представленію для главы государства такое безразличіе необходимо; «онъ смотритъ на все сквозь призму своей политики; «ему приходится только слѣдить за тѣмъ, чтобы призма эта не «давала ему ни преувеличенныхъ, ни уменьшенныхъ изобра- «женій [4])».

Такимъ образомъ, помимо припадковъ нервной чувствительности, «къ людямъ у него выработалось отношеніе хозяина ма- «стерской къ своимъ рабочимъ [5])», или, пожалуй, вѣрнѣе—къ

---

[1]) Mémoires inédits de M. X..., IV, II.
[2]) M-me de-Rémusat, II, 375.
[3]) M-me de-Rémusat, I, 231.
[4]) Тамъ же, I, 335.
[5]) M. de Metternich, I, 284. — «Однимъ изъ тѣхъ, кто пользовался «его особымъ расположеніемъ, былъ Дюрокъ. «Онъ любитъ меня, какъ «собака любитъ своего хозяина»—вотъ какъ онъ выразился, говоря о немъ «со мною. — Онъ сравнивалъ отношеніе къ нему Бертье съ чувствомъ «няньки къ ребенку. — Эти сравненія не только не противорѣчатъ его «теоріи о внутреннихъ побужденіяхъ, руководящихъ людскими дѣяніями, «но даже естественно вытекаютъ изъ нея; тамъ, гдѣ онъ наталкивался на «такія чувства, къ которымъ не удавалось примѣнить чисто матеріальный «расчетъ, онъ искалъ объясненія въ инстинктивныхъ тяготѣніяхъ».

своимъ орудіямъ: если орудіе оказывается негоднымъ къ употребленію, не все ли равно, будетъ ли оно ржавѣть гдѣ-нибудь въ углу на полкѣ, или валяться въ кучѣ стараго, ломанаго желѣза. Какъ-то разъ къ нему входитъ Портализъ, министръ вѣроисповѣданій, весь въ слезахъ съ разстроеннымъ лицомъ. «Что «съ вами, Портализъ?—говоритъ Наполеонъ:—вы больны?—Нѣтъ, «Ваше Величество, у меня большое горе: архіепископъ Турскій, «бѣдный Буажеленъ, мой товарищъ, другъ моего дѣтства...—Ну?.. «Что-же съ нимъ случилось?—Увы, Ваше Величество, онъ умеръ.— «Это не важно, онъ мнѣ больше ни на что не былъ нуженъ [1])».

Какъ собственникъ, который пользуется людьми и вещами, тѣлами и душами, распоряжается и злоупотребляетъ ими по своему усмотрѣнію, до ихъ полнаго истощенія, и ни передъ кѣмъ не несетъ за это отвѣтственности, онъ доходитъ до того, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ начинаетъ говорить съ такою же легкостью и непринужденностью, какъ самъ Людовикъ XIV, и даже еще съ большимъ деспотизмомъ: «моя армія, мой флотъ, «мои кардиналы, мои соборы [2]), мой сенатъ, мой народъ, моя «имперія».

Одному армейскому корпусу, который медлитъ и не рѣшается идти въ бой, онъ говоритъ: «Солдаты, мнѣ нужна «ваша жизнь, и вы обязаны отдать мнѣ ее».—Генералу Дорсенну и гвардейскимъ гренадерамъ [3]): «Говорятъ, вы ропщете, хотите «вернуться въ Парижъ къ своимъ любовницамъ; успокойтесь, «я продержу васъ въ строю, пока вамъ не стукнетъ восемь- «десятъ лѣтъ: вы рождены на бивакѣ, на немъ и умрете».

Какъ онъ обращается со своими родственниками и братьями, которые стали королями, какъ круто онъ имъ затягиваетъ поводья и какими ударами хлыста и шпоръ заставляетъ ихъ нестись по оврагамъ и рытвинамъ, о томъ можно судить изъ его же собственной переписки: всякое покушеніе на какую-нибудь иниціативу, даже самую обоснованную, вызванную непредвидѣнными обстоятельствами или необходимостью, даже явно благонамѣренную, онъ подавляетъ въ корнѣ, какъ преступленіе,

---

[1]) Beugnot, Mémoires, II, 59.

[2]) Mémorial: «Если бы я вернулся изъ Москвы побѣдителемъ, я «заставилъ бы папу позабыть о свѣтской власти; я сдѣлалъ бы изъ него «просто идола, а самъ руководилъ бы религіозной жизнью, какъ и поли- «тической... Мои соборы были бы представителями христіанства, а «папа былъ бы на нихъ только предсѣдательствующимъ».

[3]) De Ségur, III, 312. (Въ Испаніи, 1809).

и съ такою безпощадностью, что у погрѣшившаго сгибаются колѣни и подкашиваются ноги. Симпатичному принцу Евгенію, всегда такому преданному и послушному, онъ говоритъ [1]): «Если вы об-«ратились къ Его Величеству за приказаніемъ или за совѣтомъ «относительно передѣлки потолка въ вашей комнатѣ, такъ по-«трудитесь ихъ дождаться; и если бы весь Миланъ былъ въ огнѣ, «а вы обратились бы къ нему за распоряженіями, какъ тушить «пожаръ, вы обязаны дать Милану выгорѣть до тла, но ждать «его приказаній... Его Величество недоволенъ, очень недоволенъ «вами, его прерогативы должны быть для васъ всегда неприкосно-«венны; онъ этого никогда не потерпитъ; онъ этого не проститъ «никогда».

Каковъ былъ его тонъ съ простыми смертными, можете судить отсюда. По поводу недопущенія французскихъ войскъ въ голландскія владѣнія [2]): «Объявите королю Нидерландскому, что если «его министры дѣйствовали въ этомъ случаѣ самовольно, я ихъ «арестую и всѣмъ имъ снесу головы». Де Сегюру, члену академической комиссіи, очень одобрительно отнесшейся къ рѣчи Шатобріана [3]): «Вы, сударь, вмѣстѣ съ Фонтаномъ, какъ члены «Совѣта и академики, вы стоите оба того, чтобы я засадилъ васъ «въ Венсенскій замокъ... Передайте второму отдѣленію академіи, «что я не желаю, чтобы на его засѣданіяхъ занимались полити-«кой. Если же они вздумаютъ ослушаться, я ихъ разгоню, какъ «неблагонадежный клубъ».

Даже въ тѣ минуты, когда онъ не гнѣвенъ и не распекаетъ, его спрятанные коготки все-таки даютъ себя чувствовать [4]). Къ Беньо, которому онъ только-что публично наговорилъ самыхъ

---

[1]) Mémoires du prince Eugène. (Письмо, писанное Дюрокомъ подъ диктовку Наполеона и адресованное къ принцу Евгенію, 31 іюля 1805).

[2]) Письмо Наполеона къ Фуше, 3 марта 1810 (Пропущенное въ Correspondance de Napoléon I и опубликованное Тьеромъ въ его Histoire du Consulat et de l'Empire, XII, стр. 115.

[3]) De Ségur, III, 459.

[4]) Слова Наполеона къ Мармону, который послѣ трехъ-мѣсячнаго пребыванія въ госпиталѣ возвращается къ нему въ Испанію съ раздробленной рукой и съ остатками кисти руки въ черномъ рукавѣ: «Вы очень «дорожите этой тряпкой?»—Сентъ-Бёвъ со свойственной ему прямотой и правдивостью приводитъ безъ прикрасъ подлинныя слова, которыя Мармонъ не осмѣлился воспроизвести. (Causeries du lundi, VI, 16.)—Mémoires inédits de M. X... Когда Шампаньи былъ удаленъ и замѣненъ другимъ, одинъ изъ его друзей отважно выступилъ въ его защиту и сталъ превозносить его. «Вы правы», сказалъ ему императоръ; «онъ «былъ такимъ, когда я взялъ его; но отъ моихъ постоянныхъ проборокъ «онъ совсѣмъ одурѣ

невозможныхъ грубостей, несправедливо и съ полнымъ сознаніемъ своей неправоты, для того только чтобы произвести впечатлѣніе на присутствующихъ, онъ обращается съ такими словами [1]): «Ну что, глупецъ, пришли вы въ себя?» Въ отвѣтъ на это Беньо, который былъ ростомъ съ тамбуръ-мажора, нагибается, а маленькій человѣчекъ поднимаетъ руку и беретъ большого за ухо—«знакъ одуряющей милости», какъ говоритъ Беньо; благосклонный жестъ господина, который находитъ возможнымъ снизойти. Мало того, господинъ удостоиваетъ еще пожурить его за его личные вкусы и стремленія, за его грусть и желаніе вернуться во Францію: «Чего я хочу?» говоритъ Беньо. «Быть его министромъ въ Парижѣ? Судя по тому, что было на «дняхъ, я не удержусь долго, врядъ ли дотяну до конца мѣсяца. «Онъ уже уходилъ Порталиса, Крепа и даже Трэйара, жизнь «котораго была очень невесела: ни тотъ, ни другой уже не могли «мочиться. Со мной повторится та же исторія, если не хуже»... «Оставайтесь здѣсь... Потомъ вы состаритесь, или, вѣрнѣе, всѣ «мы состаримся, и я васъ пошлю въ сенатъ; болтайте тамъ, сколько «душѣ угодно».

Очевидно, «чѣмъ къ нему ближе, тѣмъ тяжелѣе становилась «жизнь» [2]).—«Окруженный безупречной услужливостью и мгновен«нымъ послушаніемъ, онъ все-таки считаетъ необходимымъ распро«странять вокругъ себя легкое вѣяніе страха, даже въ интимной «сферѣ своего домашняго и дворцоваго обихода». Онъ или совсѣмъ не благодаритъ и не хвалитъ за выполненіе самыхъ тяжелыхъ порученій, или же очень небрежно: Шампаньи, министръ иностранныхъ дѣлъ, единственный разъ удостоился его похвалы, когда въ одну ночь заключилъ въ Вѣнѣ миръ на неожиданно выгодныхъ условіяхъ [3]); на этотъ разъ императоръ какъ-то нечаянно проговорился вслухъ: «Обыкновенно же онъ выражаетъ свое одобре«ніе только молча».

Если Ремюза, дворцовому префекту, удавалось съ небольшими затратами одно изъ тѣхъ блестящихъ, внушительныхъ и великолѣпныхъ празднествъ, на которыхъ призывалось содѣйствіе всѣхъ искусствъ, чтобы развлечь и удовлетворить его, то супруга Ремюза никогда не спрашивала его, доволенъ ли императоръ, а только, какъ онъ бранился—больше или меньше обыкновен-

---

[1]) Beugnot, I, 456, 464.
[2]) M-me de-Rémusat, II, 272.
[3]) M. de Champagny, Souvenirs, 117.

наго [1]). «Его главный основной принципъ, который онъ широко «примѣняетъ, какъ въ важныхъ случаяхъ, такъ и въ самыхъ «пустяшныхъ, покоится на убѣжденіи, что истинное рвеніе воз- «можно только, когда человѣкъ въ напряженномъ тревожномъ «состояніи».

Какъ невыносимъ тотъ гнетъ, который онъ даетъ чувствовать, какой давящей тяжестью ложится его произволъ и на самую испытанную преданность и самые податливые характеры, до какой крайности онъ доходитъ въ попраніи и подавленіи всякаго проявленія воли, какъ онъ умѣетъ стѣснить и придушить свободное дыханіе въ груди человѣка,—все это онъ отлично знаетъ самъ, лучше чѣмъ кто-нибудь. Вотъ что приходилось слышать отъ него: «Счастливъ тотъ, кто прячется отъ меня гдѣ-нибудь «въ провинціальной глуши». Въ другой разъ, онъ спросилъ де Сегюра [2]), что, по его мнѣнію, скажутъ послѣ его смерти; и на увѣренья того, что послѣдуетъ всеобщая неутѣшная скорбь, императоръ отвѣтилъ: «Ничего подобнаго» и, съ многозначительнымъ поднятіемъ плечъ и вздохомъ, очень удачно выражающимъ глубокій вздохъ всеобщаго облегченія, онъ добавилъ: «Скажутъ: уфъ!»

IV.

Трудно себѣ представить монарха, даже абсолютнаго, который постоянно, съ утра до вечера, сталъ бы сохранять свои деспотическіе пріемы; обыкновенно, особенно во Франціи, государь дѣлитъ свой день на двѣ половины, одну для дѣлъ, другую для свѣта, и въ этой второй половинѣ, оставаясь главой государства, онъ, въ то же время, бываетъ и хозяиномъ дома; ему приходится принимать гостей, а чтобы гости не скучали и не изображали собою автоматовъ, онъ старается дать имъ возможность чувствовать себя легко и непринужденно.

Такъ держалъ себя Людовикъ XIV [3]): быть со всѣми вѣжливымъ, всегда привѣтливымъ, а порой и любезнымъ съ мужчи-

---

[1]) M-me de-Rémusat, I, 125.

[2]) De Ségur, III, 456.

[3]) H. Taine, L'Ancien Régime, стр. 161.—Oeuvres de Louis XIV, 191: «Главная отличительная черта этой монархіи — это «легкій и свободный доступъ подданныхъ къ своему государю, справедли- «вое равенство между ними, которое даетъ имъ возможность чув- «ствовать себя, такъ сказать, въ привѣтливомъ и учтивомъ об- «ществѣ, не взирая на разницу, почти неизмѣримую, въ ихъ рожденіи, «рангѣ и власти. Эта общность удовольствій, которая

нами, всегда предупредительнымъ, а иной разъ и рыцарски внимательнымъ съ дамами, не допускать себя до какихъ-нибудь рѣзкостей, вспышекъ или сарказмовъ, не позволять себѣ ни одного обиднаго слова, не давать чувствовать людямъ ихъ зависимость и подчиненное положеніе, поощрять свободный обмѣнъ мыслей и веселую бесѣду, допускать при разговорѣ даже нѣкоторую видимость равенства, улыбаться на удачную реплику, иногда давать, можетъ быть, и себѣ самому нѣкоторую свободу пошутить, разсказать что-нибудь къ слову — такова была его салонная хартія: вполнѣ либеральная, она необходима, какъ въ гостинной, такъ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ; иначе жизнь въ немъ погаснетъ. Въ обществѣ стараго уклада соблюденіе этой хартіи называлось «умѣньемъ жить,» и самъ король, прежде всякаго другого, подчинялся этому установленному кодексу свѣтскихъ приличій. Традиціи и воспитаніе заставляли его считаться съ людьми, хотя бы своего круга; поэтому его придворные чувствовали себя у него въ домѣ какъ гости, не переставая быть, въ то же время, его подданными.

Ничего подобнаго у Наполеона. Отъ этикета, взятаго имъ у стараго двора, онъ сохранилъ только дисциплину и торжественную пышность церемоніала. «Церемоніалъ,—говоритъ одинъ изъ «его современниковъ [1]),—выполнялся точно подъ барабанный «бой; все производилось какъ бы форсированнымъ маршемъ.»— «Эта постоянная гонка, постоянный страхъ, который онъ внушаетъ», парализуетъ вокругъ него всякое чувство пріятности и уюта, всякую возможность свободной бесѣды и непринужденнаго общенія; ничего внутренно связующаго, только приказаніе и повиновеніе. «Небольшой кружокъ людей, которыхъ онъ отличаетъ, «Савари, Дюрокъ, Марэ, молчатъ и передаютъ его приказанія... «Неизмѣнно исполняя только то, что намъ было приказано, мы «казались и этимъ людямъ и самимъ себѣ настоящими маши«нами, очень похожими другъ на друга, мало чѣмъ отличаясь «отъ тѣхъ изящныхъ золоченыхъ креселъ, которыми только что «украсили дворцы Тюльери и Сэнъ-Клу».

Чтобы машина могла дѣйствовать исправно, необходимо, чтобы машинистъ былъ заботливъ и заводилъ ее своевременно;

«устанавливаетъ учтивую интимность въ отноше«ніяхъ къ намъ нашихъ придворныхъ, трогаетъ ихъ и «восхищаетъ гораздо больше, чѣмъ можно себѣ представить».

[1]) M-me de-Rémusat, II, 32, 39.

и Наполеонъ, въ этомъ смыслѣ, не заслуживалъ упрека. Его рвеніе проявлялось особенно энергично послѣ какого-нибудь перерыва. Пока онъ возвращается изъ Тильзита, «каждый со стра«хомъ провѣряетъ свою совѣсть [1]), отыскивая тѣ погрѣшности «своего поведенія, которыя могутъ вызвать неудовольствіе стро«гаго господина. Супруга, семья, высшіе сановники, всѣ пережи«ваютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, эти страхи, а импера«трица, которая знаетъ его лучше другихъ, съ трогательной на«ивностью заявляетъ: Императоръ такъ счастливъ, что навѣрное «будетъ очень браниться». И дѣйствительно, едва переступивъ порогъ, онъ всѣмъ даетъ почувствовать свой поворотъ ключа, рѣшительный и энергичный, а затѣмъ «довольный произведеннымъ «впечатлѣніемъ страха, онъ успокаивается, какъ будто забываетъ «все происшедшее и возвращается къ своему обычному образу «жизни».

«Столько же изъ разсчета, какъ и по склонности, онъ «никогда не разстается со своею царственностью [2])».—Отсюда «холодное и молчаливое настроеніе всего двора, скорѣе грустное, «чѣмъ величественное; на всѣхъ лицахъ выраженіе безпокойства... «Унылое и напряженное молчаніе». Въ Фонтэнбло «среди всего «великолѣпія и всякаго рода развлеченій» никто не чувствуетъ настоящаго веселья и радости, даже онъ самъ.—«Мнѣ васъ жаль, «говоритъ Таллейранъ, обращаясь къ Ремюза,—вамъ приходится «увеселять человѣка, недоступнаго веселью». Въ театрѣ онъ или мечтаетъ, или зѣваетъ: апплодисменты запрещены; «передъ «нескончаемой вереницей вѣчныхъ трагедій дворъ смертельно «скучаетъ... молодыя женщины засыпаютъ; изъ театра всѣ ухо«дятъ скучными и недовольными».

Та же натянутость и въ салонахъ. «Онъ не умѣлъ, да, я «думаю, и не хотѣлъ, создавать вокругъ себя непринужденной «атмосферы, опасаясь даже малѣйшаго подобія фамильяр«ности, въ каждомъ вызывая страхъ подвергнуться публично «какому-нибудь непріятному замѣчанію. Во время контреданса «онъ прохаживается среди дамъ, обращаясь къ нимъ съ какимъ«нибудь незначащимъ, часто непріятнымъ словомъ», и всегда подходитъ къ нимъ какъ-то «неловко и неумѣло». Въ душѣ онъ относится къ нимъ недовѣрчиво и недоброжелательно [3]), потому

---

[1]) M-me de-Rémusat, III, 169.
[2]) Тамъ же, II, 32, 223, 240, 259; III, 169.
[3]) Тамъ же, I, 112; II, 77.

что «то значеніе, которымъ онѣ пользуются въ обществѣ, ка-«жется ему совершенно недопустимой узурпаціей».

«Никогда его уста не произнесли передъ женщиной ни одного «любезнаго, или даже просто привѣтливаго слова, хотя стараніе «иной разъ давало себя чувствовать въ лицѣ и въ интонаціи го-«лоса... Онъ съ ними говоритъ только объ ихъ туалетахъ, въ «которыхъ считаетъ себя строгимъ и компетентнымъ судьей, и «по поводу которыхъ позволяетъ себѣ весьма недвусмысленныя «шутки; или же о томъ, сколько у кого дѣтей; спрашиваетъ въ «грубыхъ выраженіяхъ, сами ли онѣ ихъ кормили, пробираетъ «ихъ за ихъ отношенія въ обществѣ [1])». Вотъ почему «каждая «изъ нихъ чувствуетъ облегченіе, когда онъ, наконецъ, удалится «отъ нея [2])».

Иногда онъ злословитъ и глумится надъ ними безъ всякаго стѣсненія, прямо въ лицо, точно полковникъ со своими маркитантками, и забавляется ихъ смущеніемъ. «Да, сударыни,—гово-«ритъ онъ имъ,—вы даете таки пищу языкамъ добрыхъ жителей «Сенъ-Жерменскаго предмѣстья; говорятъ, напримѣръ, что вы «г-жа А... *въ связи* съ г. В...; вы г-жа С... съ г. Д...» Если онъ, изъ полицейскихъ донесеній, узнаетъ случайно о какой-нибудь интригѣ, «онъ немедленно посвящаетъ мужа въ то, что про-«исходитъ».

---

[1]) M. de Metternich, I, 286: «Трудно себѣ представить большую непо-«воротливость, чѣмъ та, съ которою Наполеонъ держался въ гостинной».— Varnhagen von'Ense, Ausgewählte Schriften, III, 77. (Аудіенція 10 іюля 1810): «Я никогда не слышалъ такого рѣзкаго, такого жесткаго «голоса. Когда онъ смѣялся, то въ улыбку у него складывался только «ротъ и часть щекъ; его лобъ и глаза оставались неизмѣнно мрачными... «Это сочетаніе улыбки съ серьезностью производило впечатлѣніе чего-то «страшнаго и пугающаго».—Какъ-то разъ въ Сенъ-Клу, съ большомъ дам-скомъ обществѣ Варнгагенъ двадцать разъ подъ-рядъ слышалъ отъ него одну и ту же неизмѣнную фразу: «Какъ жарко!»

[2]) M-me de-Rémusat, II, 77, 169. — Thibaudeau, Mémoires sur le Consulat, p. 18: «Имъ случалось порою выслушивать отъ него до-«вольно сомнительныя комплименты относительно своихъ туалетовъ и «романическихъ приключеній; таковъ былъ его способъ наблюденія за «нравами». — Notes (inédites) par le comte Chaptal. «На какомъ-то «празднествѣ въ ратушѣ онъ говоритъ одной дамѣ..., которая только что «представилась ему: «Божемой! Амнѣ говорили, что вы хоро-«ши собой!» — Старикамъ: «Вамъ уже недолго жить».—Другой «дамѣ: «Походы, въ которыхъ участвуетъ вашъ мужъ, для «васъ очень пріятное время». — «Вообще, тономъ своимъ Бона-«партъ напоминалъ молодого, дурно воспитаннаго лейтенанта. Нерѣдко «онъ приглашалъ человѣкъ двѣнадцать или пятнадцать къ обѣду, а самъ «вставалъ изъ-за стола и уходилъ раньше, чѣмъ былъ оконченъ супъ... «Дворъ былъ настоящей галерой, гдѣ каждому приходилось грести по «приказу».

Въ своихъ собственныхъ похожденіяхъ онъ не менѣе нескроменъ [1]): быстро добившись развязки, онъ сейчасъ же разглашаетъ происшествіе, называетъ имя; мало того, разсказываетъ все Жозефинѣ, посвящаетъ ее во всѣ подробности и не терпитъ съ ея стороны никакихъ упрековъ. «На всѣ ваши жалобы я «имѣю право отвѣтить однимъ неизмѣннымъ: я».

Дѣйствительно, это слово отвѣчаетъ на все; а чтобы пояснить его, онъ добавляетъ: «Я стою особнякомъ въ цѣ-«ломъ мірѣ; я ни отъ кого не принимаю условій», никакихъ обязательствъ, никакого кодекса, даже самаго обыкновеннаго, общепринятаго кодекса внѣшнихъ приличій, который, смягчая и сглаживая первоначальную грубость, далъ возможность людямъ встрѣчаться, не толкаясь и не наскакивая другъ на друга. Онъ его не понимаетъ и брезгливо отмахивается отъ него. «Я не люблю «этого туманнаго и нивеллирующаго слова—приличія, которымъ «вы всѣ прикрываетесь на каждомъ шагу; его выдумали глупцы, «чтобы поддѣлываться подъ умныхъ; это родъ соціальной узды, «которая стѣсняетъ сильнаго и служитъ только посредственно-«сти... Ахъ этотъ хорошій вкусъ! Вотъ еще одно изъ тѣхъ клас-«сическихъ словечекъ, которыхъ я не терплю совершенно [2])».— «Оно вашъ личный врагъ, сказалъ ему какъ-то Таллейранъ; если «бы вы могли съ нимъ раздѣлаться, при помощи пушки, его «бы уже давно не существовало».

Потому что хорошій вкусъ — это высшій продуктъ цивилизаціи, первая интимнѣйшая часть одѣяній, скрывающихъ человѣческую наготу, ближе и непосредственнѣе всего прилегающая къ человѣческой личности, та часть, которую она сохраняетъ на себѣ послѣднею, послѣ того какъ сброшены всѣ остальныя. А Наполеону даже эта тончайшая ткань кажется помѣхой; онъ и ее сбрасываетъ, инстинктивно, потому что она стѣсняетъ его непроизвольныя движенія; необузданныя, властныя и дикія движенія побѣдителя, который повергъ на землю и распоряжается теперь побѣжденнымъ.

V

При такихъ условіяхъ невозможно существованіе какого бы то ни было общества, тѣмъ болѣе въ средѣ тѣхъ независимыхъ

[1]) M-me de-Rémusat, I, 114, 122, 206; II, 110, 112.
[2]) Тамъ же, I, 277.

и вооруженныхъ общественныхъ единицъ, которыя называются націями, или государствами. Вотъ почему въ политикѣ и въ дипломатическихъ сношеніяхъ такіе пріемы совершенно недопустимы. Изъ убѣжденія, да и по необходимости, всякій глава страны, или ея представитель, воздерживается отъ нихъ, по меньшей мѣрѣ, съ людьми своего круга. Съ ними принято обращаться, какъ съ равными, щадить ихъ щепетильность, и потому не давать волю своему минутному возбужденію, своимъ страстямъ и настроеніямъ—словомъ, держать себя въ рукахъ и взвѣшивать каждое свое слово. Отсюда весь тонъ манифестовъ, циркуляровъ, дипломатической переписки и всякихъ офиціальныхъ бумагъ, обязательный канцелярскій слогъ, сухой, безжизненный и тусклый, всѣ эти тупыя, намѣренно обезцвѣченныя выраженія и длинные періоды, которые кажутся сфабрикованными механически, точно по трафарету; родъ интернаціональнаго буфера, предназначеніе котораго умѣрять силу при столкновеніи заинтересованныхъ лицъ. Въ международныхъ сношеніяхъ и безъ того слишкомъ много осложненій, слишкомъ много взаимныхъ столкновеній, тяжелыхъ и неизбѣжныхъ, слишкомъ много поводовъ для всякаго рода конфликтовъ, послѣдствія которыхъ достаточно грозны. Нѣтъ смысла недоразумѣнія, возникающія на почвѣ различія интересовъ, осложнять еще оскорбленіями, созидаемыми воображеніемъ и самолюбіемъ; не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда они вызываются безъ всякой надобности и только увеличиваютъ несогласіе въ настоящемъ и предубѣжденное недоброжелательство—въ будущемъ.

Совершенно иначе все это у Наполеона: даже при мирныхъ переговорахъ онъ сохраняетъ свои воинственно-наступательные пріемы; сознательно или безсознательно, но у него всегда поднятая рука: чувствуется, что онъ готовъ ударить, а пока что онъ оскорбляетъ. Въ своей перепискѣ съ государями, въ своихъ офиціальныхъ заявленіяхъ, въ разговорахъ съ посланниками и вплоть до публичныхъ аудіенцій [1]), онъ держится

---

[1]) Hansard's Parliamentary History, t. XXXVI, p. 310. Донесеніе лорда Уитворта лорду Оуксбюри, 14 марта 1803, и описаніе той сцены, которую ему устроилъ первый консулъ: «Все это происходило настолько громко «гласно, что могло быть услышано всѣми присутствовавшими, которыхъ «было до двухсотъ». — Лордъ Уитвортъ (письмо отъ 17 марта) жалуется по этому поводу Таллейрану и заявляетъ ему, что онъ прекратитъ свои визиты въ Тюльери, если ему не будетъ обѣщано, что подобныя сцены не повторятся больше.—Въ этомъ его поддерживаетъ и лордъ Оуксбюри (депеша отъ 27 марта), который находитъ эту выходку неприличной и

всегда вызывающе, всегда грозитъ [1]). Онъ всегда смотритъ сверху внизъ на своего противника, а иногда и открыто оскорбляетъ его, бросая ему прямо въ лицо самыя возмутительныя, несправедливыя обвиненія [2]). Онъ разглашаетъ тайны его частной жизни, и дѣловыя, и самыя интимныя, позоритъ его министровъ, его дворъ и его жену [3]), клевещетъ на нихъ; старается задѣть его больное мѣсто, открываетъ ему глаза, доказываетъ ему, что онъ одураченъ, что онъ обманутый мужъ, или соучастникъ пре-

---

оскорбительной для англійскаго короля. — Тѣ же сцены, то же высокомѣріе и несдержанность языка повторяются и съ Меттернихомъ въ Парижѣ, въ 1809, и въ Дрезденѣ, въ 1813; съ Корсаковымъ въ Парижѣ, въ 1812; съ Балашовымъ въ Вильнѣ, въ 1812; съ княземъ Кардито въ Миланѣ, въ 1805.

[1]) Передъ нарушеніемъ Аміенскаго мира (Moniteur, 8 августа 1802): «Французское правительство въ данный моментъ чувствуетъ себя «прочнѣе, чѣмъ правительство англійское». — (Moniteur, 10 сентября 1802 г.): «Какая разница между народомъ, который одерживаетъ побѣды «изъ любви къ славѣ, и народомъ торгашей, ставшихъ завоевателями!»— (Moniteur, 20 февраля 1803): «Правительство заявляетъ съ справедли«вой гордостью: Англія не можетъ больше бороться съ Франціей».—Кампанія 1805 года, 9-ый бюллетень, слова Наполеона, произнесенныя въ присутствіи генеральнаго штаба Макка: «Я совѣтую моему брату, императо«ру германскому: пусть поторопится съ миромъ! Пора понять, что всякая «имперія имѣетъ свой предѣлъ; мысль, что придетъ конецъ и Лотаринг«скому дому, должна его устрашить».—Письмо къ королевѣ Неаполитанской, 2 января 1805: «Пусть Ваше Величество выслушаетъ мое пророче«ство: съ первой же войной, вызванной Вами, и Вы и Ваши дѣти переста«нутъ царствовать; блуждая по разнымъ странамъ Европы, дѣти Ваши бу«дутъ побираться и выпрашивать милости у своихъ родныхъ».

[2]) 37-й бюллетень, объявляющій о походѣ войскъ въ Неаполь, «чтобы «наказать королеву за ея измѣну и свергнуть съ престола эту преступную «женщину, которая съ такимъ безстыдствомъ попрала все, что свято для «человѣка». — Прокламація отъ 13 мая 1809: «Вѣна, которую государи «Лотарингскаго дома бросили, не какъ честные солдаты, уступая обстоя«тельствамъ и случайностямъ войны, а какъ клятвопреступники, которыхъ «преслѣдуютъ собственные укоры... Покидая Вѣну, они прощались съ жи«телями посредствомъ убійствъ и пожаровъ. Какъ Медея, они своими соб«ственными руками умерщвляли своихъ дѣтей».—13-й бюллетень: «Ярость «Лотарингскаго дома въ Вѣнѣ...»

[3]) Нота Таллейрана къ испанскому министру иностранныхъ дѣлъ, и письмо Наполеона къ испанскому королю (18 сентября 1803) о князѣ de la Paix: «Этотъ любимецъ, добившійся самыми преступными путями «милости, неслыханной въ лѣтописяхъ исторіи... Пусть Ваше Величество «удалитъ отъ себя этого человѣка, который, сохраняя въ своемъ положе«ніи всѣ низменныя страсти своей натуры... держался только въ силу соб«ственныхъ пороковъ».—Послѣ битвы при Іенѣ, бюллетени 9-й, 17-й, 18-й и 19-й, сравненіе королевы Прусской съ леди Гамильтонъ, прозрачные намеки и усиленныя клеветы, въ которыхъ онъ ей приписываетъ любовную интригу съ императоромъ Александромъ. «Всѣ признаютъ, что королева «и есть виновница всѣхъ бѣдъ, обрушившихся на прусскую націю. Всѣ «говорятъ: какъ она страшно измѣнилась послѣ этой роковой встрѣчи съ «императоромъ Александромъ!.. Въ комнатѣ, которую прусская королева «занимала въ Потсдамѣ, нашли портретъ императора Александра, который «она получила въ подарокъ отъ самого государя».

ступленія; онъ принимаетъ тонъ судьи, который судитъ виновнаго или тонъ начальника, который распекаетъ подчиненнаго, или, еще лучше, тонъ наставника, который направляетъ ученика на путь истинный. Съ улыбкой состраданія онъ ему объясняетъ его ошибки, его слабость, его бездарность и рисуетъ ему заранѣе картину его неизбѣжнаго пораженія или близкаго униженія. Принимая въ Вильнѣ посла императора Александра, онъ ему говоритъ [1]): «Россія этой войны не желаетъ; ее не одобритъ «и ни одна изъ великихъ державъ; да и сама Англія ее не желаетъ, «потому что предвидитъ бѣду для Россіи, а можетъ быть и пол«нѣйшій разгромъ... Мнѣ такъ же хорошо извѣстно, какъ и вамъ, «сколько у васъ войска, а можетъ быть и лучше чѣмъ вамъ. У «васъ, въ общей сложности, около 120 тысячъ человѣкъ пѣхоты, а «кавалеріи отъ 60 до 70 тысячъ; у меня втрое больше... Импе«раторъ Александръ окруженъ плохими совѣтниками; какъ ему «не стыдно приближать къ своей особѣ такихъ негодяевъ, какъ «этотъ Армфельдъ, интриганъ, безнравственный мерзавецъ, по«грязшій въ развратѣ, всегдашній врагъ Россіи, человѣкъ извѣ«стный одними только преступленіями; или какъ Штейнъ, прохо«димецъ, выгнанный изъ своего отечества, подозрительная лич«ность, голова котораго оцѣнена уже давно; или Беннигсенъ, че«ловѣкъ, какъ говорятъ, не лишенный нѣкотораго военнаго та«ланта, мнѣ, впрочемъ, лично неизвѣстнаго, но руки котораго «уже запятнаны кровью [2])... Пусть онъ окружаетъ себя рус«скими, я ничего не скажу... Развѣ у васъ, мало русскихъ дво«рянъ, которые будутъ ему, конечно, болѣе преданы, чѣмъ эти «наемники? Или онъ, можетъ быть, воображаетъ, что они влю«блены въ его особу?.. Пусть онъ поручитъ Армфельду управленіе «Финляндіей, и я не скажу ни слова; но такъ приблизить его «къ своей особѣ, какой позоръ!.. Какая блестящая перспектива «открывалась Императору Александру въ Тильзитѣ, а еще того «лучше въ Эрфуртѣ!.. Онъ испортилъ лучшее царствованіе, ка«кое когда-либо видала Россія... Какъ можно было допустить въ «свое общество всѣхъ этихъ Штейновъ, Армфельдовъ, Винцинге«роде?.. Скажите Императору Александру, что, окружая себя «моими личными врагами, онъ тѣмъ самымъ намѣренно наноситъ «оскорбленіе лично мнѣ; поэтому и я долженъ отвѣтить ему

---

[1]) Дубровинъ. Отечественная война (1812—1815) по запискамъ современниковъ. Рапортъ русскаго посла Балашова (по-французски).

[2]) Намекъ на убійство Павла I.

«тѣмъ же: я выгоню изъ Германіи всю его Баденскую, Вюртем-«бергскую и Веймарскую родню; пусть готовитъ имъ убѣжище «въ Россіи».

Обратите вниманіе на то, что называетъ онъ личнымъ оскорбленіемъ [1]), за что считаетъ нужнымъ мстить худшими репрессіями, до какихъ предѣловъ доходитъ его вмѣшательство, съ какой безцеремонностью, силой, чуть ли не со взломомъ, онъ врывается въ кабинеты иностранныхъ государей, чтобы прогнать всѣхъ дѣятелей и совѣтниковъ и править дѣлами самому: такъ поступалъ римскій сенатъ съ Антіохомъ Прузіемъ; такъ ведетъ себя англійскій резидентъ при короляхъ Уады и Лагора. Въ чужомъ домѣ, какъ и въ своемъ собственномъ, этотъ человѣкъ можетъ дѣйствовать только какъ хозяинъ. «Стремленіе къ всемірному владычеству заложено въ самой природѣ его; это стремленіе можно сдержать и умѣрить, но подавить его не удастся никогда» [2]).

Послѣ консульства оно прорывается сразу: только по этой причинѣ и не могъ удержаться Аміенскій миръ; помимо дипломатическихъ разногласій и всякихъ ссылокъ на обиды, характеръ Наполеона, его требовательность и откровенные проекты, какъ и предполагаемое въ будущемъ примѣненіе своихъ силъ, были главнымъ основаніемъ и истинными мотивами разрыва. Въ довольно ясныхъ выраженіяхъ онъ говоритъ англичанамъ, въ сущности, слѣдующее: прогоните съ вашего острова Бурбоновъ и зажмите ротъ вашимъ журналистамъ; если это противорѣчитъ вашей конституціи, тѣмъ хуже для нея, или же тѣмъ хуже для васъ; «существуютъ общіе принципы человѣческаго права, передъ «которыми должны умолкнуть законы отдѣльныхъ государствъ» [3]).

---

[1]) Stanislas de Girardin, Mémoires, III, 249. (Пріемъ 12-го нивоза, X года). Первый консулъ говоритъ сенаторамъ: «Предупреждаю васъ, гра-«ждане, что на избраніе въ Сенатъ Дону я буду смотрѣть, какъ на «личное для себя оскорбленіе, а вамъ извѣстно, что такового я «не потерплю». — Correspondance de Napoléon I (Письмо отъ 23 сентября 1809 къ Шампаньи): «Императоръ Францъ нанесъ «мнѣ оскорбленіе, заявивъ въ письмѣ, что я ни въ чемъ не «уступаю ему, въ то время какъ изъ уваженія къ нему я сократилъ свои «требованія почти наполовину». (Вмѣсто 2,750,000 австрійскихъ подданныхъ онъ помирился всего-на-всего на 1,600,000). — Roederer, III, 377 (24 января 1801): «Французскій народъ долженъ терпѣть меня съ моими недостат-«ками, если онъ признаетъ за мной какія-нибудь достоинства; мой главный «недостатокъ въ томъ, что я не могу выносить никакой обиды».

[2]) M. de Metternich, II, 378. (Письмо къ императору австрійскому, 28 іюля 1810).

[3]) Нота, представленная французскимъ посланникомъ Отто, 17 августа 1802.

Измѣните ваши основные законы, уничтожьте, какъ я уничтожилъ у себя, свободу печати и право убѣжища; «я очень невысоко ставлю «правительство, не имѣющее власти наложить запретъ на тѣ вещи, «которыя могутъ быть нежелательны для иностранныхъ прави- «тельствъ» [1]). Что касается меня, моихъ вторженій къ сосѣдямъ и послѣднихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, такъ это не ваше дѣло: «Я предполагаю, что вы собираетесь заговорить о Пьемонтѣ «и Швейцаріи? Это сущіе пустяки [2])»...

«Европа уже признала, что Голландія, Италія и Швейцарія «остаются въ распоряженіи Франціи [3])». Съ другой стороны, мнѣ послушна Испанія, а черезъ нее я держу въ рукахъ и Португалію: такимъ образомъ отъ Амстердама до Бордо, отъ Лиссабона до Кадикса и Генуи, отъ Ливорно и Неаполя до Тарента— я могу вамъ запереть всѣ гавани. Между нами не существуетъ больше никакого торговаго договора. А если бы я съ вами и заключилъ таковой, онъ будетъ фиктивнымъ: на каждый милліонъ англійскихъ товаровъ, ввезенныхъ во Францію, вы вывезете столько же товаровъ французскихъ [4]); другими словами, вы подвергнетесь континентальной блокадѣ, явной или скрытой, и

---

[1]) Stanislas Girardin, III, 296. (Слова перваго консула, 24 флореаля, XI года): «Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я предлагалъ британскому «правительству заключить такое соглашеніе, въ силу котораго во Фран- «ціи и въ Англіи былъ бы изданъ законъ, воспрещающій газетамъ и вла- «стямъ всякіе, какъ дурные, такъ и хорошіе отзывы объ иностранныхъ «правительствахъ: я никогда не могъ добиться его согласія».—Ст. Жирар- «денъ: «Это было невозможно».—Бонапартъ: «Почему?»—Ст. Жирарденъ: «Потому что такого рода договоръ шелъ бы въ разрѣзъ съ основными «законами страны».—Бонапартъ: «Я очень невысокаго мнѣнія...» и т. д.

[2]) Hansard, t. XXXVI, стр. 1298. (Письмо лорда Уитворта, 21 февраля 1803, бесѣда съ первымъ консуломъ въ Тюльери). — Seely, A short History of Napoleon the first. «Пустяки—выраженіе смягчен- «ное; въ примѣчаніи, которое никогда не было напечатано, лордъ Уит- «вортъ добавляетъ: «Выраженіе, которое онъ употребилъ, было слишкомъ «грубо и вульгарно, чтобы быть помѣщеннымъ въ депешѣ, да и вообще оно «умѣстно только въ устахъ извозчика».

[3]) Lanfrey, Histoire de Napoléon, II, 482. (Слова Наполеона, обращенныя къ швейцарскимъ делегатамъ, конференція 29 января 1803).

[4]) Sur Neil Campbele, Napoleon at Fontainebleau and Elba, p. 201. (Слова Наполеона въ присутствіи Нейля Кэмпбелля и другихъ комиссаровъ).—О томъ же проектѣ, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, упоминается и въ Mémorial de Sainte Hélène.—Pelet de la Lozére, Opinions de Napoléon au Conseil d'Etat, p. 238 (засѣданіе 4 марта, 1806): «Черезъ сорокъ восемь часовъ, послѣ заключенія мира «съ Англіей, я воспрещу иностранный ввозъ колоніальныхъ товаровъ и «издамъ навигаціонный актъ, который оставитъ свободный входъ въ наши «порты только для французскихъ судовъ, построенныхъ изъ француз- «скаго лѣса и съ командой на двѣ трети пополненной французами. Даже «уголь и англійскіе милорды смогутъ пристать къ нашимъ берегамъ только «подъ французскимъ флагомъ».—Тамъ же, 32.

пострадаете въ мирное время столько же, сколько бы пострадали въ военное. Въ то же время я не спускаю глазъ съ Египта; «шести тысячъ французовъ было бы теперь достаточно, чтобы «занять его [1])»; такъ или иначе, хотя бы силой, но я вернусь туда; случай не замедлитъ представиться, я слѣжу и выжидаю его: «Рано, или поздно, онъ будетъ принадлежать Франціи, бла«годаря ли распаденію оттоманской имперіи, или черезъ какое«нибудь соглашеніе съ Портой [2])». Эвакуируйте Мальту, чтобы Средиземное море стало «французскимъ озеромъ», я хочу главенствовать на морѣ какъ и на сушѣ, и располагать Востокомъ, какъ и Западомъ. Въ концѣ-концовъ «съ моей Франціей «Англіи, разумѣется, придется кончить тѣмъ, что стать ея при«даткомъ: сама природа опредѣлила ей быть однимъ изъ нашихъ «острововъ, какъ Олеронъ или Корсика [3])». Весьма понятно, что въ виду подобной перспективы, англичане удерживаютъ Мальту и продолжаютъ войну.

Онъ это предвидѣлъ, и рѣшеніе его готово: однимъ взглядомъ онъ охватываетъ и измѣряетъ предстоящую ему задачу; съ обычной ясностью онъ учитываетъ положеніе и заявляетъ, что упорство англичанъ «вынудитъ его покорить Европу...» [4]): «Первому консулу исполнилось только тридцать три года, и пока «онъ сокрушилъ одни только второстепенныя государства. Кто «знаетъ, сколько ему потребуется времени, чтобы еще разъ пе«ревернуть всю Европу и воскресить Западную Имперію?»

Подчинить себѣ весь континентъ и составить съ нимъ коалицію противъ Англіи — вотъ каковъ отнынѣ планъ его дѣйствій, столь же рѣшительный и безудержный, какъ и сама цѣль. И планъ этотъ, какъ и его цѣль, продиктованы ему самою сущностью его натуры. Слишкомъ властный и слишкомъ нетерпѣливый, чтобы ждать или щадить другого, онъ умѣетъ дѣйствовать на чужую волю только принужденіемъ; сотрудники же его остаются, по существу, все тѣми же подданными, только подъ именемъ союзниковъ.

Впослѣдствіи, на островѣ св. Елены, онъ со всею несокрушимостью своихъ иллюзій и своего воображенія, разовьетъ передъ

---

[1]) Moniteur, 30 января, 1803. (Рапортъ Себастіани).
[2]) Hansard, t. XXXVI, p. 1298. (Депеша лорда Уитворта, 21 февраля 1803, слова Перваго Консула къ лорду Уитворту).
[3] Mémorial (Слова Наполеона, 24 марта 1816 г.).
[4]) Lanfrey, II, 476 (Нота къ Отто, 23 октября 1802.)—Thiers, IV, 249.

человѣчествомъ свои гуманитарныя мечты [1]); но, по его собственному признанію, для того, чтобы осуществить эту далекую мечту, предварительно ему было бы необходимо подчинить всю Европу: быть либеральнымъ государемъ-миротворцемъ, «ко-«ронованнымъ Вашингтономъ, — говоритъ онъ потомъ,—да, но «я могъ бы добраться до этой вершины, только пройдя черезъ «всемірную диктатуру; ея я и домогался» [2]).

Напрасно здравый смыслъ твердитъ ему неустанно, что это предпріятіе должно неминуемо сдѣлать континентъ союзникомъ Англіи, и что средство это отвлекаетъ его отъ цѣли. Напрасно ему доказываютъ неоднократно [3]), что ему необходимъ сильный и вѣрный союзникъ на континентѣ, что для этого онъ долженъ прежде всего примирить съ собою Австрію, что не слѣдуетъ доводить ее до крайности, а скорѣе заручиться ея симпатіями, вознаградить чѣмъ-нибудь на Востокѣ и тѣмъ самымъ вовлечь ее въ постоянные нелады съ Россіей и привлечь на сторону новой Французской Имперіи общностью жизненныхъ интересовъ. Напрасно, послѣ Тильзита, онъ и самъ начинаетъ вести такого рода торгъ съ Россіей. Договоръ этотъ устойчивымъ быть не можетъ, потому что и по заключеніи его Наполеонъ остается вѣренъ своимъ обычнымъ пріемамъ—грозить, нападать и захватывать [4]), и старается отвести Александру мѣсто подчиненнаго и одураченнаго простака. Это ясно для всякаго наблюдательнаго очевидца. Въ 1809 году одинъ изъ дипломатовъ пишетъ: «Система французской политики, восторжествовавшая въ наши дни, на-

---

[1]) Письмо къ Кларку, военному министру, 18 января 1814: «Если «бы 18-го числа вечеромъ, въ Лейпцигѣ, я имѣлъ возможность выпустить «30,000 пушечныхъ выстрѣловъ, то сегодня я былъ бы уже господиномъ «міра».

[2]) Mémorial, 30 ноября, 1815.

[3]) Lanfrey, III, 339, 399. (Письмо къ Таллейрану, II и 27 октября 1805, и памятная записка, съ обращеніемъ къ Наполеону).

[4]) На совѣтѣ, состоявшемся по поводу будущаго бракосочетанія Наполеона, Камбасересъ тщетно хлопоталъ за союзъ съ Россіей. На слѣдующей недѣлѣ онъ говорилъ г-ну Х...: «Когда имѣешь въ запасѣ только «одинъ хорошій доводъ и не имѣешь возможности его высказать, то очень «легко оказаться побитымъ...—Вы увидите, онъ настолько вѣсокъ, что одна «фраза вамъ покажетъ всю его неопровержимость. Я нравственно «убѣжденъ, что непройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ у насъ «будетъ война съ тою изъ державъ, съ которою Импе-«раторъ не породнится бракомъ. Такъ вотъ, война съ Австріей «не вызываетъ во мнѣ ни малѣйшаго безпокойства, но я дрожу при «мысли о войнѣ съ Россіей: послѣдствія ея будутъ неисчислимы». (Mémoires inédits par M. X..., II, 463).

правлена противъ всѣхъ великихъ державъ [1]); она направлена не только противъ Англіи, Пруссіи и Австріи, но и противъ Россіи, противъ всякой державы, способной отстоять свою независимость: потому что, оставаясь независимой, она можетъ занять враждебную позицію; и вотъ, изъ предосторожности, Наполеонъ и старается раздавить въ ней возможнаго врага.

Тѣмъ болѣе, что, вступивъ однажды на этотъ путь, онъ уже не можетъ остановиться: вмѣстѣ съ его природными побужденіями, его толкаетъ впередъ и то положеніе, которое онъ себѣ создалъ; само прошлое неудержимо увлекаетъ его на путь его будущаго [2]). Въ моментъ нарушенія Аміенскаго мира, онъ уже настолько грозенъ и силенъ, что сосѣди его, для своего огражденія, вынуждены вступить въ союзъ съ Англіей. Это заставляетъ его разрушить старыя, еще нетронутыя монархіи. Онъ беретъ Неаполь, раздробляетъ Австрію въ первый разъ, разрубаетъ и расчленяетъ Пруссію, вторично раздробляетъ Австрію, образуетъ новыя королевства для своихъ братьевъ въ Неаполѣ, Голландіи и Вестфаліи. Въ то же время онъ запираетъ для англичанъ всѣ порты своей имперіи и, понемногу, кончаетъ тѣмъ, что запираетъ для нихъ и всѣ порты континента и организуетъ противъ нихъ обще-европейскій походъ. Въ концѣ-концовъ онъ уже не терпитъ даже такихъ нейтральныхъ государей, какъ папа, такихъ подначальныхъ и безпечныхъ лицъ, какъ братъ его, Людвигъ, такихъ сомнительныхъ и незначущихъ помощниковъ, какъ португальскіе Браганцы и испанскіе Бурбоны. Послѣдовательно завладѣваетъ онъ Португаліей, Испаніей, Голландіей, Папской Областью, потомъ городами Ганзейскаго Союза и герцогства Ольденбургскаго и растягиваетъ по всему побережью, отъ Каттаро и Тріеста до Гамбурга и Данцига, свои кордоны военныхъ комендантовъ, префектовъ и таможенниковъ, точно петлю, которую онъ стягиваетъ мало-по-малу настолько

---

[1]) M. de Metternich, II, 304. (Письмо къ императору австрійскому, 10 августа, 1809). Тамъ же, 403. (Письмо 11 января 1811): «Мое мнѣ«ніе о главной основѣ всѣхъ плановъ и проектовъ Наполеона всегда было «неизмѣннымъ. Эта чудовищная цѣль—поработить континентъ и подчи«нить его власти одного — была и будетъ его постояннымъ стрем«леніемъ».

[2]) Correspondance de Napoléon I-er. (Письмо къ королю Вюртембергскому, 2 апрѣля, 1811 г.): «Война будетъ независимо отъ его «желанія (императора Александра), или отъ моего, независимо отъ инте«ресовъ Франціи или Россіи. Мнѣ столько разъ приходилось въ этомъ «убѣждаться, что здѣсь уже мой опытъ минувшаго открываетъ передо мной «истинную картину будущаго».

туго, что душитъ ею, въ концѣ-концовъ, не только потребителя, но и производителя вмѣстѣ съ купцомъ [1]).

И все это въ той же, хорошо всѣмъ знакомой, самовластной формѣ, иной разъ простымъ указомъ, ничѣмъ его не мотивируя, кромѣ собственнаго интереса, удобства или минутной прихоти [2]), не задумываясь и сообразуясь только съ собственнымъ произволомъ. А сколько здѣсь было беззастѣнчиваго нарушенія всѣхъ человѣческихъ правъ, гуманности и гостепріимства, какая сѣть грубости, лжи и обмана [3]), какой гнетъ приходилось выдерживать союзникамъ и какой грабежъ побѣжденнымъ, сколько солдатскаго мародерства допускалось въ военное время среди на-

---

[1]) Mollien, III, 135, 190.—Въ 1810 «сахаръ вздорожалъ на 400%, а «бумажные и красильные товары на 100%».—«Болѣе 20,000 таможенниковъ «было отправлено на границу для преслѣдованія постоянной, стотысячной «толпы контрабандистовъ, пользовавшихся поддержкой населенія.»—Mémoires inédits par M. X..., III, 284.—Былъ разрѣшенъ ввозъ колоніальныхъ товаровъ, но при условіи пропорціональнаго вывоза предметовъ французскаго производства; Англія, однако, отказывалась принимать эти товары. А такъ какъ «они уже не могли быть возвращены во Фран«цію, то ихъ бросали въ море».—«Сначала для этой торговли жертвовался «фабричный бракъ, а въ концѣ концовъ стали фабриковать спеціальные «товары, не имѣвшіе никакого другого назначенія, такъ, напримѣръ, нѣко«торые сорта тафты и атласа въ Ліонѣ».

[2]) Прокламація 27 декабря 1805: «Династія Неаполитанская пре«кратила свое существованіе; оно несовмѣстимо со спокойствіемъ въ Ев«ропѣ и съ достоинствомъ моей короны».—Посланіе Сенату отъ 10 декабря, 1810: «Такъ какъ мнѣ понадобились новыя обезпеченія, то я «сталъ стремиться къ присоединенію устьевъ Шельды, Маса, Рейна, Эмса, «Везера и Эльбы—къ Имперіи, что мнѣ казалось первой и главной «гарантіей... Присоединеніе Валлиса давно уже предусмотрѣно мною, какъ «прямое слѣдствіе тѣхъ громадныхъ работъ, которыя я веду уже десять «лѣтъ въ этой части Альпъ».

[3]) Всѣмъ извѣстна исторія съ Испаніей; ей предшествовалъ подобный же образъ дѣйствія и въ Португаліи.—Correspondance (Письмо къ Жюно, 31 октября 1807 г.): «Я уже довелъ до вашего свѣдѣнія, что, «допуская васъ туда въ качествѣ союзника, я хотѣлъ только дать вамъ «возможность захватить флотъ (португальскій), и что я самъ уже давно «и непоколебимо рѣшилъ завладѣть Португаліей». (Письмо къ Жюно, 23 декабря 1807): «Страна должна быть разоружена, а всѣ португаль«скія войска двинуты во Францію... Я хочу избавить отъ нихъ страну; «всѣ принцы, министры, и другія лица, могущія служить связующимъ зве«номъ, должны быть отправлены во Францію». (Указъ отъ 23 декабря, 1807): «Чрезвычайная контрибуція, въ размѣрѣ 100 милліоновъ фран«ковъ, будетъ наложена на португальское королевство, для выкупа «всякой частной собственности, кому бы она ни при«надлежала и подъ какимъ бы наименованіемъ ни «существовала... Всѣ владѣнія, принадлежащія королевѣ португаль«ской, принцу-регенту и владѣтельнымъ принцамъ..., все имущество санов«никовъ, послѣдовавшихъ за королемъ, когда онъ удалился изъ страны, и не «возвратившихся въ королевство до 1-го февраля, подвергнутся секвестру». Сравните M. de Haussonville L'Eglise romaine et le premier Empire, 5 томовъ (включая три послѣднихъ). Ни одно произведеніе не коснулось ближе и точнѣе и цѣли и политическихъ пріемовъ Наполеона.

селенія и какой систематической эксплоатаціи подвергалось то же населеніе въ мирное время [1]), — чтобы описать все это, понадобился бы не одинъ томъ.

Все это достигло такого крайняго напряженія, что съ 1808 г. народы начинаютъ возставать противъ него. Онъ такъ сумѣлъ задѣть ихъ за живое, такъ глубоко оскорбить въ ихъ интересахъ и чувствахъ [2]), онъ такъ угнеталъ ихъ, обиралъ ихъ и силой заставлялъ служить себѣ всѣхъ, не говоря уже о французахъ, онъ столько погубилъ человѣческихъ жизней среди испанцевъ, итальянцевъ, австрійцевъ, пруссаковъ, швейцарцевъ, баварцевъ, саксонцевъ, голландцевъ, столько перебилъ людей въ качествѣ непріятелей, столько завербовалъ за предѣлами своего государ-

---

[1]) Souvenirs du feu duc de Broglie, p. 143. (Образецъ его дѣйствій въ военное время: списокъ арестованныхъ маршала Бессьера, командующаго въ Валладолидѣ, съ 11 апрѣля по 15 іюля 1811).—Correspondance du roi Jérôme, письмо Жерома къ Наполеону, 5 декабря, 1811. (Образецъ того, каково было положеніе побѣжденныхъ народовъ въ мирное время): «Если разразится война, то вся мѣстность «между Рейномъ и Одеромъ, станетъ очагомъ дѣятельнаго и обширнаго «возстанія. Могучимъ толчкомъ для этого опаснаго движенія послужитъ «не одна ненависть къ французамъ и раздраженіе противъ иноземнаго «ига, но еще больше всеобщее бѣдственное положеніе того времени, ра«зореніе всѣхъ классовъ, непомѣрные поборы, военныя «контрибуціи, содержаніе войска, прохожденіе солдатъ и всякаго рода «притѣсненія, безпрестанно повторяемыя... Въ Ганноверѣ, Магдебургѣ «и во всѣхъ главныхъ городахъ моего королевства владѣльцы по«кидаютъ свои дома и стараются отдѣлаться отъ нихъ «по самой дешевой цѣнѣ... Повсюду нищета угнетаетъ семьи; «капиталы изсякли; дворяне, крестьяне и горожане—всѣ «обременены нуждой и долгами... Надо опасаться от«чаянія людей, которымъ болѣе нечего терять, потому «что у нихъ все отнято».—De Pradt, p 73. (Примѣръ солдатскихъ пріемовъ обращенія въ союзныхъ странахъ). Въ Вольбурхѣ въ замкѣ епископа «я засталъ его секретаря, мѣстнаго каноника, при всѣхъ ре«галіяхъ своего капитула, крестѣ и веревочномъ поясѣ, который показалъ «мнѣ свою челюсть, всю изуродованную наканунѣ генераломъ, графомъ «Вандаммомъ; онъ избилъ его за отказъ въ токайскомъ винѣ, котораго «генералъ повелительно требовалъ отъ него, и въ которомъ каноникъ «вынужденъ былъ отказать ему, потому что, днемъ раньше, въ замкѣ «ночевалъ вестфальскій король и, по его требованію, все это вино, цѣли«комъ, было погружено на его повозки».

[2]) Fiévée, Correspondance et relations avec Bonaparte de 1802 à 1813, III, 182, (декабрь, 1811). (О народахъ присоединенныхъ или покоренныхъ): «Не задумываясь, ихъ лишаютъ отечества, языка «и законодательства, переворачиваютъ всѣ ихъ привычки, и все это безъ «малѣйшей постепенности, швырнувъ имъ попросту законодатель«ный бюллетень (непримѣнимый)... Можно-ли ждать, чтобы они осво«ились съ нимъ, если бы даже были готовы на это отъ всего сердца?.. «Есть ли хоть какая-нибудь возможность не чувствовать себя ежеми«нутно чужимъ, въ чужой странѣ, гдѣ все васъ гнететъ, оскорбляетъ и «унижаетъ?... Пруссію и большую часть Германіи довели до такой нищеты, «что выгоднѣе взять въ руки вилы, чтобы убить ими человѣка, чѣмъ »чтобы ворочать навозъ».

ства и послалъ на смерть подъ своими знаменами, въ качествѣ союзниковъ, что народы были возбуждены противъ него еще больше, чѣмъ ихъ государи.

Положительно, при такомъ характерѣ и съ такими наклонностями невозможно жить, геній его слишкомъ великъ и слишкомъ зловредренъ; и въ немъ онъ тѣмъ зловреднѣе, чѣмъ крупнѣе. Пока онъ царствуетъ, война будетъ непрерывной. Сколько бы ни старались его сократить и ограничить, оттѣснить въ предѣлы старой Франціи, его все равно не смогутъ удержать никакія преграды, не свяжутъ никакія условія и договоры. Миръ, заключенный съ нимъ, будетъ всегда только перемиріемъ; онъ неизмѣнно будетъ имъ пользоваться только, чтобы оправиться, а оправившись, начнетъ опять сначала [1]), такъ какъ онъ, по существу, не способенъ уживаться въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи мнѣніе о немъ Европы опредѣлилось рѣшительно и непоколебимо.

Чтобы понять, насколько это убѣжденіе было глубоко и единодушно, довольно остановиться на слѣдующемъ фактѣ: 7 марта въ Вѣнѣ разносится слухъ, что онъ бѣжалъ съ острова Эльбы, но еще неизвѣстно, гдѣ высадится. Около 8 ч. утра Меттернихъ [2]) докладываетъ это извѣстіе австрійскому императору, который говоритъ ему: «Немедленно отправляйтесь къ русскому «императору и къ королю прусскому и скажите имъ, что я готовъ «двинуть свои войска обратно во Францію». Въ четверть девятаго Меттернихъ уже у царя, а въ половинѣ девятаго—у короля прусскаго; оба они, не задумываясь, отвѣчаютъ тѣмъ же. «Въ «девять часовъ,— говоритъ Меттернихъ,—я вернулся. Въ десять «часовъ адъютанты скакали уже по всѣмъ направленіямъ, чтобы «остановить движеніе всѣхъ корпусовъ. Вотъ какимъ образомъ, «въ теченіе менѣе, чѣмъ одного часа, была объявлена война».

VI

Бывали и другіе правители, проводившіе свою жизнь въ насиліяхъ надъ людьми. Но ихъ поступки оправдывались благою

[1]) Correspondance (Письмо къ королю Іосифу, 18 февраля 1814): «Еслибы мнѣ пришлось подписать договоръ, по которому Фран«ція водворялась бы въ свои прежнія границы, я бы черезъ два года взялся «за оружіе».—Marmont, V, 133 (1813): «Въ послѣдній періодъ своего цар«ствованія Наполеонъ предпочелъ бы все потерять, но не уступилъ бы «ни пяди».

[2]) M. de Metternich, II, 205.

цѣлью, живымъ дѣломъ и національнымъ интересомъ, который они имѣли въ виду. То, что они называли общественнымъ благомъ, не было простой игрой воображенія, фантастичнымъ призракомъ, или химерической мечтой, созданной ихъ личными страстями, честолюбіемъ, или заносчивостью. Кромѣ самихъ себя и своихъ фантастическихъ мечтаній, они интересовались еще и вопросами высшаго порядка, такими реальными и жизненными, какъ состояніе государства, обширнаго соціальнаго организма, живущаго въ постоянной смѣнѣ взаимно отверженныхъ поколѣній. Если они иной разъ и проливали кровь людей своего поколѣнія, то совершалось это всегда во имя поколѣній грядущихъ, въ предупрежденіе гражданскихъ войнъ или иноземнаго владычества [1]). Чаще всего они дѣйствовали, какъ искусные хирурги, если не изъ чистаго благожелательства, то хоть слѣдуя династическимъ побужденіемъ и семейнымъ традиціямъ. Переходя изъ рода въ родъ, ихъ дѣло не могло не создать извѣстной профессіональной добросовѣстности; первымъ и послѣднимъ жизненнымъ вопросомъ было для нихъ здоровье и благо ихъ паціента. Вотъ почему они избѣгали всякихъ безсмысленно опасныхъ операцій, слишкомъ кровавыхъ и рискованныхъ. Изрѣдка не удавалось развѣ устоять передъ искушеніемъ порисоваться своими познаніями, передъ желаніемъ поразить и ослѣпить публику совершенствомъ и остротою своихъ новѣйшихъ хирургическихъ инструментовъ. Они всегда чувствовали, что на ихъ отвѣтственности лежитъ другая жизнь, болѣе длительная и важная, чѣмъ ихъ собственная жизнь; они смотрѣли впередъ, насколько хватало зрѣнія, дальше своего вѣка, и заботились о томъ, чтобы государство послѣ нихъ могло бы обойтись и безъ нихъ, чтобы оно оставалось неприкосновеннымъ и независимымъ, почитаемымъ и мощнымъ, невзирая на всѣ превратности европейской неурядицы и на неустойчивость историческаго будущаго.

Вотъ что при старомъ порядкѣ называлось государственнымъ разумомъ. Цѣлыхъ восемь столѣтій соблюденіе его считалось обязательнымъ для всѣхъ государей; послѣ временныхъ отступленій и при неизбѣжныхъ паденіяхъ онъ все-таки неизмѣнно сохранялъ свое преобладающее значеніе. Разумѣется,

---

[1]) Слова Ришелье на смертномъ одрѣ: «Вотъ мой судія,—сказалъ онъ указывая на Святыя Дары,—судія, который скоро произнесетъ мой приговоръ. Я прошу его осудить меня, если въ дѣлѣ моемъ я руководился чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ блага религіи и государства».

не мало извинялось имъ и оправдывалось всякаго рода недобросовѣстностей, посягательствъ, или попросту говоря, преступленій; но въ общей политикѣ, особенно въ вопросахъ политики внѣшней, онъ давалъ постоянное руководящее начало, и начало это было всегда благодѣтельнымъ. Подъ его вліяніемъ правило тридцать государей и, шагъ за шагомъ, средствами, запретными для частныхъ лицъ и доступными только для государственныхъ людей, медленно, но безостановочно и прочно, провинція за провинціей, создавалась ими наша Франція.

Вотъ этого-то принципа и недоставало ихъ импровизованному преемнику. На тронѣ, какъ и въ лагерѣ, на посту военачальника, консула или императора онъ неизмѣнно остается карьеристомъ и думаетъ только о собственномъ преуспѣяніи. Благодаря огромному пробѣлу въ его воспитаніи, недостатку совѣсти и сердца, онъ, вмѣсто того чтобы подчинить свою личность государству, подчинилъ государство своей личности. Взоръ его не устремляется за предѣлы своего краткаго земного существованія къ будущему, всей націи, которая переживетъ его; оттого онъ и жертвуетъ будущимъ ради настоящаго, и оттого созданное имъ не можетъ быть долговѣчнымъ. «Послѣ меня хоть потопъ»; его мало тревожитъ, что эти слова уже были произнесены болѣе того, онъ желаетъ, чтобы каждый произносилъ ихъ про себя въ глубинѣ своего сердца: «Мой братъ,—говорилъ въ 1803 году «Іосифъ [1]), — хочетъ дать всѣмъ настолько почувствовать необ- «ходимость своего существованія и то великое благодѣяніе, какое «оно оказываетъ человѣчеству, чтобы никто не могъ безъ вну- «тренней дрожи и помыслить о томъ, что будетъ безъ него. «Онъ знаетъ и чувствуетъ, что его владычество держится го- «раздо больше этимъ представленіемъ, чѣмъ силой или благо- «дарностью. Если бы завтра, или вообще когда-нибудь, можно «было сказать: «Вотъ спокойный, установившійся порядокъ вещей, «вотъ достойный преемникъ; Бонапартъ можетъ умереть; нечего «опасаться волненій и смуты», то мой братъ пересталъ бы «чувствовать себя въ безопасности. Таково правило его пове- «денія».

Годы идутъ, а онъ и не помышляетъ о томъ, чтобы поставить Францію въ условія, при которыхъ она могла бы существовать и безъ него. Напротивъ того, онъ губитъ всѣ сколько-

---

[1]) Miot de Melito, Mémoires, II, 48, 152.

нибудь прочныя пріобрѣтенія самыми несообразными аннексіями, и съ первыхъ же шаговъ становится ясно, что имперія кончится вмѣстѣ съ императоромъ. Въ 1805 году, по поводу того, что 5% бумаги стояли на 80 франкахъ, министръ финансовъ Годенъ замѣчаетъ ему, что такую расцѣнку нужно считать справедливой [1]). «Не слѣдуетъ жаловаться, вѣдь эти бумаги находятся въ «зависимости отъ жизни Вашего Величества».—«Что вы хотите «сказать?»—«Я хочу сказать, что имперія разрастается мало-по- «малу до такихъ размѣровъ, что управлять ею послѣ васъ не бу- «детъ возможности».—«Если мой преемникъ будетъ дуракъ, тѣмъ «хуже для него».—«Да, но тѣмъ хуже и для Франціи».

Два года спустя, Меттернихъ дѣлаетъ общій выводъ, высказывая его въ формѣ слѣдующаго политическаго сужденія [2]): «Замѣчательно, что Наполеонъ, безпрестанно измѣняя и нару- «шая политическое равновѣсіе Европы, не сдѣлалъ еще ни одного «шага, чтобы упрочить положеніе своихъ преемниковъ».

Въ 1809 году тотъ же дипломатъ добавляетъ [3]): «Его смерть «послужитъ сигналомъ для новаго и страшнаго переворота; всѣ «эти разрозненные элементы будутъ стремиться къ возсоединенію; «развѣнчанные монархи будутъ вновь призваны своими прежними «подданными; а новымъ государямъ придется защищать свои «новыя короны. Настоящая гражданская война разразится на цѣ- «лыхъ полъ-столѣтія на всемъ протяженіи континентальной «Европа въ тотъ самый день, когда желѣзная рука, державшая «бразды правленія, обратится въ прахъ».

Въ 1811 г. «никто уже не сомнѣвается въ томъ, что первымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ исчезновенія Наполеона, властелина, въ рукахъ котораго цѣликомъ сосредоточивалась вся сила, будетъ революція [4])».

---

[1]) Souvenirs, par Gaudin, duc de Gaëte (3-e vol. des Mémoires, p. 67).
[2]) M. de Metternich, II, 120 (Письмо къ Стадіону, 26 іюля 1807).
[3]) Тамъ же, II. 294 (Письмо, 11 апрѣля 1809).
[4]) Тамъ же, II, 400. (Письмо, 17 января 1811).—Въ минуты просвѣтлѣнія Наполеонъ сознаетъ это и самъ: сравните Pelet de la Lozère, Opinions de Napoléon au Conseil d'Etat, p. 15: «Все это бу- «детъ тянуться, пока я живъ; мой сынъ долженъ будетъ считать себя «счастливымъ, если ему останется 40,000 франковъ годового дохода».—(De Ségur, Histoire et Mémoires III, 155): «Сколько разъ въ то «время (1811) онъ высказывалъ опасеніе, что его имперія раздавитъ его «наслѣдника!»—«Бѣдное дитя,—говорилъ онъ, глядя на короля Римскаго,— «сколько запутанныхъ дѣлъ я тебѣ оставлю!»—«Съ самаго начала у него «бывали минуты, когда онъ судилъ о себѣ безпристрастно и предвидѣлъ «конечный результатъ своего появленія въ исторіи: «Гуляя по острову «Тополей, Первый Консулъ остановился передъ могилой Ж.-Ж. Руссо и

Да и во Франціи, около этого времени, его собственные слуги начинаютъ уже понимать, что имперія его не только пожизненна и прекратится съ его смертью, болѣе того, что она эфемерна и продлится даже меньше, чѣмъ его жизнь: потому что онъ постоянно надстраиваетъ свое зданіе, и чѣмъ оно выше возносится, тѣмъ болѣе теряетъ въ своей прочности и устойчивости. «Императоръ помѣшался,—говоритъ Декрэ Мармону,—окон«чательно помѣшался; изъ-за него мы всѣ полетимъ кувыркомъ, «всѣ, сколько насъ есть, все это кончится ужаснѣйшей ката«строфой [1])». Дѣйствительно, онъ и силой и обманомъ толкаетъ Францію въ пропасть, зная прекрасно, что онъ ее обманываетъ, все болѣе злоупотребляя ея довѣріемъ по мѣрѣ того, какъ его воля и его ошибки изъ года въ годъ создаютъ все большее разногласіе между его личными интересами, какъ онъ ихъ самъ понимаетъ, и интересами общественными.

При заключеніи Люневильскаго мира и передъ нарушеніемъ Аміенскаго это разногласіе уже даетъ себя чувствовать [2]). Въ Пресбургѣ оно обнаруживается яснѣе, и становится уже вполнѣ очевиднымъ при заключеніи Тильзитскаго мира. Оно рѣзко опредѣляется послѣ изгнанія испанскихъ Бурбоновъ и переходитъ въ чудовищную и скандальную исторію въ 1812 г., въ моментъ войны съ Россіей. Эту войну Наполеонъ и самъ признаетъ противорѣчащей интересамъ Франціи [3]) и все-таки затѣваетъ ее. Впослѣдствіи, на островѣ св. Елены, на словахъ онъ какъ будто чувствуетъ себя глубоко растроганнымъ, при мысли объ «этомъ ми«ломъ французскомъ народѣ, который онъ такъ любилъ [4])». На дѣлѣ же онъ любитъ его, какъ всадникъ своего коня. Если онъ холитъ его и украшаетъ, если онъ выѣзжаетъ его, ласкаетъ и

«сказалъ: «Для спокойствія Франціи было бы лучше, если бы этотъ чело«вѣкъ никогда не существовалъ.—Почему же, гражданинъ-консулъ?—По«тому что это онъ подготовилъ революцію.—Мнѣ казалось, что вамъ-то «ужъ нечего жаловаться на революцію.—Подождите, будущее покажетъ, «не лучше-ли было бы для всеобщаго мира, еслибы ни Руссо, ни я нико«гда не существовали».—И онъ мечтательно продолжалъ свою прогулку.»— Stanislas Girardin, Journal et Mémoires, III, Visite du Premier Consul à d'Ermenonville.

[1]) Marmont, Mémoires, III, 337. (По возвращеніи послѣ Важама).

[2]) О зачаткахъ этого разлада, см. Armand Lefèvre, Histoire des Cabinets de l'Europe, 4 vol.

[3]) Correspondance de Napoléon I-er (Письмо королю Вюртембергскому, 2 апрѣля 1811).

[4]) Завѣщаніе 25 апрѣля 1821 г. «Я хотѣлъ бы, чтобы прахъ мой «покоился на берегахъ Сены, среди французскаго народа, который я такъ «любилъ».

поощряетъ, то только для своей собственной выгоды, чтобы пользоваться имъ, какъ полезнымъ животнымъ, до его полнаго изнеможенія и истощенія, чтобы заставить его нестись черезъ рытвины и овраги, черезъ препятствія и преграды, все болѣе непреодолимыя. Впередъ! Еще одинъ оврагъ! Еще одинъ барьеръ! Послѣ препятствія, которое казалось послѣднимъ, вырастаютъ все новыя, и бѣдная лошадь остается во всякомъ случаѣ навсегда тѣмъ, чѣмъ она и была: я хочу сказать, животнымъ, предназначеннымъ для ѣзды, и животнымъ уже надорваннымъ Дѣйствительно, попробуйте предположить, вмѣсто того страшнаго бѣдствія, какимъ оказался походъ въ Россію, блестящій успѣхъ, побѣду подъ Смоленскомъ, подобную Фридландской, миръ въ Москвѣ, заключенный на еще болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Тильзитѣ, покорность царя,—и прослѣдите, каковы могли бы быть послѣдствія. Весьма возможно, что царь былъ бы убитъ или свергнутъ съ престола, началось бы такое же патріотическое движеніе, какъ въ Испаніи; двѣ безпрерывныхъ войны на двухъ крайнихъ точкахъ Европы противъ религіознаго фанатизма, болѣе непримиримаго, чѣмъ всякая матеріальная заинтересованность, и противъ разбросаннаго варварства, болѣе непобѣдимаго, чѣмъ объединенная цивилизація. Въ лучшемъ случаѣ, возникновеніе обще-европейской монархіи съ постоянными подкопами глухой вражды и сопротивленія со стороны той же Европы; внѣшнее господство Франціи, силой водворенное на порабощенномъ континентѣ [1]), французскіе уполномоченные и комендантъ въ Петербургѣ и Ригѣ, какъ и въ Данцигѣ, Гамбургѣ, Амстердамѣ, Лиссабонѣ, Барцелонѣ и Тріестѣ; всѣ взрослые работоспособные французы разбросаны по всему міру, отъ Кадикса до Москвы, чтобы поддерживать побѣду и руководить ея результатами; все здоровое подрастающее поколѣніе призывается ежегодно къ рекрутской повинности, а тѣ, кому удалось избѣжать призыва, опять-таки привлекаются къ его отбытію уже особыми указами [2]); все мужское населеніе занято насильственнымъ на-

---

[1]) Correspondance de Napoléon I-er, XXII, 119 (Замѣтка Наполеона, апрѣль, 1811): «Въ Гамбургѣ всегда найдется отъ 8 до «10,000 французовъ, занимающихъ должности разныхъ чиновниковъ, «жандармовъ, въ таможняхъ, въ депо».

[2]) Mémoires inédits, par M. X... III, 571 и дальше: «Въ этомъ «году, 1813, съ 11 января и до 7 октября, 840,000 человѣкъ были уже вы«требованы императорскимъ французскимъ правительствомъ и пришлось «ихъ поставить».—Въ силу другихъ указовъ въ декабрѣ, въ распоря-

сажденіемъ власти и повиновенія; для всякаго культурнаго или некультурнаго человѣка нѣтъ иной перспективы, нѣтъ никакой карьеры, военной или гражданской, кромѣ постоянной караульной службы, грозящей и угрожаемой на посту солдата, таможенника или жандарма, въ качествѣ префекта, подпрефекта или полицейскаго комиссара, а въ сущности—того же сыщика или мелкаго деспота. Все это для того, чтобы держать въ подчиненіи подданныхъ, собирать контрибуцію, конфисковывать и сжигать товары, ловить контрабандистовъ и гнать по этапу бѣглецовъ, уклоняющихся отъ воинской повинности. Этихъ бѣглецовъ въ 1810 г. насчитываютъ уже до 160,000, осужденныхъ поименно [1]);

женіе правительства поступило еще 300,000 призывныхъ за весь періодъ съ 1806 и до 1814 включительно.—Ноябрьскій указъ требуетъ организаціи вспомогательнаго войска національной гвардіи въ 140,000 человѣкъ для защиты укрѣпленій.—Въ общей сложности—1,300,000 человѣкъ, призванныхъ въ теченіе одного года. «Никто и никогда не требо«валъ еще ни отъ одной націи, чтобы она давала добровольно «вести себя на бойню такими массами.»—Тамъ же, III, 489. Сенатское рѣшеніе и постановленіе Совѣта, по которому 10,000 молодыхъ людей, не подлежащихъ призыву или откупившихся отъ него, все-таки привлекались по произвольному выбору префектовъ, изъ среды самыхъ высшихъ классовъ общества. Явной причиной такой мѣры было желаніе «заполучить заложниковъ во всѣхъ тѣхъ семьяхъ, вѣрность которыхъ «была въ подозрѣніи. Ни одной мѣрой своей Наполеонъ не нажилъ себѣ «болѣе непримиримыхъ враговъ, чѣмъ этой».—Сравните de Ségur, II, 35. (На него была возложена организація и командованіе дивизіей, составленной изъ этой молодежи). Многіе изъ нихъ были сыновьями вандейцевъ или членовъ конвента, нѣкоторые были разлучены съ женой на другой день послѣ свадьбы, другіе оторваны отъ изголовья роженицы, или умирающаго отца, или больного ребенка; «среди нихъ попадались «люди такого слабаго сложенія, что казались умирающими».—Половина ихъ погибла въ кампаніи 1814.—Correspondance, письмо къ военному министру Кларку, 23 октября 1813 (по поводу новыхъ наборовъ). «Я считаю, что будетъ до 100,000 бѣглыхъ рекрутовъ.»

[1]) Archives nationales, AF. IV, 1297. (съ 206 по 210). Донесеніе императору главнаго ревизіоннаго генерала по рекрутскому набору, графа Дюма, 10 апрѣля 1810). Сверхъ 170 милліоновъ общаго штрафа, было наложено еще 1.675,457 франковъ штрафа на 2335 человѣкъ, признанныхъ «зачинщиками и сообщниками».—Тамъ же, AF, IV, 4051. (Донесеніе генерала Лакоста по департаменту Верхней Луары, 13 октября 1808): «Въ этомъ департаментѣ приходится почти всегда «учитывать возможность дезертированія половины... Въ большинствѣ «кантоновъ ведется постыдный торгъ жандармовъ съ призываемыми; вы«могательства ихъ простираются до требованія пенсіи за покровительство «нѣкоторымъ изъ рекрутовъ».

Тамъ же, AF, IV, 1052 (Донесеніе Пелэ, 12 января, 1812): «Операціи «рекрутскаго набора (въ Эро) налаживаются; списки 1811 года поставлены. «Оставалось 1800 скрывавшихся и бѣглыхъ рекрутовъ изъ высшихъ клас«совъ; летучимъ отрядомъ задержано изъ нихъ уже 1600; остальные 200 «еще не пойманы».—Faber, Notice (1807) sur l'intérieur de la France, стр. 141. «Дезертированіе, особенно на границахъ, принимаетъ, «иной разъ, угрожающіе размѣры: на 100 рекрутовъ порою насчитывается

при чемъ до 170 милліоновъ штрафа было наложено на ихъ семьи. Въ 1811 и 1812 годахъ летучіе отряды, преслѣдовавшіе бѣглецовъ, задерживаютъ ихъ до 60,000 и гонятъ толпами вдоль побережья, отъ Адура до Ніемена. По прибытіи на границу, ихъ включаютъ въ великую армію; но въ первые же мѣсяцы они дезертируютъ, а съ ними и ихъ товарищи по строю, въ количествѣ отъ 4 до 5 тысячъ въ день [1]). А если бы въ одинъ прекрасный день оказалась покоренной и Англія, пришлось бы и тамъ держать гарнизонъ, да еще и самый надежный.

Вотъ то сомнительное будущее, которое готовила Франціи эта система, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но обстоятельства сложились плохо, и къ концу 1812 года великая армія оказалась чуть ли не заживо погребенной въ россійскихъ снѣгахъ: конь оступился на всѣ четыре ноги. Къ счастью пострадалъ только конь: «здоровье Его Величества «не оставляетъ желать ничего лучшаго» [2]); всадникъ не причинилъ себѣ ни малѣйшаго вреда. Онъ подымается, и въ эту минуту его заботитъ не агонія издыхающаго животнаго, а его собственная неудача, его скомпрометированная репутація ѣздока, то впечатлѣніе, которое вынесетъ публика, ея свистки и весь комизмъ опаснаго прыжка, столь громогласно возвѣщеннаго и завершившагося такимъ жалкимъ паденіемъ. Десять разъ подъ-рядъ онъ повторяетъ, добравшись до Варшавы [3]): «Отъ вели«каго до смѣшного—одинъ шагъ». Въ слѣдующемъ году, въ Дрез-

---

«до 80 дезертировъ».—Тамъ же, стр. 149: «Въ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ «было опубликовано, что въ 1801 судъ первой инстанціи, засѣдавшій «въ Лиллѣ, осудилъ, по годичному набору, 135 уклонившихся отъ повин«ности, а въ Гентѣ—70. Но 200 рекрутовъ—это предѣльное число ка«кое можетъ поставить округъ департамента». Тамъ же, стр. 145: «Франція похожа на огромный домъ предварительнаго заключенія, «гдѣ одинъ караулитъ другого и гдѣ всѣ избѣгаютъ другъ друга. «Попадаются на каждомъ шагу молодые люди, по стопамъ которыхъ слѣ«дуютъ жандармы; а иной разъ, если подойти поближе, окажется, что руки «у нихъ связаны, а то и скованы».—Mathieu Dumas, III, 507 (Послѣ битвы при Дрезденѣ, въ дрезденскихъ госпиталяхъ): «Я смотрѣлъ съ очень не«пріятнымъ чувствомъ на этихъ легко раненыхъ больныхъ; большею частью «это были молодые новобранцы, только что прибывшіе въ армію, и ранены «они были не непріятельскимъ огнемъ, а просто сами изуродовали другъ «другу руки и ноги. Подобные же случаи, предвѣщавшіе такъ же мало «хорошаго, были замѣчены и въ кампанію 1809».

[1]) De Ségur, III, 474.—Thiers, XIV, 159. (Мѣсяцъ спустя послѣ переправы черезъ Нѣманъ до 150,000 человѣкъ исчезло изъ строя).

[2]) Двадцать девятый бюллетень (3 декабря 1812).

[3]) De Pradt, Histoire de l'ambassade de Varsovie, p. 219.

денѣ онъ съ еще большей неосторожностью, безъ всякаго стыда и совѣсти, обнажаетъ свою основную страсть и свои побудительные мотивы, всю необъятность и хищничество своего безпощаднаго самолюбія. «Чего отъ меня хотятъ? — говоритъ онъ «Меттерниху [1]),—чтобы я себя унизилъ? Никогда! Умру скорѣе, но «не уступлю ни одной пяди своихъ завоеваній. Ваши государи, «рожденные на тронѣ, могутъ двадцать разъ потерпѣть пораже«ніе и потомъ благополучно вернуться въ свои столицы; для меня «это невозможно, потому что я—солдатъ, выскочка. Моя власть «не переживетъ ни одного дня, послѣ того какъ я перестану «быть сильнымъ и, слѣдовательно, опаснымъ».

Дѣйствительно, весь его деспотизмъ во Франціи зиждется на его европейскомъ всемогуществѣ; если онъ перестанетъ быть хозяиномъ на континентѣ, «ему придется считаться съ законо«дательнымъ совѣтомъ» [2]). Но онъ скорѣе поставитъ все на карту, рискнетъ всѣмъ и все потеряетъ, чѣмъ согласится на такую второстепенную роль, чѣмъ станетъ конституціоннымъ монархомъ, ограниченнымъ палатами.

«Я видѣлъ вашихъ солдатъ,—говоритъ ему Меттернихъ,—это «дѣти. Когда этой арміи подростковъ, которыхъ вы призываете «къ оружію, не станетъ, что будете вы дѣлать?» При этихъ словахъ, которыя ранятъ его, въ самое сердце, онъ блѣднѣетъ; его душитъ гнѣвъ, черты лица болѣзненно сокращаются; какъ раненый, который дѣлаетъ неловкое движеніе и раскрывается весь, онъ запальчиво говоритъ Меттерниху: «Вы не солдатъ и не мо«жете знать того, что происходитъ въ душѣ солдата. Я выросъ «на полѣ брани. Такой человѣкъ, какъ я, плюетъ на жизнь мил-

---

[1]) M. de Metternich, I, 147.—Fain, Manuscrit de 1813, II, 26 (Обращеніе Наполеона къ своимъ генераламъ): «Намъ необходимо полное «торжество. Теперь вопросъ уже не въ томъ, чтобы намъ подчинилась «та или иная провинція; дѣло уже идетъ о нашемъ политическомъ пре«восходствѣ, а отъ него зависитъ все наше существованіе».—II, 41, 42 (Слова Наполеона къ Меттерниху): «Такъ значитъ это мой тесть при«нимаетъ подобный проектъ! Такъ это онъ посылаетъ васъ ко мнѣ! Въ «какое же положеніе онъ хочетъ поставить меня передъ французскимъ «народомъ? Онъ жестоко ошибается, если воображаетъ, что потрясенный «престолъ можетъ служить во Франціи убѣжищемъ для его дочери и «внука... Ахъ, Меттернихъ, Меттернихъ! Сколько дала вамъ Англія, чтобы «заставить васъ вести эту игру противъ меня?!» (Послѣдняя фраза, пропущенная Меттернихомъ въ его разсказѣ, очень характерна; даже въ такую рѣшительную минуту Наполеонъ не можетъ удержаться, продолжая безъ всякой надобности и даже во вредъ себѣ и наступать, и оскорблять).

[2]) Souvenirs du feu duc de Broglie, I, 235.

«ліона людей» [1]). Его химера императорской власти поглотила гораздо больше: между 1804 и 1815 годами онъ погубилъ болѣе 1,700,000 французовъ, рожденныхъ въ предѣлахъ старой Франціи [2]), къ которымъ нужно причислить около 2 милліоновъ, рожденныхъ внѣ ея предѣловъ, убитыхъ ради него подъ именемъ союзниковъ, или убитыхъ имъ въ качествѣ непріятеля.

Чего же добились бѣдные галлы, восторженные и легковѣрные, дважды довѣривъ ему свое общественное дѣло? Прежде всего двукратнаго иноземнаго вторженія. Единственной отплатой за всю ихъ преданность, за всѣ эти потоки пролитой крови, и ихъ собственной и чужой, была Франція, урѣзанная на пятнадцать департаментовъ, пріобрѣтенныхъ до него республикой, потерявшая Савойю, Бельгію и лѣвый берегъ Рейна, потерявшая весь сѣверо-западный уголъ, который составлялъ ея границу, прикрывалъ ея слабѣйшую точку и, по словамъ Вобана, «округлялъ «ея владѣнія»; Франція, отрѣзанная отъ четырехъ милліоновъ своихъ новыхъ гражданъ, которые за двадцать лѣтъ совмѣстной жизни успѣли слиться съ нею почти воедино; мало того, оттѣсненная за свои предѣлы 1789 года, она только одна оказалась сжатою и ослабленной, среди расширившихъ свои границы сосѣдей, подозрительная для всей Европы, окруженная прочнымъ и грознымъ кольцомъ всеобщаго недовѣрія и вражды.

Таково политическое дѣтище Наполеона, порожденіе генія на службѣ эгоизма. Въ построеніи его европейскаго зданія такъ же какъ и французскаго, всепоглощающій эгоизмъ его

---

[1]) Тамъ же, I, 230: «Нѣсколькими днями раньше, Наполеонъ гово-«рилъ Нарбонну, а тотъ повторилъ мнѣ все это въ тотъ же вечеръ: «Въ «общей сложности, чего мнѣ, собственно говоря, стоила вся эта исторія «(русская кампанія)? какихъ нибудь 300,000 человѣкъ, при чемъ, въ числѣ «ихъ было столько нѣмцевъ!»—Mémoires inédits par M. X..., V, 615 (По поводу основныхъ пунктовъ франкфуртскаго договора, принятыхъ Наполеономъ слишкомъ поздно, когда это было уже лишнимъ): «Особенно «характеризуетъ эту ошибку Наполеона то обстоятельство, что она на-«рушала интересы Франціи еще болѣе, чѣмъ его собственные. Этими ин-«тересами онъ пожертвовалъ ради своихъ личныхъ затрудненій, ради «своего ложнаго стыда и самолюбія, побоявшись очутиться въ нѣкоторомъ «родѣ одному передъ лицомъ націи, которая всѣмъ для него пожертво-«вала и которая съ полнымъ правомъ могла бросить ему укоръ за все это «страшное количество пролитой крови и растраченныхъ сокровищъ ради «предпріятій, оказавшихся безумными и невыполнимыми».

[2]) Léonce de Lavergne, Economie rurale de la France, p. 40. (По свидѣтельству бывшаго завѣдующаго рекрутскимъ наборомъ во времена Имперіи).

допустилъ крупную архитектоническую ошибку. Въ европейскомъ зданіи эта основная ошибка давала себя чувствовать уже съ первыхъ дней, а черезъ пятнадцать лѣтъ вызвала внезапную катастрофу; во французскомъ зданіи она такъ же значительна, хотя и менѣе бросается въ глаза; она проявитъ себя въ полной мѣрѣ только черезъ полстолѣтія, а можетъ-быть еще и черезъ цѣлое столѣтіе; но отъ этого ея медленное и постепенное дѣйствіе не станетъ менѣе пагубнымъ и неминуемымъ.

3885

КАТАЛОГИ

книгоиздательствъ

„Мусагетъ“, „Альціона“ и „Скорпіонъ“.

Книгоиздательство „Мусагетъ“.

Редакторъ Э. К. Метнеръ.

Москва, Пречистенскій бульваръ, д. 31, кв. 9.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Символизмъ. Книга статей. Москва. 1910 г. Цѣна 3 р.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Арабески. Книга статей. Москва. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Трагедія творчества. (Достоевскій и Толстой). М. 1912. Ц. 40 к.

ВОЛЬФИНГЪ. Модернизмъ и музыка. Книга статей. Москва. 1911. Цѣна 2 р.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. Эллинская религія страдающаго Бога. Опытъ религіозно-исторической характеристики. (Печатается).

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. Межи и борозды. Вторая книга статей. (Готовится).

ЭЛЛИСЪ. Русскіе символисты. (Бальмонтъ, Брюсовъ, Андрей Бѣлый). Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

СЕРГѢЙ ДУРЫЛИНЪ. Рихардъ Вагнеръ и Россія. (Готовится).

БОРИСЪ САДОВСКОЙ. Русская Камена. Книга статей. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

БОРИСЪ ЯКОВЕНКО. О сущности философіи. Введеніе въ трансцендентализмъ. (Печатается).

АДОЛЬФЪ ГИЛЬДЕБРАНДЪ. Проблема формы въ изобразительныхъ искусствахъ. Переводъ подъ редакціей Г. А. Рачинскаго. Къ изданію будутъ приложены многочисленные снимки на отдѣльныхъ таблицахъ, библіографическій указатель и біографическая замѣтка о Гильдебрандѣ. (Готовится).

ХАУСТОНЪ СТЮАРТЪ ЧЕМБЕРЛЕНЪ. Арійское міросозерцаніе. Переводъ съ нѣмецкаго. (Печатается).

ПАУЛЬ ДЕЙССЕНЪ. Веданта и Платонъ въ свѣтѣ Кантовой философіи. Переводъ съ нѣмецкаго М. Сизова. М. 1912 г. Ц. 40 к.

ПАВЛИНЪ ИЗЪ ПЕЛЫ. Эвхаристиконъ Богу. Автобіографія неудачника V вѣка. Переводъ въ стихахъ, размѣромъ подлинника, съ предисловіемъ и историко-литературными примѣчаніями Валерія Брюсова. (Готовится).

ПРОВАНСАЛЬСКІЕ ЛИРИКИ XII и XIII вѣковъ. Переводъ Н. П. Киселева. Т. I. Переводы. Т. II. Комментаріи. (Готовится).

ЛЕОНАРДО да ВИНЧИ. Трактатъ о живописи. Переводъ и вступительная статья М. С. Сергѣева. (Готовится).

ЖОЗЕФЪ ОРСЬЕ. Агриппа Неттесгеймскій. Великій искатель приключеній XVI вѣка. Критико-біографическій очеркъ. Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями Валерія Брюсова. Съ портретомъ. (Печатается).

ГЕТЕ. Театральное призваніе Вильгельма Мейстера (Wilhelm Meister's Theatralische Sendung). I. Переводъ первоначальной редакціи романа „Ученическіе годы Вильгельма Мейстера". II. Предисловіе перваго издателя. III. Приложенія: 1) Сводъ отзывовъ Гете о своемъ романѣ, 2) Выдержки изъ писемъ Шиллера о «Вильгельмѣ Мейстерѣ». (Готовится).

ФРИДРИХЪ ШЛЕГЕЛЬ. Люцинда. Съ приложеніемъ писемъ Шлейермахера. Переводъ и вступительная статья Ѳ. А. Степпуна. (Готовится).

СТЕНДАЛЬ (АНРИ БЕЙЛЬ) О любви. Переводъ, примѣчанія и статья Н. П. Киселева. (Печатается).

ЮЛІЙ СЛОВАЦКІЙ. Ангелли. Переводъ А. Гумилевскаго. (Готовится).

ИППОЛИТЪ ТЭНЪ. Наполеонъ Бонапарте. Переводъ О. К. Синцовой. Съ портретомъ Москва. 1912. Цѣна 85 к.

БОДЛЭРЪ. Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ Эллиса. М. 1910 г. Ц. 1 р.

АНТОЛОГІЯ. Книга стиховъ. Москва. 1911.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ.

Книга первая. Стихи о Прекрасной Дамѣ. (1898—1904).

Изданіе второе, исправленное и дополненное. М. 1911. Ц. 2 р.

Книга вторая. Нечаянная Радость. (1904—1906). Изданіе второе. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Книга третья. Снѣжная Ночь. (1906—1911). Изданіе второе. М. 1912 г. Цѣна 1 р. 50 к.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. Ночные Часы. Новый сборникъ стихотвореній. М. 1911. Ц. 1 р.

З. Н. ГИППІУСЪ. Собраніе стиховъ. Книга вторая. М. 1910 г. Цѣна 1 р.

СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. Апрѣль. Книга стиховъ. М. 1910 г. Цѣна 2 руб.

СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. Цвѣтникъ Царевны. Книга стиховъ (Печатается).